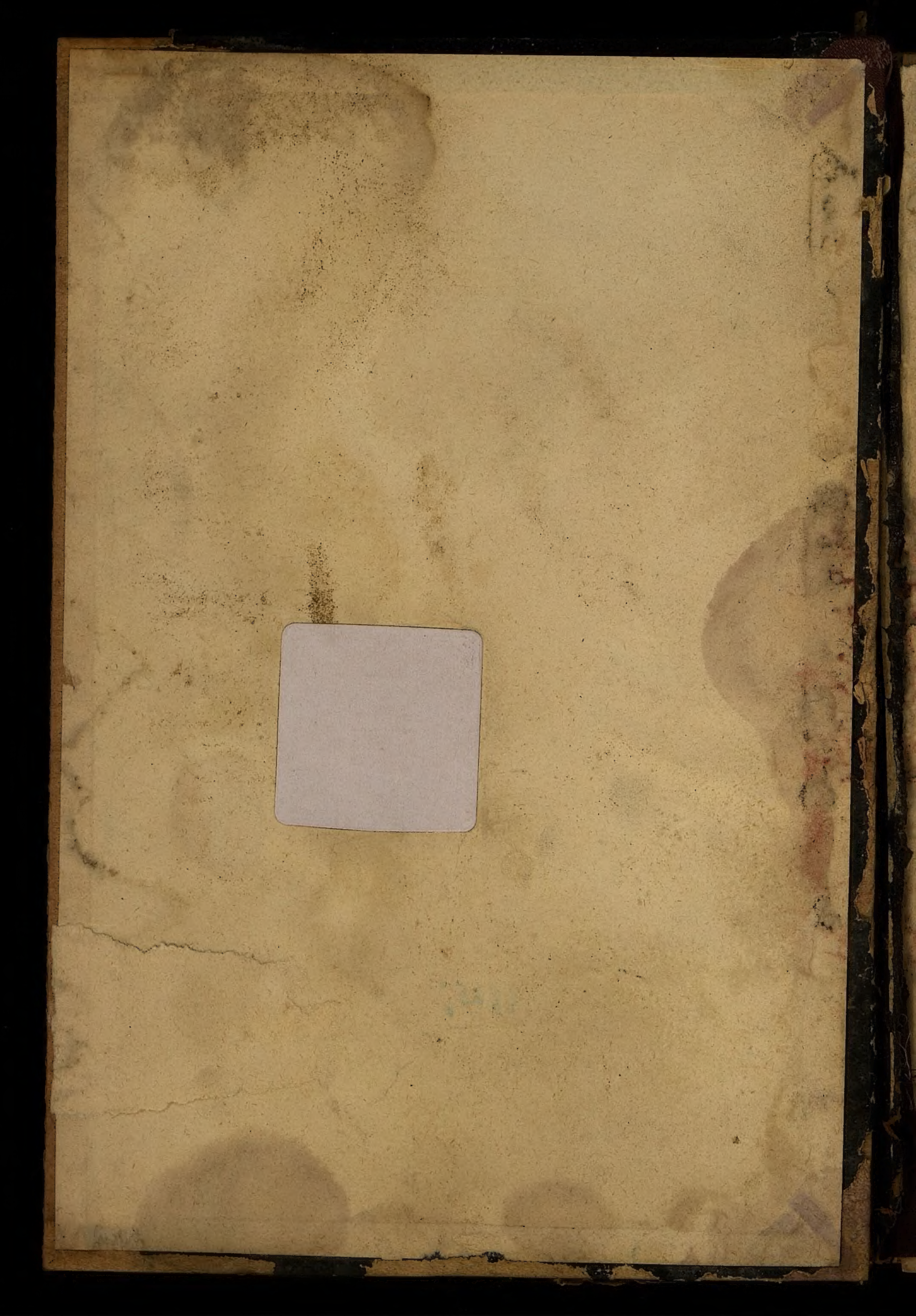

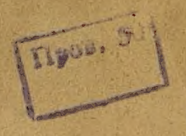

(Годъ шестнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878. 5.

СОДЕРЖАНІЕ

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1878.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать:

Николая Грота. Критическій очеркъ по поводу книги Козлова: „Философскіе этюды", Кіевъ, 1877. 28 стр. Цѣна 40 к.

Его же. Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. Кіевъ, 1878. 68 стр. Цѣна 50 к.

Натальи Петровны Гротъ. Свобода въ жизни и государствѣ. Этюдъ по Чаннингу. Въ пользу вдовъ и сиротъ убитыхъ воиновъ. Спб. 1878. 32 стр. Цѣна 25 к.

*

Русскій Архивъ.

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Письма **В. А. Жуковскаго** къ Имп. Александрѣ Θеодоровнѣ о первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—50 писемъ **А. С. Пушкина** къ кн. П. А. Вяземскому съ новыми его стихами.—Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи.—Письма **лорда Мальмсбюри**.—Записки **князя Θ. Н. Голицына, Хршонщевскаго, И. Θ. Тимковскаго**, графини **А. Д. Блудовой**.—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго**. Цѣна 3 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ. — Письмо **имп. Павла** къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **гр. Н. И. Панина** о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра I-го.—Два письма изъ Лондона отъ **гр. С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ имп. Александру. — Записки **Н. И. Лорера**.— Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго** — Θ. И. Тютчевъ, статья **И. С. Аксакова**. Цѣна 3 руб.

*

1875 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки сенатора **Е. Θ. Фонъ-Брадке**.—Воспоминанія **гр. Блудовой**.—Старая Записная Книжка.—Письма **имп. Александра I-го** къ кн. Васильчикову. — Записки и бумаги **И. Б. Пестеля**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Сказаніе о Коліевщинѣ **М. А. Максимовича**.—Бумаги **князя Васильчикова**.—Старая Записная Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**.—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго** и **князя Васильчикова**. Цѣна 3 рубля.

*

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова**. Опала **графа Н. П. Панина** при Павлѣ. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго**. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова**. Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ. Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича. Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Записки Польскаго **епископа Буткевича** (бесѣды съ императоромъ Николаемъ и папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ, статья князя **П. А Вяземскаго**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его переписка съ Екатериною II-ю. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича. Сборникъ неизданныхъ стихотво-

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

(1878).

2.

Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ.
Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

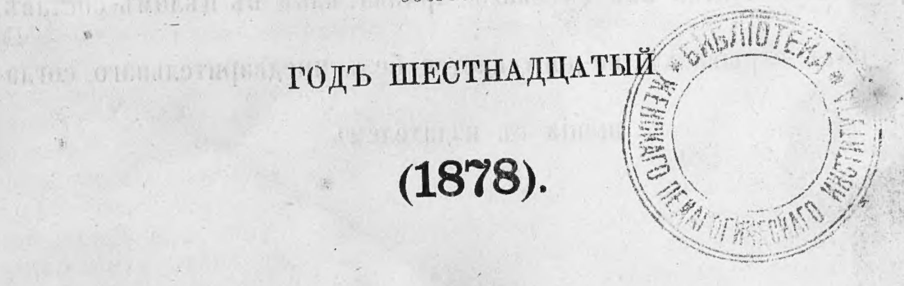
Петромъ Бартеневымъ.

„Прошедшее даетъ цѣну и указываетъ мѣсто настоящему, опредѣляя дорогу для будущаго“.

И. В. Кирѣевскій.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

(1878).

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1878.

Яицкое войско и проэктъ Неплюева объ его преобразованіи.

Яицкое войско, образовавшееся въ концѣ XVI вѣка изъ Донскаго, было первою колонозирующею силою нижняго теченія р. Урала. Покорившись добровольно власти Московскихъ государей, Яицкіе казаки, по причинѣ отдаленности отъ правительственнаго центра Россіи, нерѣдко оказывались противниками желаніямъ правительства, такъ какъ заботились о неприкосновенности своего устройства, о расширеніи и укрѣпленіи казачьихъ правъ и вольностей. Основываясь на грамотѣ царя Михаила Θеодоровича, они смотрѣли на себя какъ на единственныхъ обладателей р. Яика, или теперешняго Урала; опираясь на его грамоту, они считали себя въ правѣ принимать въ свою общину вольныхъ людей и жить по казацкимъ обычаямъ. Внутреннее устройство Яицкой общины представляло родъ республики и имѣло характеръ древневѣчеваго уклада. Всѣ члены общины были равны между собою; всѣ покорялись одинаковымъ правиламъ и слѣдовали одинаковымъ обычаямъ, вытекавшимъ изъ условій самой жизни и потому сохранявшимъ силу обычнаго права. Домашнее правленіе у казаковъ было выборное: всѣхъ должностныхъ лицъ, начиная съ атамана и кончая простымъ десятникомъ, казаки «вольными и согласными голосами» выбирали изъ своей же среды и давали имъ власть творить судъ и расправу надъ собою, однакожъ, въ тѣхъ размѣрахъ, какіе допускались обычнымъ правомъ народа, не болѣе. Дѣла обыкновенныя, обыденныя, напр., тяжбы, различныя ссоры и т. п., разбирались и рѣшались атаманомъ и другими начальниками по казачьимъ обычаямъ, имѣвшимъ силу закона; дѣла же болѣе важныя обсуждались и рѣшались большинствомъ голосовъ въ войсковомъ кругу, гдѣ каждый казакъ имѣлъ право голоса. Выбранные начальники занимали свои мѣста неопредѣленное время; сроковъ службы должностныхъ лицъ у казаковъ не было. Если избранный казаками начальникъ выполнялъ хорошо порученныя ему дѣла, нисколько не злоупотребляя своею властью, тотъ сохранялъ за собою возложенную на него должность очень долгое время, а иногда и всю жизнь, пользуясь въ тоже время нравственнымъ вліяніемъ на казаковъ и матеріальнымъ обезпеченіемъ со стороны послѣднихъ. Но когда кто изъ выборныхъ, хотя бы то былъ войсковой атаманъ, не оправдывалъ довѣрія къ нему народа, того община безъ церемоніи низлагала и обращала въ первобытное состояніе, поглощая въ себѣ же. Такой порядокъ вещей былъ хорошъ и выгоденъ для казаковъ; былъ, какъ говорится, по душѣ имъ. Но съ

теченіемъ времени, когда среди казаковъ образовался классъ людей богатыхъ и вліятельныхъ, прежнее равенство было нарушено, равноправность членовъ общины была потрясена. Страхъ общиннаго суда сталъ ослабѣвать; явились безпорядки въ распредѣленіи и расходахъ общественныхъ суммъ; взяточничество и воровство войсковыхъ денегъ достигли большихъ размѣровъ. Отсюда возникаетъ борьба двухъ началъ: бюрократическаго и общиннаго, народнаго. Среди самихъ казаковъ явились доносчики или «извѣтчики», которые приходили къ губернаторамъ и воеводамъ, особенно въ Казань, и уличали атамана и его совѣтниковъ въ пріемѣ и приверстываніи въ казаки бѣглыхъ. Особенно много надѣлалъ хлопотъ и дорого стоилъ казакамъ «извѣтъ» Яицкаго знаменщика Ив. Карташева. Доносъ Карташева, направленный главнымъ образомъ на укрывательство на Яикѣ бѣглыхъ, повелъ къ тому, что въ Яицкій городокъ были отправлены слѣдователи, сыщики и фискалы, которые, обирая безцеремонно казаковъ, еще болѣе осложнили дѣло по извѣту Карташева.

Петръ Великій, назначивъ въ войсковые атаманы Григорія Меркурьева, приказалъ произвести перепись казаковъ и раздѣлить ихъ на сотни и десятки, для чего и былъ отправленъ на Яикъ въ 1722 году полковникъ Захаровъ, котораго казаки едва не лишили жизни. Выборъ войсковаго атамана хотя по прежнему былъ предоставленъ войску, но утвержденіе его съ 1723 года зависѣло отъ высочайшей власти. Военная Коллегія, въ вѣдѣніе которой поступило Яицкое войско въ 1721 году, не жалуя казацкаго самоуправленія, хотѣла преобразовать внутренній строй казацкой общины и сдѣлать изъ казаковъ постоянную военную силу, на которую бы всегда можно было положиться. Но казаки, хотя и видѣли, что старый вѣчевой порядокъ ихъ управленія долженъ рушиться, рѣшились всѣми мѣрами препятствовать осуществленію плановъ Военной Коллегіи. Страшась, камъ огня, солдатчины и всякихъ нововведеній, казаки не хотѣли ни въ чемъ уступить Военной Коллегіи, дабы «впредъ ей повадно не было». На всѣ предписанія и требованія В. Коллегіи они прямо и энергично отвѣчали: «не можно сему быть, понеже войску Яицкому даровано отъ царя Михаила Ѳеодоровича право служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чемъ невредиму состоять». Старшины, есаулы и другія должностныя лица, во главѣ съ атаманомъ, хорошо понимали выгоду и необходимость солидарности съ правительствомъ, и потому, дѣйствуя согласно цѣлямъ послѣдняго, волей-не-волей должны были стать въ оппозиціонное отношеніе къ народу. Явились двѣ партіи: атаманская, или старшинская, и народная; началась междоусобная борьба; о прежнемъ единодушіи не могло быть и рѣчи. Перевѣсъ почти всегда былъ на сторонѣ сильной своимъ вліяніемъ, а не численностію, старшинской партіи. Эта борьба, безъ сомнѣнія, не могла обѣщать чего-либо хорошаго и въ будущемъ, что доказали послѣдующія событія на Яикѣ, закончившіяся участіемъ Яицкихъ казаковъ въ Пугачевщинѣ. Извѣстный процессъ по дѣлу атамана Меркурьева и старшины Логинова [1]) привелъ, наконецъ, къ тому, что 25 Августа 1740 года изданъ былъ указъ, которымъ предписывалось: «въ должность атамана избирать трехъ кандидатовъ изъ заслуженныхъ, богобоязненныхъ, вѣрныхъ и въ воинскомъ дѣлѣ по ихъ обыкновенію иску-

---

[1]) П. С. Зак., т. XI, № 8215, стр. 226.

сныхъ людей и, исчисливъ ихъ службы и достоинства, представлять ихъ чрезъ Военную Коллегію на утвержденіе достойнѣйшаго изъ нихъ по высочайшей волѣ». Обиженнымъ предоставлено было право являться съ жалобой въ В. Коллегію, но если обвиненія ихъ окажутся неосновательными, то съ ними велѣно поступать по всей строгости законовъ; предписано было также завести приходорасходныя книги за шнуромъ и печатью, «и въ тѣхъ деньгахъ сборщиковъ и расходчиковъ считать при войскѣ погодно, и на войсковые домашніе расходы денегъ съ казаковъ, кромѣ поведерныхъ и вѣсовыхъ, сбирать запретить». Военная Коллегія получила указъ «собрать подлинныя вѣдомости, на какомъ основаніи Яицкіе казаки сперва тамъ поселены, какія вольности и жалованныя грамоты притомъ даны и генерально обо всемъ томъ, что̀ до упомянутыхъ Яицкихъ казаковъ касается, и по онымъ имѣть разсужденіе и, постановя на мѣрѣ, па какомъ надежномъ основаніи съ собственною ихъ пользою впредь содержать и оное съ приложеніемъ своего мнѣнія представить» [2]. Но такого рода мѣры не могли привести правительство къ достиженію предположенной цѣли. Демократическая воля въ Яицкомъ казачествѣ до того была сильна и необузданна, что оно по прежнему не хотѣло слѣдовать указаніямъ Военной Коллегіи и продолжало вести открытую, неусыпную борьбу съ ограничительными притязаніями начальства. Постановленія 1740 года не приводились въ исполненіе: казаки продолжали управляться прежними обычаями страны. Военная Коллегія также не успѣла еще собрать затребованныхъ отъ нея свѣдѣній относительно Яицкаго войска.

Въ 1744 году Оренбургская коммиссія была преобразована въ губернію, и тогда же Яицкое войско подчинено вѣдомству Оренбургскаго губернатора, Ивана Ивановича Неплюева.

Считаемъ нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ государственномъ дѣятелѣ XVIII вѣка [3]). Сынъ бѣднаго Новгородскаго дворянина, Неплюевъ началъ свою службу при Петрѣ Великомъ, въ чинѣ поручика, и вышелъ въ чистую отставку уже при Екатеринѣ II-й съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, семидесяти лѣтъ отъ роду. Дѣятельность Неплюева въ высшей степени была разносторонняя; его служебныя обязанности весьма разнообразны; его энергія и трудолюбіе—изумительны. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ представляетъ собою типъ учениковъ, вышедшихъ изъ школы Петра Великаго. Вся жизнь этого почтеннаго Русскаго дѣятеля можетъ служить краснорѣчивымъ доказательствомъ того, какъ сильно, прочно и плодотворно было вліяніе могучаго Императора, когда оно падало на благодарную почву. Основныя понятія Петра о безкорыстномъ

---

[2]) Ibid., стр. 228.

[3]) Съ подробностями біографіи Неплюева, особенно съ его дѣятельностію въ Оренбургскомъ краѣ, желающіе могутъ познакомиться изъ монографіи: «Неплюевъ и Оренбургъ», напечатанной нами въ «Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ» за 1873—1875 годы и, частію, перепечатанной въ «Оренбург. Губ. Вѣдом.» за 1874 годъ. Въ настоящее время монографія эта пересматривается вновь и будетъ со временемъ напечатана въ болѣе полномъ видѣ, благодаря новымъ матеріаламъ, которые мы недавно получили отъ Николая Николаевича Неплюева, одного изъ потомковъ Ив. Ив. Неплюева.

служеніи Отечеству, его идеи о гражданской честности, нравственномъ долгѣ и справедливости были вполнѣ усвоены Неплюевымъ. Достойный ученикъ не только понималъ планы своего учителя-Государя, но умѣлъ энергично и выполнять ихъ. Стремясь постоянно приблизиться въ своей общественной дѣятельности къ Петру, какъ идеалу, и питая къ нему личную привязанность, Неплюевъ остался чистымъ среди интригъ, сплетенъ, взяточничества, казнокрадства, роскоши и другихъ пороковъ своего времени. Неплюевъ былъ не только хорошій морякъ, храбрый воинъ, опытный инженеръ, искусный дипломатъ, энергичный колонизаторъ, благоразумный и честный служака; но вмѣстѣ съ тѣмъ истинный христіанинъ, добрый и попечительный отецъ семейства, а главное—человѣкъ, который, горячо и неподдѣльно любя свое Отечество, посвятилъ ему болѣе 50-ти лѣтъ своей служебной трудовой дѣятельности, и только совершенная потеря зрѣнія заставила его проситься въ чистую отставку. Не даромъ Петръ Великій, еще въ самомъ началѣ службы Неплюева, говаривалъ, что «въ этомъ маломъ путь будетъ»; проницательность генія Петра оправдалась: ее подтвердили послѣдующіе монархи и потомство. Но Неплюевъ, всегда вѣрный долгу службы, никогда не самообольщался своими великими заслугами: доступъ до него былъ открытъ каждому, и всякаго выслушивалъ онъ съ внимательнымъ терпѣніемъ. Полагаясь во всемъ на Провидѣніе, управляющее жребіемъ смертныхъ, Неплюевъ скончался на 81 году жизни съ искренней вѣрой въ Бога и твердой надеждой на будущую жизнь. Сознавая свои ошибки, какъ человѣкъ, Неплюевъ просилъ о немъ помолиться: «помолитесь обо мнѣ грѣшномъ!» были послѣднія его слова въ жизни. Прошло сто лѣтъ [4]) со дня кончины Неплюева, и Оренбургскій край вспомнилъ завѣтъ своего умнаго, добраго и дѣятельнаго губернатора: 11 Ноября 1873 года въ Оренбургѣ, Уфѣ, Троицкѣ, Уральскѣ, Гурьевѣ и по селамъ Оренбургской губерніи была отслужена литургія объ упокоеніи души болярина Іоанна; служители алтаря возвѣстили о Неплюевѣ собравшемуся народу съ церковнаго амвона [5]) и, вмѣстѣ съ нимъ, молились о незабвенномъ труженикѣ и о томъ, чтобы побольше было на Руси Неплюевыхъ.

Яицкое войско особенно было многимъ обязано своему губернатору: Неплюевъ отстоялъ предъ правительствомъ права войска на р. Яикъ, укрѣпивъ и заселивъ ее форпостами и редутами на протяженіи 700 верстъ, отъ Разсыпной крѣпости до Гурьева городка. Благодаря стараніямъ Неплюева, казаки получили въ аренду Гурьевскіе учуги и соляной сборъ съ соленой рыбы и ея продуктовъ, производившійся въ Сызрани, на Батрацкой пристани, въ Самарѣ, Сергіевскѣ, Алексѣевскѣ и въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ. Неплюевъ же защитилъ приверженцевъ старообрядства отъ крутыхъ и смѣлыхъ мѣръ извѣстнаго ревнителя православія, Казанскаго епископа, Луки Ка-

---

[4]) Ив. Ив. Неплюевъ умеръ 11 Ноября 1773 года, и 20 числа того же мѣсяца погребенъ въ построенномъ имъ самимъ храмѣ, служащемъ донынѣ фамильнымъ склепомъ его потомковъ и находящемся въ селѣ Поддубьѣ, Петербургской губ., Лужскаго уѣзда.

[5]) Нѣкоторыя изъ словъ, сказанныхъ въ день 100-лѣтняго юбилея Неплюева, были даже напечатаны. См. напр. «Оренбургскія Епарх. Вѣд.» за 1873 г. № 21, 1874 г. № 1.

нашевича. Не смотря на многіе недостатки Яицкаго войска, Неплюевъ видѣлъ, что оно составляло незамѣнимый матеріалъ для военной колонизаціи края, и потому онъ всячески старался улучшить экономическій бытъ войска, дать ему прочное административное и военное устройство, руководясь тѣми основаніями, которыя наиболѣе согласовались съ потребностями колонизируемаго имъ края и назначеніемъ, какое должна была занять, по его мнѣнію, Яицкая казацкая община. Между тѣмъ, Военная Коллегія, въ силу указовъ отъ 9 Декабря 1745 г. и 22 Іюля 1748 г., предписала Неплюеву собрать подробныя свѣдѣнія о прежнемъ состояніи Яицкаго войска, учинить штатъ и указать способы содержанія войска, замѣтивъ, что «о Яицкомъ войскѣ обстоятельныхъ извѣстій не бывало и нѣтъ, что чрезъ одну переписку съ тѣмъ войскомъ исправить весьма невозможно». Нелегкое порученіе давала В. Коллегія Неплюеву, если принять во вниманіе внутреннюю борьбу партій въ Яицкомъ войскѣ и заклятую ненависть казаковъ ко всякаго рода новшествамъ, особенно къ штатамъ. Но Неплюевъ, при всей своей энергіи и настойчивости, менѣе всѣхъ встрѣтилъ протеста со стороны казаковъ. Держась всегда Русской пословицы, что «свой глазъ—алмазъ», Неплюевъ донесъ В. Коллегіи [6]), что онъ считаетъ необходимымъ посѣтить лично Яицкій городокъ «и, разсмотря всѣ до того принадлежащія окрестности, Государственной В. Коллегіи единожды такое представленіе учинить, чтобы оное къ высокому той Коллегіи разсмотрѣнію, елико можно, было достаточно и къ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ благонадежно, также бы и съ состояніемъ онаго войска сходственно». Неплюевъ, получивъ дозволеніе на выѣздъ изъ Оренбурга, въ Ноябрѣ 1748 г. прибылъ въ Яицкій городокъ, въ сопровожденіи извѣстнаго бытописателя Оренбургскаго края, П. И. Рычкова. Собравъ здѣсь свѣдѣнія, какія только было возможно, частію по изустнымъ разсказамъ стариковъ, частію на основаніи бумагъ, сохранившихся въ Войсковой Избѣ, Неплюевъ препроводилъ ихъ въ Военную Коллегію, представивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свой проэктъ о переустройствѣ Яицкаго войска, обнимающій собою многія стороны его быта. Изъ донесенія Неплюева видно, что различные безпорядки и несогласія, происходившіе до того въ войскѣ, раздѣленіе казаковъ на двѣ враждебныя партіи, зависѣли оттого, что въ войскѣ не было ни штата, ни правильно организованныхъ административныхъ учрежденій, ни строго опредѣленнаго круга дѣятельности должностныхъ лицъ; все зависѣло отъ произвола выборныхъ казаковъ и основывалось на прежнихъ казачьихъ обычаяхъ; приходо-расходныхъ книгъ, не смотря на указъ 1740 г., не велось; съ казаковъ брали должные и недолжные поборы; о производствѣ слѣдственныхъ дѣлъ никакихъ письменныхъ документовъ не было, и т. п. «Того ради»,— говоритъ Неплюевъ,—«для приведенія сего нерегулярнаго и въ здѣшнихъ мѣстахъ нужнаго корпуса въ лучшій порядокъ, нынѣ учиненъ примѣрный штатъ». Вообще, по мнѣнію Неплюева, необходимы были коренныя преобразованія въ Яицкомъ войскѣ, и онъ изложилъ ихъ въ особомъ проэктѣ, которому, впрочемъ, не суждено было осуществиться вполнѣ. Въ своемъ проэктѣ Неплюевъ съ подробностію опредѣляетъ права и кругъ дѣятельности всѣхъ должностныхъ лицъ, начиная съ атамана и кончая простымъ казакомъ;

[6]) 20 Августа 1748 г.

съ неменьшею подробностію излагаетъ онъ и свое мнѣніе объ устройствѣ полковъ или станицъ, о походной и городской артилеріи; опредѣляетъ окладъ жалованія для служащихъ; указываетъ на порядокъ въ содержаніи форпостовъ, въ отбываніи нарядовъ и командировокъ; излагаетъ свои соображенія о бѣдныхъ, объ отношеніи къ нимъ казаковъ, говоритъ о рыбныхъ и другихъ промыслахъ и т. д. Всѣ эти данныя, какъ результатъ личныхъ наблюденій надъ Яицкимъ казачествомъ глубокаго государственнаго ума, безъ всякаго сомнѣнія, весьма важны для исторіи казачества, и потому-то мы осмѣливаемся думать, что помѣщаемый ниже проэктъ Неплюева о преобразованіи Яицкаго войска не будетъ лишнимъ въ Русской исторической литературѣ. Интересно было бы знать содержаніе и другаго проэкта Неплюева, о которомъ упоминаетъ Порошинъ въ своихъ Запискахъ [7]), именно—проэкта о закладѣ и выкупѣ имѣній, написаннаго Неплюевымъ, по распоряженію графа Остермана, въ царствованіе Анны Ивановны и отмѣненнаго по проискамъ князя Н. Ю. Трубецкаго. Графъ Н. И. Панинъ говоритъ, что этотъ проэктъ «сочиненіе весьма благоразумное и достойное быть въ законахъ государства просвѣщеннаго [8]); но въ чемъ состоялъ этотъ проэктъ и гдѣ находится онъ теперь, намъ положительно неизвѣстно. Желательно было бы появленіе въ печати и писемъ Неплюева. Извѣстно, что Неплюевъ пользовался большимъ довѣріемъ и расположеніемъ императрицы Екатерины II и велъ съ нею частную переписку. Н. Н. Неплюевъ, между прочимъ, сообщилъ намъ, что у нихъ въ семьѣ были три довольно объемистыя тетради писемъ Екатерины II къ Неплюеву, которыя были переданы г. Висковатому, намѣревавшемуся писать біографію Неплюева; но Висковатый, раньше осуществленія своего желанія, скончался, въ бытность свою за границей, и гдѣ теперь эти письма, неизвѣстно. Немало также тлѣетъ интересныхъ бумагъ касательно жизни и дѣятельности Неплюева въ Тургайскомъ и Уральскомъ областномъ архивѣ, въ чемъ мы лично убѣдились, составляя монографію «Неплюевъ и Оренбургъ». Вѣроятно, найдется также кое-что въ Тобольскомъ, Астраханскомъ, Кіевскомъ и Екатеринбургскомъ архивахъ; но особенно, думаемъ, многое можно извлечь изъ столичныхъ хранилищъ. Помѣщаемый нами проэктъ заимствованъ изъ Уральскаго войсковаго архива, гдѣ онъ встрѣчается какъ копія изъ книгъ Казеннаго Повытья (№ 141), хранящихся въ архивѣ дѣлъ В. Коллегіи.

Въ заключеніе нашей замѣтки, осмѣливаемся выразить увѣренность, что всѣ, имѣющія у себя въ рукахъ какія-либо бумаги касательно дѣятельности Неплюева, особенно его письма, не откажутся сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ Русскаго общества и исторіи путемъ печати.

Владиміръ Витевскій.

---

[7]) См. стр. 75. Изд. 1844 г. Спб.
[8]) Стр. 76, тамъ же.

Проэктъ Неплюева о преобразованіи Яицкаго войска.

I. О войсковомъ атаманѣ.

Войсковой атаманъ есть глава корпуса и непремѣнный командиръ всего Яицкаго войска, и хотя въ сей чинъ войску Яицкому позволяется на убылое мѣсто изъ лучшихъ богобоязныхъ и заслуженныхъ людей трехъ кандидатовъ избирать и командующему генералитету представлять, но дѣйствительное въ тотъ чинъ опредѣленіе зависитъ всегда отъ разсмотрѣнія Государственной Военной Коллегіи и отъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества апробаціи. Его особливая должность есть въ началѣ Ея Императорскому Величеству быть вѣрнымъ подданнымъ рабомъ и по указамъ Ея Императорскаго Величества вседолжное и непремѣнное исполненіе чинить, къ услугамъ Ея Императорскому Величеству живота своего не щадить и въ томъ, при вступленіи въ атаманскій чинъ, публично предъ народомъ присягать. Отъ него особливо требуются совѣстные и справедливые поступки и въ войсковомъ дѣлѣ по казацкому обыкновенію предъ всѣми наибольшая храбрость и совершенное искусство. Въ знакъ своей команды и управленія войсковаго, когда онъ въ войсковомъ приказѣ засѣдаетъ или въ войсковой кругъ приходитъ, имѣетъ пожалованную атаману Григорью Меркульеву и будущимъ потомъ атаманамъ съ надписью и съ государственнымъ гербомъ насѣку; а когда самому ему случится быть со всѣмъ войскомъ въ походѣ, то тогда сверхъ оной насѣки и войсковое бѣлое знамя съ нимъ же войсковымъ атаманомъ отправляется. Въ прочемъ долженъ онъ всегдашнее попеченіе имѣть, чтобы всѣ старшины и казаки въ страхѣ Божіи пребывали, въ праздничные дни и воскресные прилежали бы къ церкви Божіей, удаляясь отъ пьянства и всякихъ безчинствъ, чрезъ что на всѣ дѣла Божеское благословеніе происходитъ, а притомъ и сего смотрѣть, дабы всякъ свою должность прилежно и вѣрно исполнялъ и старшины съ подчиненными имъ людьми справедливо и безобидно поступали. Онъ же долженствуетъ наблюдать, чтобы всѣ наряды, промыслы и торги по установленному у нихъ порядку происходили, и никакого-бы воровства, обманства и шалостей не было; печется о справѣ казачьей и о доброй ихъ экономіи, судъ и расправу производитъ, какъ между старшинами и рядовыми, такъ и между всѣми на Яикѣ случающимися пріѣзжими, употребляя при всемъ томъ совѣтъ и согласіе приданныхъ къ нему старшинъ. А когда случится большое дѣло, до всего общества принадлежащее, въ такомъ случаѣ призывать ему и полковую старшину, съ которыми усовѣтовавъ какъ быть, собираетъ казачій кругъ и, объявляя чрезъ есауловъ содержаніе дѣла, подтверждаетъ имъ о вседолжномъ исполненіи; однимъ словомъ, вездѣ и во всѣхъ своихъ поступкахъ такъ долженъ себя вести, чтобы его всѣ старшины и рядовые, какъ своего главнаго командира, почитали, любили и боялись, а при томъ всѣмъ толь скромнымъ себя представлять, чтобы каждому былъ къ нему свобод-

ный приступъ, наипаче-жъ быть правдиву, безпристрастну и нелакому, вспомогательну въ народныхъ нуждахъ и некичливому въ ихъ прошеніяхъ. Ему, безъ особливаго указа изъ Государственной Военной Коллегіи или командующаго генералитета, изъ городка, кромѣ ближнихъ рыбныхъ ловель, никуда не съѣзжать, развѣ для осмотра форпостовъ.

Буде-же онъ войсковой атаманъ въ исполненіи вышеписанныхъ своихъ должностей учнетъ поступать противно, слабо или къ кому произойдутъ отъ него явныя обиды, въ такомъ случаѣ позволяется на него доносить и просить у здѣшней главной команды, отъ которой по тѣмъ доносамъ и прошеніямъ слѣдовать, и ежели по слѣдствію окажется онъ виновнымъ, тогда со мнѣніемъ доносить объ немъ въ Государственную Военную Коллегію, а безъ конфирмаціи отъ оной его атамана не штрафовать и отъ команды не отрѣшать, развѣ того, по Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ, по силѣ его преступленія, необходимая нужда востребуетъ. А буде явится, что доносъ и жалоба на него были неправые, то тѣхъ людей по силѣ указовъ неупустимо штрафовать для примѣру, чтобы никто затѣйно доносить и бить челомъ на него не дерзалъ. Для чести-жъ и безопасности его имѣть ему у воротъ своихъ караулъ изъ служащихъ казаковъ поочередно.

II. О войсковыхъ старшинахъ.

Понеже войсковому атаману всѣ къ вышеписанной его должности принадлежащія дѣла, а особливо всякій судъ и расправу безъ вспоможенія одному производить невозможно, а всѣхъ старшинъ на всякое дѣло сбирать и съ ними со всѣми завсегда совѣтывать разныя неудобства, толь наипаче, что по нынѣшнему учрежденію всему войску особый штатъ и раздѣленіе по полкамъ учинено и на каждаго полковаго старшину особливыя должности положены, кои они завсегда исполнять и за подчиненными имъ казаками добраго порядка и всякой справы наблюдать должны, такъ какъ ниже сего изображено: того ради отъ сего времени всѣхъ старшинъ ко всякому въ Войсковомъ Приказѣ (или въ Войсковой Избѣ) производимому дѣлу не сзывать, а вмѣсто того при атаманѣ у всѣхъ дѣлъ присутствовать двумъ старшинамъ, которыхъ именовать войсковыми старшинами, чего для и въ учиненномъ штатѣ (кромѣ полковыхъ при атаманѣ) особо и съ особливымъ жалованьемъ два положены, которымъ у того присутствія быть безпремѣнно, да сверхъ того присутствовать по одному изъ полковыхъ старшинъ или станичныхъ атамановъ (какъ повелѣно будетъ именовать) по одному съ перемѣною погодно, дабы они чрезъ то всѣ къ правленію были понятны и при случившейся ваканціи къ наполненію мѣстъ удобны и яко свѣдомые своего полка или станицы нужды избѣжать могли. Должность оныхъ старшинъ въ томъ состоитъ, чтобы общее съ войсковымъ атаманомъ и съ войсковымъ писаремъ по присылаемымъ Ея Императорскаго Величества указамъ должное и непремѣнное исполненіе чи-

нить и атаману добрыми помощниками быть и пользу общества наблюдать безпристрастно, какъ то атаману предписано, разсматривать, разсуждать и опредѣлять всякія въ войскѣ случающіяся дѣла и наряды, наблюдать, чтобы судъ и расправа между всѣми чинились справедливо и никому бы ни отъ кого обидъ и въ нарядахъ неуравненія не было. Въ отлученіе же атаманское, старшій изъ нихъ долженъ и атаманскую должность отправлять. Ежели усмотритъ чинимое въ противность указовъ и сего учрежденія или обиду и утѣсненіе подчиненнымъ отъ старшинъ, то должно сперва въ засѣданіи пристойнымъ образомъ представить, что̀ и за кѣмъ усмотрѣлъ или увѣдалъ необинуясь, хотя бы то и до самого атамана касалось; буде-же оное представленіе принято не будетъ, а старшина свое мнѣніе и извѣстное ему дѣло признаетъ справедливо и благо основанно, въ такомъ случаѣ позволяется ему тогда жъ подъ дѣломъ мнѣнія свои чрезъ писаря особо записать и впредъ для своего оправданія къ дѣлу приложить, и хотя дѣло потому рѣшить какъ атаманъ съ прочими присудитъ, но одному атаману собою безъ согласія старшинскаго ничего не опредѣлять, развѣ однихъ неспорныхъ городскихъ дѣлъ и приказовъ къ его особливой должности принадлежащихъ; а когда случится большое и сумнительное дѣло, то къ тому и полковыхъ старшинъ призывать и обще съ ними совѣтуя опредѣлять.

Буде же дѣло до всего общества принадлежащее, яко то: наряды на службу, сборы и отпуски въ опредѣленныя времена на промыслы, отставка отъ службы, опредѣленіе въ полковыя старшины на мѣсто умершихъ и выбылыхъ, то не только со всѣми старшинами совѣтывать, но и казаковъ сбирая въ кругъ (о которомъ ниже сего въ 6-мъ пунктѣ помянуто) по прежнему обыкновенію публиковать, и на то ихъ согласія требовать. Все оное помянутымъ двумъ войсковымъ старшинамъ и присутствующему съ ними полковому подъ такимъ же штрафомъ наблюдать, какъ выше сего въ атаманской должности предписано. Чего ради, при вступленіи ихъ въ помянутое присутствіе, прочитая имъ сей пунктъ, приводить ихъ къ присягѣ при командѣ; а буде кто изъ нихъ старшинъ явится въ явномъ преступленіи и буде малое дѣло, то атаману того штрафовать арестомъ, а буде въ чемъ учинитъ великое погрѣшеніе, то его отъ команды и засѣданія отрѣша судить, и со мнѣніемъ какого наказанія достойны съ дѣломъ къ главной командѣ представлять.

III. О войсковыхъ есаулахъ.

Въ войсковые есаулы опредѣлять всегда изъ полковыхъ есауловъ, заслуженныхъ и способныхъ людей, которымъ въ войскѣ Яицкомъ съ полковыми старшинами равный чинъ имѣть, токмо быть предъ ними младшими и какъ случится порожнее мѣсто полковаго старшины, то ихъ въ полки старшинами опредѣлять. Должность ихъ въ томъ состоитъ, чтобы отъ атамана повседневно всякіе приказы принимать и для исполненія въ полки отдавать, повѣщать сборы и круги, чинить наряды и по кого надлежитъ посылки, имѣть смотрѣніе, чтобы въ городкѣ какъ днемъ, такъ и по ночамъ все было спокойно, наблю-

дать, чтобы воровъ и бѣглыхъ людей, тако же дракъ и всякихъ безчинствъ и непотребствъ, не было, и весь городской порядокъ по сему бы учрежденію происходилъ. Буде же усмотрятъ они что либо противное, и тогда имъ немедленно доносить войсковому атаману или войсковымъ старшинамъ, и такъ поступать, какъ отъ нихъ приказано будетъ. Впрочемъ у большихъ дѣлъ и совѣтовъ и они также, какъ и прочія старшины, присутствуютъ и наблюдаютъ всего, такъ какъ ниже о должности полковыхъ старшинъ написано.

IV. О войсковомъ писарѣ.

Войсковой писарь есть старшина, равенъ съ есаулами, и понеже ему надлежитъ нетолько всѣ къ войску Яицкому прежде присланные и присылаемые Ея Императорскаго Величества грамоты и указы и прочія до дѣлъ Ея Императорскаго Величества принадлежащія письма во всегдашней памяти имѣть и въ добромъ порядкѣ содержать, но притомъ и о правахъ государственныхъ основательное свѣдѣніе имѣть и потому во всѣхъ дѣлахъ наблюдать, яко за всякое неисправленіе онъ наипаче отвѣтственъ: сего ради надлежитъ ему особливо трезву, прилежну и безпристрастну быть и никакого лакомства не имѣть. Буде же усмотритъ что либо указамъ противное и съ правдой несходное, тогда должность его атаману и старшинамъ содержаніе правъ и указовъ напомнить, и представленіями своими къ тому ихъ приводить, чтобы все по силѣ оныхъ и сего учрежденія исполнялось и никакого-бы ни въ чемъ упущенія не было. Ежели-жъ представленія его не послушаютъ и дѣло иначе поведутъ, въ такомъ случаѣ должно ему представлять письменно (а буде дѣло важное, то и къ командѣ доносить), безъ чего онъ оправдаться не можетъ. Впрочемъ въ его смотрѣніи быть казначею съ приходными и расходными книгами; въ его же особливомъ вѣдѣніи всѣ приказные служители, чрезъ которыхъ онъ же всѣмъ входящимъ и исходящимъ письмамъ содержитъ повседневную записку, и всѣ дѣла между писарями такъ раздѣлять, чтобы всегда и, когда бы что ни востребовалось, пріискъ былъ нетрудный; имѣетъ надзираніе надъ всѣми приходами и расходами, содержитъ старшинскіе и казачьи списки и печется, чтобы Ея Императорскаго Величества опредѣленное жалованье каждому по его окладу сполна приходило и никто бы онымъ напрасно не корыстовался и что̀ усмотритъ неисправное или къ лучшему порядку и установленію, о томъ о всемъ представлять атаману и старшинамъ въ присутствіи съ ясными доказательствами. Чего ради за такой предъ прочими старшинами излишній трудъ и жалованье положено ему съ прибавкою, и выбирать въ сей чинъ всегда изъ полковыхъ есауловъ, а хотя и изъ писарей самыхъ надежныхъ и добросостоятельныхъ людей, кои бы письменный порядокъ довольно знали, и быть имъ безсмѣннымъ. Буде же войсковой писарь явится въ должности своей неисправенъ и нерадителенъ или что̀ пренебрежетъ и упуститъ, тогда съ нимъ поступать такимъ же образомъ, какъ выше сего о старшинахъ предписано.

V. О Войсковомъ Приказѣ или о Войсковой Избѣ.

Войсковой Приказъ или Яицкихъ войсковыхъ дѣлъ канцелярія (какъ повелѣно будетъ именовать) есть такое мѣсто, гдѣ войсковой атаманъ съ войсковыми жъ старшинами и писаремъ присутствуетъ, по указамъ Ея Императорскаго Величества исполненіе и наряды чинитъ, судъ и всякую расправу производитъ, которому по состоянію происходящихъ въ войскѣ Яицкомъ дѣлъ, по меньшей мѣрѣ, надлежитъ въ двухъ пространныхъ покояхъ состоять. Изъ нихъ въ одномъ помянутый атаманъ и старшины купно съ войсковымъ писаремъ, за однимъ столомъ, засѣдаютъ; но писарь нижнее мѣсто имѣетъ, на которыхъ въ знакъ ихъ правленія имѣть красное сукно, столовыя чернильницы и настольные указы, по примѣру прочихъ приказовъ. Въ томъ же покоѣ хранить атаманскую насѣку и войсковую печать и для того, сверхъ обыкновенныхъ сторожей, имѣть у дверей, или крыльцѣ онаго, обыкновенный казачій караулъ, и смотрѣть, чтобы по прежнему обыкновенію въ оной, а особливо въ судейскую никто нагло и безчинно безъ дѣла или пьяный не входилъ. А для содержанія колодниковъ по близости отъ онаго поставить нарочно большую избу, и имѣть при ней особый караулъ. Подаваемыя отъ челобитчиковъ прошенія войсковому атаману кромѣ сего мѣста нигдѣ индѣ не принимать и у себя въ домѣ никакихъ письменныхъ судовъ не производить и дѣлъ не рѣшать, развѣ за болѣзнію, да и то въ присутствіи войсковыхъ старшинъ. Впрочемъ хотя напредъ сего въ войскѣ Яицкомъ было, что всякія дѣла по ихъ особымъ обыкновеніямъ производили и рѣшали, какъ-то и вышеозначенною 1740 года грамотою (пока надлежащій порядокъ введенъ будетъ) позволено, но изъ того чинились и еще донынѣ происходятъ разныя несходства и затрудненія, какъ то и оною грамотою свидѣтельствуется. Того ради нынѣ, время отъ времени отставляя всѣ ихъ казачьи обычности, случающіяся дѣла разбирать и рѣшать, примѣняясь во всемъ государственнымъ правамъ и указамъ; а буде по какому либо дѣлу дойдетъ до розыску, то и розыскивать, и по розыскѣ о такихъ, яко же и о всѣхъ криминальныхъ и важныхъ дѣлахъ, доносить къ главной здѣшней командѣ со всѣми обстоятельствы и какое отъ нея опредѣленіе будетъ, потому и поступать, чего ради отъ Оренбургской Губернской Канцеляріи, купя на счетъ войска Яицкаго Соборное Уложеніе и прочія государственныя права и указы, отправить къ атаману и старшинамъ, которые имѣть имъ всегда на столѣ и въ случающихся дѣлахъ, справливаясь съ оными, судъ и расправу и прочія исполненія по содержанію оныхъ чинить, что̀ наипаче къ должности войсковаго писаря принадлежитъ, еже онъ по крайней своей возможности и подъ штрафомъ (какъ выше сего изображено) долженъ наблюдать. А для отправленія писемъ, которыя по форпостамъ вверхъ и внизъ ходятъ, учредить имъ въ Яицкомъ городкѣ почту, чтобы по очереди казакамъ подводы содержать, дабы того не было, какъ донынѣ, что хотя на пять верстъ добровольно наймомъ и дорогою цѣною нанимаютъ.

VI. О войсковомъ кругѣ, то есть о сборѣ казаковъ.

Понеже въ войскѣ Яицкомъ издавна обыкновеніе было и донынѣ есть, что, получая грамоты и указы Ея Императорскаго Величества или отколь нибудь о дѣлахъ Ея Императорскаго Величества нужнѣйшія требованія и извѣстія къ надлежащему по тому исполненію, яко же и въ другихъ народныхъ дѣлахъ, всѣхъ казаковъ повѣщая чрезъ есауловъ съ вечера, а буде дѣло скорое и строгое, то чрезъ колоколъ собираютъ въ кругъ и, объявя имъ дѣло и на то атаманское и старшинское мнѣніе, требуютъ отъ нихъ соизволенія, но притомъ отъ нихъ (какъ выше упомянуто) разныя несходства и непристойности бывали: того ради отъ сего времени хотя такіе круги сбирать и позволяется, но согласіе отъ казаковъ требовать токмо на одни ихъ домашнія, то есть мірскія дѣла, напримѣръ, когда и какъ сбираться и идти имъ на промыслы, чтò для чего и какъ въ городкѣ поставить или вновь сдѣлать изъ публичныхъ ихъ строеній, когда кого произвесть въ полковыя старшины или куда отправить за войсковыми нуждами, объ отставкѣ старшинъ и казаковъ за ихъ старостію и невозможностьми отъ службы, и о другихъ тому подобныхъ дѣлахъ, и выборѣ ихъ, однако, и притомъ всѣмъ атаману и старшинамъ, а особливо есауламъ прилежно смотрѣть и наблюдать, чтобы отъ нихъ по прежнему никакихъ безчинствъ и своевольностей не было, но все бы спокойно и порядочно происходило. Что же принадлежать будетъ до исполненія по грамотамъ и по указамъ Ея Императорскаго Величества, а хотя и по сообщеніямъ изъ команды или по разсужденію войсковаго атамана съ старшинами, а особливо по должности ихъ къ службѣ Ея Императорскаго Величества и высочайшимъ интересамъ принадлежащее, то сбирая круги (однако кромѣ секретныхъ дѣлъ) учинить имъ чрезъ есауловъ одно объявленіе, чтò и какъ исполнять надлежитъ и наблюдать накрѣпко, чтобы по таковомъ объявленіи всякъ должность свою безпрекословно и неотмѣнно исполнялъ, а по прежнему и неприличному обыкновенію («любо ли, атаманы, молодцы?») въ такихъ дѣлахъ отнюдь не спрашивать и имъ что любо или не любо не кричать и смотрѣть, чтобы сей худой обычай конечно былъ въ нихъ уничтоженъ.

VII. О полкахъ или станицахъ и о ихъ учрежденіи.

По учиненному нынѣ штату, весь Яицкаго войска корпусъ на семь полковъ или станицъ раздѣленъ, и въ каждомъ по пяти сотенъ, то есть по пяти сотъ человѣкъ рядовыхъ положено, а сверхъ того къ нимъ особыя старшины, полковой писарь и сотники безперемѣнные приданы, которые полки (ежели сіе установленіе отъ Государственной Военной Коллегіи разсмотрѣно и апробовано будетъ) войсковому атаману съ старшинами изъ дѣйствительно служащихъ казаковъ и изъ дѣтей ихъ, кои выше семнадцати лѣтъ, учредить. А буде паче чаянія въ дополненіе того числа отъ показаннаго возраста ка-

зачьихъ дѣтей не достанетъ, то на первый случай вмѣстить и такихъ, кои отъ шестнадцати лѣтъ и больше, яко по здѣшнему усмотрѣнію, а оные къ службѣ Ея Императорскаго Величества неспособны. И всячески стараться, дабы все войско Яицкое по тому учрежденію въ надлежащій порядокъ приведено было немедленно, которые полки или станицы, отъ учрежденія ихъ именовать по числамъ, а именно: первой, второй, третій и проч. даже до седьмаго. Изъ нихъ при всякомъ имѣть свое особливое знамя; полковыми же старшинами и есаулами опредѣлять къ тѣмъ полкамъ изъ находящихся нынѣ при войскѣ старшинъ, выбравъ тѣхъ, кои службу снести могутъ и надежны; а кои за старостію и за другими немощами явятся ненадежны, тѣхъ по предписанному отъ службы отставя, на мѣста ихъ, такожъ въ полковые писаря и къ сотнямъ въ сотники, произвесть изъ заслуженныхъ достойныхъ людей. И каждому полку учинить списки, двойственно, изъ которыхъ одни имѣть въ Войсковомъ Приказѣ, а другіе оставить въ Полковой Избѣ у полковаго писаря. А понеже при войскѣ Яицкомъ, какъ выше сего значитъ, находятся Калмыки, которые и службу Ея Императорскаго Величества, по своей волѣ, отправляютъ и хотя ихъ, яко вольныхъ, дѣйствительно служащими числить невозможно, однако при учрежденіи тѣхъ полковъ и сихъ переписать и которые къ службѣ Ея Императорскаго Величества представятъ себя охотными, тѣхъ причислить къ полкамъ особо, и числить ихъ закомплектными или вольницей, и каждому полковому старшинѣ при полку своемъ имѣть особые имъ именные списки, чтобы знать, сколько въ которомъ полку такой вольницы будетъ. На какомъ же основаніи имъ быть и служить, о томъ ниже сего въ 21-мъ пунктѣ упомянуто.

VIII. О полковыхъ старшинахъ и есаулахъ.

Полковой старшина или станичный атаманъ, въ полку непремѣнный командиръ, а полковой же есаулъ есть у всѣхъ полковыхъ дѣлъ всегдашній его помощникъ и товарищъ. Помянутый старшина долженъ о состояніи и комплектѣ своего полка войсковому атаману чрезъ есаула повседневно на словахъ и поодножды въ мѣсяцъ и письменно рапортовать, и имѣть смотрѣніе, чтобы въ сотняхъ сотники и прочіе опредѣленные чины должности свои порядочно исправляли, и подчиненныхъ имъ ничѣмъ не обижали, и всѣ бъ наряды происходили поочередно. Онъ такожде печется и наблюдаетъ, чтобъ каждый изъ нихъ, такжебы и рядовые казаки и въ вольной службѣ будущіе Калмыки, имѣли исправныхъ лошадей по казацкому обыкновенію и всякую къ ихъ службѣ надлежащую сбрую, чего ради лѣтнею порою по однажды весь полкъ (однако между тѣмъ, когда рыбныхъ промысловъ не бываетъ) надлежитъ ему осматривать и свидѣтельствовать, по ихъ казачей экзерциціи стараться, чтобы порученный ему полкъ былъ всегда въ надлежащемъ комплектѣ, и опредѣленное бъ жалованье каждому исправно доходило. Между подчиненными ему казаками, по ихъ жалобамъ въ партикулярныхъ ихъ дѣлахъ, обще съ полковымъ еса-

уломъ разбирать и чинить всякую справедливую расправу; но ежели дѣло большое или между просителей будетъ одинъ не его команды и словесно примирить ему неможно, таковыхъ отсылать въ войсковой судъ, а самому въ такія, якоже и въ прочія до войсковаго суда ненадлежащія дѣла, не вступать; впрочемъ отъ такого полковаго старшины тѣжъ всѣ качества потребны, какъ выше сего о войсковомъ атаманѣ изображено. А есаулу таковому быть, какъ о войсковомъ есаулѣ написано, отъ котораго онъ атаманскіе и войсковые приказы повседневно долженъ принимать. Въ походахъ и въ экзерціяхъ полковымъ старшинамъ предъ сотниками всякую справу и лошадей, яко же и конскій уборъ, гораздо лучшіе имѣть, а сотники во всемъ же томъ предъ рядовыми лучше себя содержать должны. И всѣ они, не нанимая вмѣсто себя, поочередно служатъ, развѣ бы тому болѣзнь или какая другая законная нужда воспрепятствовала: тогда войсковому атаману по совѣту съ старшинами вмѣсто очереднаго другаго командировать, отдавъ приказъ или ордеръ, для чего кто оставленъ. А буде случится командированіе двумъ или тремъ полкамъ или болѣе, то надъ всѣми главную команду приказывать по старшинству одному старшинѣ, коему называться походнымъ атаманомъ. А полковниками по прежнему обыкновенію никого не писать и не называтъ. Ежели-жъ полковой старшина и есаулъ впадетъ въ погрѣшеніе, то его не смѣняя, такъ какъ и войсковаго, атаману со всѣми старшинами судить, и чему по суду явится онъ виновенъ, о томъ по предписанному представлять и ожидать указа.

IX. О справѣ и должности казачьей и о смотрахъ.

Казакъ есть нерегулярный и легкій служилый человѣкъ, которому надлежитъ быть смѣлу и добрымъ наѣздникомъ; онъ долженъ быть къ походу во всегдашней готовности, имѣть не меньше двухъ надежныхъ и сытыхъ лошадей и исправное ружье, то есть саблю, турку съ принадлежностями, или вмѣсто оной сайдакъ и копье, а кто можетъ и панцырь, притомъ же всѣмъ хотя недорогую, но сколько можно добрую и достаточную одежду, и чтобы каждый изъ нихъ въ таковой справѣ былъ, о томъ полковымъ и ротнымъ командирамъ ихъ попеченіе имѣть и всячески къ той справѣ ихъ приводить, и для того въ лѣтнее свободное время каждый годъ, поединожды всѣмъ полкамъ, сколько ихъ при городкѣ случится, самому войсковому атаману чинить по спискамъ смотръ и экзерцицію, по ихъ казацкому обыкновенію съ стрѣляніемъ въ цѣль, напусками другъ на друга, и еще какъ надлежитъ, и которые при такомъ войсковомъ смотрѣ явятся неисправны и надлежащей сбруи не имѣютъ, о тѣхъ стараться въ исправность приводить и чѣмъ надлежитъ снабдѣвать, а кои въ экзерциціи лучшее дѣйствіе и исправность покажутъ, тѣхъ особо отмѣчать и впредъ при произвожденіихъ предпочитать. А притомъ ему войсковому атаману и за самими полковниками, старшинами и писарями, такожде и за сотниками, смотрѣть, чтобы они предъ рядовыми какъ въ лошадяхъ, такъ и въ конскомъ уборѣ, такъ и въ ружьѣ и во всей справѣ отмѣнную и лучшую исправность имѣли,

а у которыхъ того и не явится, оныхъ всякими образы до того приводить, чтобы конечно заводили, опасаясь исключенія отъ чиновъ и должностей. И какову онъ войсковой атаманъ при такомъ смотрѣ исправность найдетъ, и что за кѣмъ усмотритъ неисправнаго, и какъ оное поправитъ, и сколько въ каждомъ полку явится панцырей имѣющихъ казаковъ, о томъ ему къ командующему генералитету обстоятельно рапортовать, а тѣхъ панцырниковъ во время походовъ чрезъ знатныя мѣста и при знатныхъ оказіяхъ отбирая имѣть предъ каждою сотней въ равномъ числѣ для лучшей полковой парады.

X. О городовой и походной артилеріи.

Понеже въ Яицкомъ казачьемъ городкѣ имѣется пушекъ и артилерійскаго снаряда число довольное и пороху отъ канцеляріи главной артилеріи и фортификаціи на каждый годъ по семидесяти пудъ, а свинца по пропорціи того отпущать велѣно, что по состоянію онаго городка и на всегдашнее время небезпотребно, чтобъ порохъ и свинецъ всегда въ запасѣ были: того ради оную артилерію содержать въ добромъ береженіи и самому войсковому атаману почасту осматривать, наблюдая, дабы каждая пушка по ихъ казацкому обыкновенію (ибо имѣютъ на особливыхъ лафетахъ такъ утвержденную, что на всѣ стороны способно обращается) всегда дѣйствительна была, а тѣ люди, которые ими дѣйствуютъ, должности бы свои разумѣли, въ чемъ ихъ при смотрѣ полковъ пальбою нарочно свидѣтельствовать; а буде когда въ стрѣляніи изъ пушекъ большая и лучшая практика вознадобится, то представлять командующему генералитету, почему для обученія артилерійскіе служители изъ Оренбурга присылаемы быть могутъ. Особливо же порохъ въ добромъ храненіи имѣть, наблюдая, чтобы оному поврежденія не было, а ежели отчего внезапно станетъ портиться, то писать въ Оренбургъ, отколь для поправленія нарочно тому искусные люди присланы будутъ, и какъ онаго такъ и свинцу, кромѣ того что къ службѣ Ея Императорскаго Величества и къ необходимымъ случаямъ, такожъ на викторіальные дни (какъ-то донынѣ у нихъ чинилось) потребно, не держать, а сколько когда получено и издержится, тому особливыя приходныя и расходныя книги имѣть.

XI. О произвожденіи жалованья и объ остающихся отъ неполнаго количества деньгахъ.

По штату опредѣленное Ея Императорскаго Величества жалованье производить по прошествіи каждой половины года или и по третямъ по заслуженіи каждому на лицо съ росписками, а именно: на войсковой штатъ въ Войсковомъ Приказѣ, въ присутствіи атамана или старшинъ, а на полки отпущать по спискамъ наличное число суммою въ полки и въ томъ отъ полковыхъ есауловъ имѣть росписки, и производить то жалованье каждому по рукамъ, при одномъ войсковомъ есаулѣ, который купно съ войсковымъ старшиною долженъ смотрѣть, чтобы оное на каждаго казака безъ вычету и вѣрно до-

ходило; а буде случится командировка, то и при командахъ онаго жалованья отпущать по разсужденію войсковаго атамана, такожъ и впредъ онаго жалованья при командированіяхъ на одну треть производить позволяется, токмо брать поруки: ежели кто не заслужа треть бѣжитъ или умретъ, то оное жалованье взыскивать съ тѣхъ ихъ поручателей, а буде кто, не получа заслуженнаго жалованья, умретъ, то заслуженное его жалованье выдавать женѣ его и дѣтямъ и другимъ законнымъ наслѣдникамъ по разсмотрѣнію и опредѣленію войсковаго суда.

А понеже въ дальные и долговременные походы командуемые казаки получаютъ сверхъ окладнаго особливое и изъ другихъ суммъ жалованье, у нихъ же когда командировки будутъ не по прежнему наемныя, но поочереди, то женамъ ихъ и дѣтямъ останется багренье, которымъ обыкновенно одни дѣйствительно служащіе пользуются, и продается отъ пяти до шести рублей, что тѣ командированные, ежели у кого женъ и дѣтей нѣтъ, и другимъ своей братіи продавать могутъ: того ради оставающееся на обрѣтающихся въ дальнихъ командировкахъ окладное жалованье къ нимъ ли пересылать, или женамъ ихъ и дѣтямъ отдавать, то зависитъ отъ случая и отъ ихъ соизволу, токмо бы исправно каждому доходило. А что по какимъ случаямъ останется отъ полнаго комплекта, о тѣхъ оставающихся деньгахъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію по третямъ года рапортовать, и безъ указу ни въ какіе расходы ихъ не употреблять, записывая въ книгу. А которые казаки отъ войсковаго атамана и старшинъ уволены будутъ для торговаго или звѣринаго промысла, тѣмъ вмѣсто себя представлять, ктобъ очередь ихъ исправлялъ, когда что до нихъ касаться будетъ, безъ чего ихъ весьма не отпущать, дабы чрезъ такія увольненія другимъ тягости не происходило. А старшинъ болѣе мѣсяца не увольнять, а ежели который за собственною нуждою болѣе мѣсяца пробудетъ, таковымъ на все то время, сколько онъ отъ команды въ отлучкѣ, жалованья не давать и по вышеписанному удержанное записывать.

XII. О посылкѣ станицъ.

Хотя до сего въ удовольствіе Яицкаго войска позволено имъ въ резиденцію Ея Императорскаго Величества въ годъ четыре станицы посылать, въ томъ числѣ одна зимовая, а три легкія, и на то въ Государственной Военной Коллегіи особливая сумма опредѣлена, двѣ тысячи шесть сотъ тридцать восемь рублей, изъ которыхъ пріѣзжіе атаманы, есаулы, старшины и казаки награжденія, ковши и сабли получали, и для того въ оныя станицы отъ войска Яицкаго всегда заслуженные и выборные люди, вмѣсто награжденія, посылались; но понеже нынѣ всему войску Яицкому сдѣланъ штатъ и особое учрежденіе, причемъ каждый старшина, яко же и рядовые, предъ прежнимъ въ жалованьи ихъ немалою прибавкою удовольствованы: того ради нынѣ изъ оныхъ станицъ легкія отрѣшить, а оставить токмо одну зимовую станицу, и на нея сумму противъ прежняго положенія, показаннаго въ вышеозначенной выпискѣ, съ проѣздомъ

войсковаго атамана и съ прогонами, тысячу двѣсти семнадцать рублей сорокъ одну копѣйку съ половиною, да сверхъ того на чрезвычайные расходы дачи за службы, то есть, на ковши, сабли и на знамена сто рублей (итого тысяча триста семнадцать рублей сорокъ одна копѣйка съ половиною), изъ которой суммы производить, такъ какъ и прежде бывало, а именно: атаману восемьдесятъ рублей, а буде пріѣдетъ войсковой, то сто рублей, при немъ есаулу шестьдесятъ, старшинѣ пятьдесятъ, рядовымъ семнадцати человѣкамъ, каждому по тридцати пяти рублей. Но буде въ зимней станицѣ войсковой атаманъ самъ не поѣдетъ, а довольно при станичномъ атаманѣ одного есаула, тако противъ прежняго на станицы годоваго положенія останется на войсковой штатъ и на полковыхъ старшинъ и сотниковъ по нынѣшнему учрежденію довольно. Оныя станицы въ томъ разсужденіи положены, дабы изъ войска Яицкаго въ тѣхъ станицахъ по заслугамъ отправляемые старшины, по ихъ обыкновенію, прежняго награжденія и ковшей, что они за велико почитаютъ (какъ-то и въ самомъ дѣлѣ есть) по ихъ состоянію не лишались, также бъ и рядовымъ, которые предъ прочими окажутъ большую и лучшую службу, способъ былъ получать Ея Императорскаго Величества особливую милость, чрезъ что всякъ изъ нихъ къ службамъ Ея Императорскаго Величества вящше будетъ тщиться и ревновать; а буде какихъ особливыхъ старшинскихъ заслугъ не случится, то посылать изъ полковыхъ старшинъ и есауловъ въ ту зимовую станицу поочереди.

XIII. О всегдашней Яицкаго войска службѣ и о содержаніи форпостовъ ихъ.

Ординарная войска Яицкаго служба, какъ выше означено, въ томъ состоитъ, чтобы начиная отъ Илецкаго городка внизъ по рѣкѣ Яику до Гурьева городка учрежденные форпосты и маяки содержать, и на тѣхъ форпостахъ имѣть завсегда тысячу, да сверхъ того по особливому Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ опредѣленію въ помянутомъ Гурьевѣ до указу въ зимнія времена по пятидесяти человѣкъ, куда по нынѣшнему учрежденію повсягодно на тѣ форпосты два полка въ полномъ ихъ комплектѣ отправлять надлежитъ, въ коихъ число людей съ старшинами имѣетъ быть тысяча шестнадцать человѣкъ, а сверхъ того въ Гурьевъ посылать вышеозначенныхъ пятьдесятъ, да вверхъ по Яику къ Илецкому городку на недавно учрежденный форпостъ двадцать, итого всего ординарнаго ихъ командированія и во всегдашней службѣ будетъ изъ нихъ тысяча восемьдесятъ шесть человѣкъ. Будучи на всѣхъ тѣхъ форпостахъ, надлежитъ имъ крѣпкую и недреманную осторожность имѣть, чтобы чрезъ рѣку Яикъ съ одну сторону Киргизъ-кайсацкій степной народъ (отъ котораго напредъ сего не только на Волжскихъ Калмыкъ, но и на Русскія жила частыя и весьма вредительныя нападенія бывали), а съ другую-бъ и Волжскіе Калмыки, для обыкновеннаго ихъ воровства и отгону отъ Киргизовъ лошадей, къ нимъ черезъ туже рѣку перелазить и тѣмъ оныхъ на

себя поднимать не могли, яко отъ тѣхъ ихъ взаимныхъ другъ на друга нападенiй бывали и донынѣ еще происходятъ разныя затрудненiя. И для того тѣмъ на форпостахъ и приманкахъ будущимъ всегда и всячески высматривать, не появятся-ли гдѣ въ степи люди, которыхъ усматривая провѣдывать, какiе, и буде явятся на Киргизской степи Калмыки, а на Калмыцкой (то есть на здѣшней) сторонѣ Киргизы, такихъ всегда за противниковъ почитать, и ловя къ командѣ отсылать: ибо какъ тѣмъ, такъ и другимъ неоднократныя уже объявленiя учинены, что бы они оную рѣку безъ позволенiя и воровски переходить не дерзали. А хотя которые либо изъ нихъ и на своей сторонѣ усмотрѣны будутъ, но собранiемъ люднымъ и отъ Яика рѣки въ близости, хотя бы то и кочеванiе ихъ было, къ такимъ посылать, дабы они отошли и по крайней мѣрѣ ближе двадцати верстъ не кочевали, объявляя, что для пресѣченiя ихъ Киргизъ-кайсацкихъ и Калмыцкихъ междоусобныхъ ссоръ близко подходить имъ указами Ея Императорскаго Величества запрещено. А буде станутъ они упрямиться и къ переходу чрезъ рѣку Яикъ силиться, то, зажигая маяки и умножась людьми, препятствовать имъ всѣми силами и поступать какъ съ противниками оружiемъ. Ежели же тѣ или другiе, прокравшись гдѣ тайно и бывши уже на воровствѣ, усмотрѣны будутъ съ отогнанными лошадьми и съ плѣномъ, такихъ за сущихъ злодѣевъ почитать и чинить надъ ними наисильнѣйшiе поиски, стараясь, чтобы не только украденныхъ ими лошадей и людей отбить и возвратить, но и надъ самими бы тѣми злодѣями такъ поступать, чтобы отъ оружiя никто не ушелъ и впредъ на такiя злодѣйства отваживаться-бъ не могли. Ежели же появятся тѣхъ или другихъ сильныя и многочисленныя партiи или надежную вѣдомость получатъ, такъ что одними людьми надлежащаго сопротивленiя и поиску учинить надъ ними будетъ невозможно: тогда, сколько возможно пересылками съ ними удерживая ихъ или безъ дальнаго азарту препятствуя имъ, посылать наскорѣе въ Яицкiй городокъ къ войсковому атаману и требовать вспоможенiя отъ него, почему онъ не только командировать, но, ежели нужда позвала, то хотя-бы и всѣмъ Яицкимъ корпусомъ тѣхъ форпостныхъ сикурсовать и, совокупя всѣ силы, по силѣ имѣющихся Ея Императорскаго Величества указовъ о искорененiи тѣхъ злодѣевъ, стараться и къ командѣ рапортовать долженъ. Чего ради для такихъ чрезвычайныхъ нуждъ надлежитъ ему въ войскѣ особливое учрежденiе или сигналъ чрезъ колоколъ сдѣлать, чтобы всѣ или сколько потребно какъ можно наискорѣе сбираться могли. Что же касается до вышепомянутыхъ между тѣми форпостами отъ войска Яицкаго построенныхъ двух городковъ Кулагина и Калмыкова, то хотя по опредѣленiю Правительствующаго Сената и велѣно оные какъ скоро возможно тщиться фундаментальнымъ житьемъ обселить, токмо по здѣшнему усмотрѣнiю, а паче по состоянiю Яицкаго войска и тѣхъ мѣстъ, гдѣ оные городки находятся, мнится сходнѣе, чтобы обселенiе оныхъ фундаментальными людьми до времени отложить: ибо на то изъ Яицкаго войска охотниковъ нынѣ нѣтъ, а въ неволю селить тому войску будетъ небез-

трудно, а къ тому же и въ проходѣ къ казачьему ихъ городку рыбы, ежели будутъ тамъ фундаментально поселенные люди, имѣетъ быть не безъ помѣшательства. Впрочемъ тѣми форпостными людьми командующіе полковые старшины за подчиненными ихъ должны крѣпко смотрѣть и наблюдать, чтобы они безъ вѣдома ихъ никогда отъ команды не отлучались, и кочующимъ иногда не въ дальнемъ разстояніи Киргизъ-кайсакамъ и Калмыкамъ обидъ и никакого воровства изъ-подъ улусовъ ихъ не чинили, и напрасно-бы на нихъ худыхъ дѣлъ не затѣвали, чего ради на звѣроловство и ни на какіе промыслы отъ форпостовъ далѣе десяти верстъ ихъ не отпускать. Ежели же отъ Киргизцевъ Калмыцкіе, а отъ Калмыкъ Киргизскіе плѣнники будутъ выбѣгать, то допрашивая ихъ, давно-ли въ плѣнъ попались, когда и какъ ушли и какое гдѣ состояніе и намѣреніе есть, ихъ самихъ тако же и тѣхъ лошадей, на которыхъ они выбѣгутъ, и со всѣмъ, что при нихъ есть, не чиня имъ никакихъ обидъ, отсылать къ войсковому атаману, который долженъ ихъ при способныхъ оказіяхъ въ ихъ орды, со вс мъ тѣмъ, что при нихъ будетъ, отпускать и о томъ въ Оренбург Губернскую Канцелярію репортовать. Вся оная войска Яицкаго тная служба есть и будетъ ординарная, которую должно оное войско отправлять на одномъ по штату опредѣленномъ имъ жалованьи, имѣя притомъ рыбные и прочіе ихъ промыслы въ близости; но когда востребуется командированіе въ Оренбургъ или куда далѣе, тогда тѣмъ командированнымъ Ея Императорскаго Величества жалованье и провіантъ производить, отколь повелѣно будетъ, противъ прежнихъ примѣровъ, сверхъ окладнаго.

XIV. Какимъ образомъ командировки и наряды чинить.

Вышеизображенною 1740 года грамотою на войсковые домашніе расходы съ казаковъ деньги сбирать точно запрещено, и велѣно службу отправлять всѣмъ на ряду и командированія въ партіи на караулы и въ посылки чинить по нарядамъ, когда до кого очередь дойдетъ. Того ради всѣ напредъ сего, въ противность оной грамоты, по мірскимъ приговорамъ, на форпосты и въ партіи командируемымъ въ кругахъ отъ всего войска бывшіе наймы и подмоги, и на то съ каждаго казака сборъ (на что сбирывались великія деньги) совершенно отрѣшить, и впредь сего отнюдь не чинить; ибо изъ того можно было видѣть разныя несходства, а служить всѣмъ и наряжать отъ войска какъ старшинъ, такъ и рядовыхъ во всѣ наряды поочередно, не обходя никого, кому очередь дойдетъ. И тѣмъ по очереди наряжаемымъ никакихъ наймовъ и подмогъ не чинить, и на то съ оставшихъ сборовъ ни по чему не сбирать. А понеже во всякомъ обществѣ торговые, промышленные и мастеровые люди есть и всѣмъ столько потребны, что безъ нихъ никому содержать себя невозможно (ибо отъ одного промышленнаго и заводнаго человѣка многіе свои извороты, а убогіе, нанимаясь въ работы, и пропитаніе свое получаютъ) что паче по состоянію Яицкаго войска уважать надлежитъ, яко однимъ денежнымъ ихъ жалованьемъ казаку содержаться неможно, а промыслы ихъ такіе, что кто боль-

ше капиталу имѣетъ, тотъ не только свой доходъ лучше получитъ, но около его и другимъ, а паче маломочнымъ разные бываютъ способы, чѣмъ ихъ все общество состоитъ и къ службамъ Ея Императорскаго Величества лошадей и всякую свою справу получаетъ: и для того, ежели когда при такихъ очередныхъ нарядахъ дойдетъ очередь до такого-то казака, который имѣетъ знатный капиталъ, торги и разные промыслы производитъ, то имъ яко нерегулярнымъ людямъ, съ вѣдома своего полковаго старшины, позволяется вмѣсто себя сына или родственника и свойственника съ подмогою отъ себя отправить, тако-же и изъ казаковъ не очереднаго, а хотя и изъ Калмыкъ надежнаго добровольно нанять, чтобы онъ вмѣсто его очередь отслужилъ. А ежели командировка какая малая, что̀ понемногу съ полку, слѣдственно и съ роты достанется, и пожелаютъ казаки которой роты добровольно командированныхъ подмочь деньгами, того за представленными отъ войска Яицкаго резонами не запрещать; однако-жъ, дабы то казаки собою сами въ своей ротѣ, а не въ другихъ чинили, а старшинамъ въ тотъ сборъ и договоръ [illegible] прежнему не мѣшаться, и сколько таковыхъ при командиро[illegible]тся, о тѣхъ полковымъ старшинамъ войсковому атаману и т[illegible]ѣдомости подавать, который долженъ самъ пересматривать, [illegible]дежны-ль они къ службѣ, исправныхъ-ли имѣютъ лошадей, ружье и всякую сбрую, чтобы никто въ службѣ ненадежный и недостаточный не былъ. Но при томъ всемъ атаманъ и войсковыя старшины особливо должны наблюдать, чтобы чрезъ то богатые и семейные люди дѣтей своихъ, которые у нихъ въ казаки записаны, отъ службы не отлучали, и тѣмъ не только ихъ, но и весь корпусъ въ слабость не приводили, а старшинамъ всѣмъ служить поочередно, развѣ кого за болѣзнію командировать будетъ нельзя.

XV. О неотпускѣ съ службы и о бѣглыхъ.

Походнымъ атаманамъ, хотя бы были и на ординарныхъ форпостахъ, командированныхъ съ ними старшинъ и казаковъ по ихъ прихотямъ въ домы ни вовсе, ни на время, кромѣ нужнѣйшихъ по командѣ посылокъ, не отпускать и самимъ съ форпостовъ, безъ позволенія отъ войсковаго атамана, не съѣзжать. И для того при выступленіи изъ городка какъ онъ, такъ и всѣ провіантомъ и прочими потребностями столько должны себя запасать, чтобы до назначеннаго имъ къ смѣнѣ термина безъ всякой нужды содержать себя могли; тамъ же будучи, кромѣ того что̀ на пищу никакихъ промысловъ имъ не имѣть и затѣмъ вдаль и врознь отнюдь не отходить, но прилежать всѣмъ къ Ея Императорскаго Величества службѣ и къ тѣмъ должностямъ, которыя на нихъ положены. А буде крайняя и чрезвычайная нужда до того привела, что провіантъ и прочее къ содержанію нужное оскудѣетъ, въ такомъ случаѣ походный атаманъ или старшина должны писать къ войсковому атаману и что̀ надлежитъ требовать, который, разсматривая такія требованія обще съ старшинами, а буде дѣло большое, то и со всѣми въ кругу совѣтывать, какимъ образомъ тѣмъ командированнымъ вспомочь и такъ учинить, чтобы въ тамошней

службѣ никакого упущенія, а тѣмъ людямъ нужды не было. Ежели же кто изъ рядовыхъ казаковъ, будучи въ службѣ, бѣжитъ, а послѣ пойманъ будетъ, тѣхъ всѣхъ при собраніи войска въ кругу нещадно наказывать и содержать въ тюрьмѣ скована мѣсяцъ; а буде то въ другой разъ учинитъ, тому оное наказаніе усугубить и штрафовать чрезъ день или какъ отъ перваго справится подважды, его же держать въ тюрьмѣ, заковавъ руки и ноги въ желѣза два мѣсяца; а буде въ третій, то утроя вышеписанное наказаніе и не освобождая изъ тюрьмы, рапортовать о таковыхъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію и ожидать опредѣленія отъ оной. Равномѣрно жъ и съ Калмыками поступать, которые изъ своей воли служить будутъ, чтобы никто къ побѣгамъ отваживаться не могъ, токмо ихъ въ край ни на какой форпостъ и въ партіи не командировать, а по крайней мѣрѣ дабы болѣе половины Русскихъ было.

XVI. О ры[illegible]ныхъ и прочихъ войсковыхъ промыслахъ.

Вы[illegible]означено, что войско Яицкое все свое пропитаніе и домовн[illegible]живаніе и всякую воинскую справу получаетъ отъ имѣющагос[illegible]ь рыбнаго и звѣринаго промысла, изъ котораго, что до рыбнаго принадлежитъ, то оный у нихъ основанъ на довольной эксперіанціи, такъ что въ томъ никакого особливаго учрежденія, кромѣ ихъ стараго обыкновенія, видится непотребно, толь наипаче, что все то войско, бывая притомъ въ назначенныя имъ времена, находится оружейно; слѣдственно не только безопасны, но и къ содержанію форпостовъ немало тогда способствуютъ. И такъ все сіе оставляется на разсужденіе войсковаго атамана и старшинъ, которые, совѣтуя между собою и въ томъ яко общенародномъ ихъ дѣлѣ, собирая войсковые ихъ круги, могутъ поступать по ихъ свѣдѣнію и искусству, а на учужную забойку и на будары потребный лѣсъ, ежели онаго въ назначенныхъ имъ мѣстахъ доставать будетъ невозможно, то со временемъ позволять изъ Сакмары рѣки доставать, токмо для береженія, чтобы Оренбургъ лѣсомъ не скудить, смотрѣть, дабы оные на другія потребы излишняго тамъ не рубили. Чтожъ касается до звѣринаго промысла, то понеже оный не меньше здѣшней и на Бухарской, то есть на Киргизской степи производится, того ради войсковому атаману охотниковъ отпускать туда съ наибольшимъ осмотрѣніемъ, а именно: когда отъ Киргизцевъ опасности нѣтъ, чтобы будущимъ на звѣроловствѣ вреда отъ нихъ не было, а п кромѣ того приказывать, чтобы они на той степи отъ нечаянныхъ и воровскихъ ихъ набѣговъ имѣли ежечасную осторожность и были-бы компаніями. Буде же повстрѣчаются гдѣ съ находящимися въ степи за своими нуждами Киргизъ-кайсаками, то-бъ имъ никакихъ обидъ не чинили, и для воровства и отгону лошадей подъ улусы ихъ отнюдь и подъ опасеніемъ жесточайшаго штрафа не ходили бы; а кто на оное дерзнетъ, таковыхъ сажать въ тюрьму и доносить объ нихъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію; а въ прочемъ каждому старшинѣ и казаку позволяется внутри городка и отъѣздами торговать и какіе кто можетъ промыслы имѣть, токмо бы кромѣ бывае-

маго по Яикѣ рѣкѣ рыболовства всѣхъ людей больше трети изъ городка не выѣзжало, а буде опасность какая есть, то развѣ по необходимой нуждѣ десятую часть отпускать. А тѣ отпуски чинить войсковому атаману обще съ опредѣленными къ тому войсковыми старшинами, сроками по разсмотрѣнію состоянія людей и тѣхъ мѣстъ и дѣлъ, куда зачѣмъ промыслятся, а притомъ и сего смотрѣть, чтобы въ отлученіи ихъ въ городовой службѣ и въ прочихъ нарядахъ очередь ихъ не стояла, и другіе бъ изъ того тягости не понесли.

XVII. О городовомъ порядкѣ и о всякомъ благочиніи.

Впрочемъ войсковой атаманъ и старшины должны всегдашнее попеченіе имѣть и стараться о добромъ порядкѣ въ полиціи ихъ, наблюдать чтобы въ ихъ городкѣ все спокойно и порядочно чинилось, а особливо бъ простой народъ обоего пола въ торжественные и праздничные и воскресные дни къ церкви Божіей прилежали, о чемъ атаману все[illegible]гда на[illegible]апунѣ тѣхъ дней въ полковыя команды приказами подтвержд[illegible]ѣть, чтобы прежде нежели божественная литургія отойдетъ [illegible]а, и питейной продажи, и крику не было; имѣть попеченi[illegible] всѣ торги и промыслы порядочно и вѣрно происходили, про[illegible]ющимъ и отъѣзжающимъ купцамъ удержанія, обидъ и грабежа отнюдь не было, чего ради въ пристойныхъ мѣстахъ, когда и гдѣ нужно имѣть пристойные караулы и смотръ, а притомъ всѣмъ пещись и о доброй городской экономіи. Заводить и умножать такіе заводы и промыслы, которые по состоянію здѣшняго мѣста учреждены и предъ нынѣшнимъ въ лучшее состояніе приведены быть могутъ; наблюдать, чтобы берегли лѣсъ, въ которомъ здѣсь недостатокъ; впредъ всякъ строился-бы порядочно и такихъ тѣсныхъ улицъ, какія нынѣ есть, не дѣлать; тако же и сего смотрѣть, дабы на торгу вѣсы и всякія мѣры были справедливыя, цѣна на хлѣбъ и на все харчевое держана умѣренная и такая, чтобы изъ того народной тягости, тако же и ни въ чемъ бы никакихъ обмановъ, не было; для безопасности же отъ пожарныхъ случаевъ имѣть особливое учрежденіе и надлежащіе къ тому инструменты.

XVIII. О войсковыхъ доходахъ и о сборѣ оныхъ.

Хотя Яицкій казачій городокъ, какъ выше значитъ, имѣетъ въ себѣ жило и людство немалое, и притомъ разные и немалые же промыслы, слѣдственно и пріѣздъ изъ внутреннихъ Россійскихъ городовъ всегда, а особливо въ зимнее время, когда у казаковъ багренье происходитъ, купцамъ и другихъ чиновъ людямъ бывалъ многочисленный, но притомъ всемъ въ пользу общества никакихъ почти доходовъ и сборовъ по сіе время не бывало, кромѣ однихъ откупныхъ кабацкихъ и вѣсовыхъ и поведерныхъ, но и сихъ всѣхъ въ годъ (какъ выше объявлено) больше четырехъ сотъ тридцати пяти рублей нэ бываетъ, отъ чего во время нарядовъ и другихъ въ томъ войскѣ общихъ нуждъ и малыхъ посылокъ не только напредъ сего, но еще и нынѣ чинятъ съ міру, то есть съ казаковъ, разные поборы, а иногда

оное войско въ такіе долги входило, что занятыхъ на войсковыя нужды денегъ отплатить было нечѣмъ, какъ то и въ указѣ Ея Императорскаго Величества изъ Государственной Военной Коллегіи, отъ 19-го Декабря прошлаго 1745 года, къ тайному совѣтнику Неплюеву имянно знать дано, и для того велѣно на домашніе войсковые расходы, безъ которыхъ пробыть невозможно, какую сумму повсегодно и изъ какихъ доходовъ въономъ войскѣ имѣть, также изъ какихъ сборовъ долги заплатить надлежитъ, о томъ взявъ пристойное извѣстіе и обо всемъ, что до оныхъ казаковъ касается, и впредъ на какомъ надежномъ основаніи собственною ихъ пользою содержать, какъ выше значитъ, разсмотрѣть ему тайному совѣтнику и съ мнѣніемъ своимъ представить въ вышереченную Коллегію, А понеже пошлины съ товаровъ за помянутый городокъ, яко же и съ ловленной здѣсь рыбы и за п[illegible] указное число, какъ извѣстно, берется въ Самарѣ и въ друг[illegible] можныхъ, и потому уже оный въ помянутомъ городкѣ учреж[illegible]торично брать не слѣдуетъ, но чтобы здѣсь свой собствен[illegible]дъ былъ безъ отягощенія народнаго: то по мнѣнію реченна[illegible]го совѣтника не только не противно, но предъ нынѣшнимъ [illegible]имъ окрестностямъ и сходнѣе, чтобы, ежели Правительствую[illegible]енатъ и Государственная Военная Коллегія соизволятъ, здѣшнюю водочную и горячаго вина продажу съ публики отъ войска Яицкаго, съ вѣдома Оренбургской Губернской Канцеляріи, въ откупъ отдать и впредъ отдавать, на такомъ основаніи, какъ оная и въ Оренбургѣ производится, чѣмъ однимъ нарочито знатную сумму въ здѣшній доходъ получить уповательно, а народу не только въ томъ никакой тягости не будетъ, но и польза тѣмъ, что: 1-е, водка и вино будетъ продавано гораздо дешевле нынѣшняго (яко и нынѣ простое вино продается здѣсь около двухъ рублей, а въ Оренбургѣ по рублю и менѣе); 2-е, жители Яицкаго городка, ежели бы позахотѣли онымъ торговать, имая у откупщика бочками или ведрами, могутъ шинковать и продавать чарками, какъ то и въ Оренбургѣ, по заключеннымъ съ откупщиками контрактамъ, Оренбургскимъ жителямъ отпускается, да еще и съ уступкою противъ того, какъ изъ кабаковъ продается ведрами. А буде за ту на Яикѣ до сего времени всѣмъ позволенную продажу есть какая особливая накладка на Самарскій или Сызранскій кабаки и выключить ее изъ окладу несходно, то съ откупщиками такъ можно договариваться, чтобы или въ тамошнихъ мѣстахъ, гдѣ надлежитъ, вино брали и сюда привозили, или тѣ окладныя деньги въ помянутыхъ городахъ отъ себя платили. А пивной и медовой продажѣ, какъ нынѣ производится, такъ и впредъ быть у здѣшнихъ казаковъ, токмо съ платою въ войсковую сумму денегъ, съ публики, кто больше дастъ; а хотя и выше пятнадцати рублей (какъ нынѣ платятъ) не дадутъ, то можно ее и на такомъ основаніи позволить. Сверхъ того еще можно здѣсь, противъ прочихъ городовъ, съ пріѣзжихъ сюда поземельнаго и прорубнаго съ воза по три копѣйки имать, съ чего по великому сюда наѣзду также въ годъ нарочитая сумма сберется, а народъ изъ того никакой тягости не понесетъ, также и съ лавокъ поземельное на прикладъ съ лавки по

полтинѣ, ибо оныя построены партикулярными людьми. И всѣ тѣ сбираемыя деньги, сколько ихъ будетъ, записывая въ приходъ, употреблять на приказные расходы, яко то: на бумагу, на сургучъ, свѣчи и дрова, на посылки курьеровъ, на прогоны, въ церкви (коихъ три прихода), на свѣчи и ладонъ, доколѣ на то особливый доходъ изыщется, на содержаніе пріѣзжихъ и плѣнныхъ Киргизъ-кайсаковъ и Калмыкъ и на прочіе жъ по сему учрежденію назначенные войсковые жъ расходы, и о тѣхъ расходахъ повсегодно въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію репортовать, которая, года черезъ два или три разсматривая, можетъ и на оные расходы штатъ положить. А къ тѣмъ сборамъ, якоже и ко всякому приходу и расходу, опредѣлить отъ войска по приговору войсковому изъ отставныхъ или изъ дѣйствительно служащихъ казаковъ, людей добрыхъ, прожиточныхъ и грамотныхъ, кому бъ въ томъ повѣрить было возможно, и [illegible]ь за ними смотрѣніе войсковому атаману и старшинамъ сам[illegible] смѣняя погодно, а по окончаніи года оныхъ считать, опре[illegible] тому двухъ изъ старшинъ. О долгу же здѣсь не упомянуто[illegible]аго за сборами казаковъ общаго нѣтъ.

XIX. О обученіи дѣтей чтенію и письму [illegible]редъ какъ къ тому возбуждать и приводи[illegible]ь.

Понеже въ войскѣ Яицкомъ между всѣми нынѣшними старшинами грамотныхъ людей, кромѣ наказнаго атамана и войсковаго писаря, болѣе трехъ или четырехъ человѣкъ не имѣется, да и тѣ знаютъ недовольно, такожъ и изъ молодыхъ людей грамотныхъ и учащихся тому весьма не столько, сколько нынѣшній штатъ и сіе учрежденіе требуетъ: того ради войсковому атаману съ товарищами, также и съ полковымъ старшиною, имѣть попеченіе, чтобы не только ихъ старшинскія, но и знатныхъ казаковъ дѣти обучаемы были грамотѣ и чистому письму. А при томъ не излишнее бы для нихъ было и сіе, еслибъ кто зналъ изъ нихъ хотя первыя части ариѳметики и прилежали бы въ церквахъ чтенію и пѣнію. И для того ученія ежели изъ церковнослужителей свободныхъ къ тому людей нѣтъ, то можно на войсковой коштъ построить въ пристойномъ мѣстѣ особые одинъ или два покоя и содержать особагожъ одного или двухъ учителей, употребляя на то деньги изъ остающейся отъ неполнаго комплекта войсковой суммы. И чтобъ каждаго къ тому потребному и полезному обученію поохотить и понудить, для того отъ нынѣ грамотныхъ людей, ежели состоянія добраго, хотябъ кого службою и моложе былъ, въ произвожденіяхъ предпочитать, а впредъ какъ грамотные умножатся, выше урядничья и хорунжія чина безграмотныхъ не производить, развѣ по особливымъ заслугамъ.

XX. О нищихъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ людяхъ.

Войсковому атаману и всѣмъ старшинамъ такожде должно и надлежитъ смотрѣть, чтобы въ противность указовъ не бродили по міру и милостыни не просили такіе люди, которые работою своею пропитать себя могутъ, ибо отъ такихъ бродягъ и тунеядцевъ разныя бываютъ воровства и непотребства, престарѣлыхъ-же, раненыхъ и

увѣчныхъ людей, неимущихъ своего пропитанія, обоего пола, отсылать въ богадѣльни, гдѣ ихъ мірскимъ подаяніемъ содержать, а сверхъ того изъ войсковыхъ мелочныхъ денегъ десятка по два или по три держать на нихъ позволяется вмѣсто того, что прежде (какъ въ доношеніи войсковомъ помянуто) на церковно-служителей войсковыя сборныя деньги употреблялись, яко здѣсь при церквахъ приходы весьма немалые, и можно имъ содержаться отъ прихожанъ обыкновенными доходами. Если же есть и будутъ шататься по міру малолѣтніе сироты, отцевъ и матерей неимущіе, таковыхъ до возраста и отдавать родственникамъ и свойственникамъ ихъ, и буде сихъ не будетъ, то и постороннимъ съ запискою и подписками, чтобы мужскій полъ, когда придутъ въ шестнадцать лѣтъ, объявили въ Войсковомъ Приказѣ для опредѣленія въ службу, а до того возраста, ежели кто возьметъ малолѣтняго, самовольно имъ не отходить, но за вос[illegible]е служить и работать на того, кому онъ въ малолѣтствѣ отдает[illegible]ть и вышеозначенныхъ лѣтъ, всякую домашнюю работу, развѣ бы [illegible]одержаніе было самое нужное и непристойное, то таковы[illegible]ъ жалобамъ и по разсмотрѣнію въ войсковомъ судѣ, отбирая [illegible]вать на такомъ же основаніи другимъ.

XXI. Какъ поступать въ содержаніи кочующихъ близъ Яицкаго городка Калмыкъ.

Выше сего изъ доношенія войска Яицкаго явствуетъ, что при помянутомъ городкѣ имѣется вольныхъ Калмыкъ, пришедшихъ изъ Калмыцкихъ улусовъ въ разные годы, которые въ казаки хотя не записаны, но служатъ по волѣ своей, четыреста семьдесятъ, да сверхъ того самовольно кочующихъ сто пятьдесятъ, итого шесть сотъ двадцать человѣкъ, изъ которыхъ отъ первыхъ Яицкое войско не только подмогу въ службахъ своихъ, но и отъ всѣхъ отъ нихъ разные извороты имѣетъ. А понеже по указу Ея Императорскаго Величества, присланному изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ къ тайному совѣтнику Неплюеву, отъ 10 Апрѣля 1747 года, повелѣно: Калмыкамъ до присылки за ними отъ Калмыцкихъ владѣльцевъ нарочныхъ съ конвоемъ при томъ Яицкомъ городкѣ быть дозволить, съ подтвержденіемъ, чтобы у оныхъ, такъ какъ и отъ опредѣленныхъ отъ нихъ въ Оренбургскую губернію Калмыкъ, старшина и казаки дѣтей ихъ къ себѣ не отбирали, и въ томъ отъ владѣльцевъ Калмыцкихъ вновь жалобъ не навели, а которые и впредъ къ войску Яицкому приходить будутъ Калмыки, а крестить ихъ не пожелаютъ, и оныхъ, чтобъ они въ Киргизъ-кайсаки уйти не могли, отъ городковъ не отсылать, а когда за ними отъ намѣстника ханства или отъ другихъ владѣльцевъ Калмыцкихъ будутъ присыланы нарочные съ конвоемъ, толь наипаче когда оные будутъ о томъ отъ Астраханскаго губернатора имѣть письменные виды, и оныхъ креститься нежелающихъ Калмыкъ нимало не удерживая, отдавать имъ возвратно, по которому Ея Императорскаго Величества указу войску Яицкому въ содержаніи нынѣ находящихся и впредъ приходящихъ къ нимъ Калмыкъ и поступать непремѣнно. Для лучшаго же ихъ утвержденія и для вся-

каго между ими порядка, всѣхъ ихъ, по особливому въ Оренбургской Губернской Канцеляріи учиненному опредѣленію, содержать на круглой порукѣ, съ такимъ обязательствомъ, чтобы имъ жить спокойно и никакихъ пакостей не дѣлать, и по договорамъ, ежели кто у кого наймется служить и работы исполнять, и для того изъ нихъ самихъ выбирать имъ старшинъ, чтобы они того наблюдали и знали, кто гдѣ находится, которымъ и приходящихъ вновь на руки съ такимъ же подтвержденіемъ отдавать. А буде кто изъ нихъ явится въ воровствѣ или пошелъ своевольно на службу, и будучи въ походѣ убѣжитъ, или съ форпоста и караулу самовольно уйдетъ, за то, яко и за всякія ихъ непотребства, наказывать ихъ въ войскѣ Яицкомъ равно такъ, какъ и казаковъ, и что они, живучи при городкѣ и будучи на службѣ, во всемъ по тому какъ и казаки содержаны будутъ, о томъ при пріемахъ ихъ сказывать, чтобы никакой от[illegible]ворки не имѣли. Однакожъ между ими самими въ партикулярныхъ [illegible]лахъ всякое разбирательство и штрафъ оставить ихъ стар[illegible] развѣ недовольны будутъ, тогда разсматривать и рѣшеніе [illegible]йсковымъ судамъ, и когда и сколько изъ тѣхъ Калмыкъ вн[illegible]детъ и чьихъ они улусовъ, или когда же и сколько отдаетс[illegible]ь въ орду по вышеизложенному, о томъ отъ войска въ Орен[illegible]ю Губернскую Канцелярію рапортовать.

XXII. О Калмыкахъ же, кои будутъ желать святаго крещенія и чтобы изъ нихъ и другихъ иновѣрцевъ Татарскіе муллы въ магометанскій законъ не обрѣзывали.

Какимъ образомъ изъ оныхъ Калмыкъ съ приходящими съ желаніемъ къ воспринятію святаго крещенія указомъ Ея Императорскаго Величества, состоявшимся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 28 Іюня сего 1748 года, поступать велѣно, о томъ войску Яицкому въ указѣ же Ея Императорскаго Величества посланномъ изъ Оренбургской Губернской Канцеляріи сего года отъ 12 Сентября, обстоятетьно знать дано, о чемъ во всѣ команды въ городѣ Оренбургѣ и въ народъ публиковано, почему въ войскѣ Яицкомъ и исполнять, и того исполненія войсковому атаману самому накрѣпко наблюдать. А сколько и когда по содержанію тѣхъ Ея Императорскаго Величества указовъ ко святому крещенію будетъ допущено и давноль къ Яицкому городку пришедшіе изъ ихъ улусовъ, о томъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію имянно рапортовать. А понеже въ корпусѣ войска Яицкаго имѣются записные Татары и при нихъ ихъ магометанскаго закона абызы и муллы находятся, и по дѣламъ оказалось, что они, аки бъ не вѣдая запретительныхъ указовъ, изъ Калмыкъ въ ихъ магометанскій законъ обоего пола людей приводили, о чемъ изъ Оренбургской Губернской Канцеляріи въ Правительствующій Сенатъ, отъ 17-го Января сего года, обстоятельно донесено, и что чинить отъ онаго высокой резолюціи прошено, а къ войску Яицкому изъ оной Губернской Канцеляріи посланнымъ указомъ подтверждено, дабы впредь отнюдь до такихъ приведеній въ магометанскій законъ не допущали и для того у прилучившихся въ томъ

Татаръ взяты подписки, подъ смертною казнію, чтобы впредъ не только сами они къ превращенію въ свой законъ, ниже къ подговариванію и наученію для того изъ другихъ вѣръ никого и ни подъ какимъ видомъ не отваживались, и другихъ свою братію Татаръ не допускали, и ежели о комъ то увѣдаютъ, то бы немедленно, гдѣ надлежитъ, доносили, чего отнынѣ какъ за помянутыми Татарами, такъ и за самими Калмыками не только войсковому атаману, но и всѣмъ старшинамъ каждому всеприлежно наблюдать. А которые изъ Татаръ въ такой противности явятся, оныхъ сажая подъ крѣпкій караулъ, доносить объ нихъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію, гдѣ поступать съ ними оной Губернской Канцеляріи по силѣ Соборнаго Уложенія, Губернаторскаго Наказу и по прочимъ государственнымъ правамъ и указамъ.

XXIII. [illegible]держаніи бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей.

Хот[illegible]ъ и безпаспортныхъ людей во всемъ государствѣ, слѣд[illegible]въ вѣдомствѣ Яицкаго войска, держать многими и крѣпкими [illegible] запрещено, но въ Яицкомъ городкѣ и въ вѣдомствѣ о[illegible] какъ государственнымъ, такъ и прочимъ крестьянамъ и всякаго званія людямъ всегда знатныя убѣжища бывали. А понеже въ нынѣшнемъ 1748 году, по силѣ особливаго Ея Императорскаго Величества указа, состоявшаго въ Государственной Военной Коллегіи прошлаго 1746 года Ноября отъ 14-го, всему Яицкому войску по переписи полковника Захарова, того войска старшинами свидѣтельство учинено; и какъ въ Яицкомъ городкѣ, такъ и въ Сакмарской и Илецкой станицахъ, новая перепись же сдѣлана, и потому отъ тайнаго совѣтника Неплюева въ вышеречѣнную Коллегію сего года, отъ 28 Іюня, обстоятельно донесено, съ представленіемъ мнѣнія, кого изъ явившихся сверхъ оной Захарова переписи оставить и кого на прежнее жительство выслать, и прошено на то отъ оной Коллегіи опредѣленіе, какъ въ томъ его тайнаго совѣтника доношеніи обстоятельно изображено: того ради впредъ въ войско Яицкое никакихъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей, какого-бы они званія и вѣры ни были (кромѣ вышеозначенныхъ Калмыкъ), не принимать, и какъ въ городкѣ, такъ и въ помянутыхъ станицахъ и на хуторахъ тѣхъ бѣглыхъ ни подъ какимъ видомъ и именемъ, ни тайно, ни явно не держать. А буде кто приметъ такого бѣглаго и станетъ у себя держать или укроетъ многое или малое время, на таковыхъ бить челомъ въ Оренбургской Губернской Канцеляріи, съ которыми въ штрафахъ и во взысканіи пожилыхъ[1]) поступать во всемъ по содержанію состоявшихся о томъ генеральныхъ указовъ безъ упущенія. Того ради войсковому атаману со старшинами сдѣлать особливое учрежденіе и смотрѣть, дабы такіе бѣглые и безпаспортные люди въ вѣдомствѣ Яицкаго войска нигдѣ никакого пристанища не имѣли и паспорты разсмат-

---

[1]) Т. е. за постой.

ривать, чтобы между оными ненадлежащихъ и воровскихъ не было, а буде гдѣ появятся или увѣданы будутъ такіе и безпаспортные, оныхъ ловить и по поимкѣ отсылать ихъ за карауломъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію для учиненія съ ними по указамъ. Въ Илецкую жъ станицу повсегодно отъ войска Яицкаго посылать одного старшину, которому свидѣтельствовать, все ли тамъ по содержанію сего учрежденія исполняется и не находится-ль сверхъ дѣйствительныхъ казаковъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей, опредѣленные казаки къ службѣ имѣютъ ли надлежащую справу, и все тамошнее состояніе разсматривая, войсковому атаману рапортовать; а буде когда время дозволитъ, то и самому оному атаману въ ту станицу ѣздить, яко онъ долженъ пещись, чтобы ея старшина и казаки въ равной же исправности были, какъ Яицкіе. Что же до Сакмарской станицы принадлежитъ, то понеже она отъ Оренбурга въ близости и находящіеся въ ней казаки по тому городу употребл [illegible] будутъ, то надлежащее за ними смотрѣніе по способности [illegible] чинено быть отъ Оренбургской Губернской Канцеляріи.

XXIV. На какомъ основаніи помянуты [illegible] марской и Илецкой станицамъ бы [illegible]

Хотя обѣ оныя станицы въ тѣхъ рыбныхъ промыслахъ, которыми войско Яицкое содержится, участія имѣть не могутъ, да по отдаленности ихъ тѣ промыслы имъ и неспособны, но они при своихъ городскихъ къ содержанію своему имѣютъ свои особливые и разные промыслы, какъ то выше сего изображено, они жъ въ караулѣ войска Яицкаго не служатъ, да по отдаленію ихъ отъ того войска обще съ онымъ служить имъ и невозможно, и хотя домашняя служба не столь трудная какъ Яицкая войсковая, во многихъ нарядахъ состоящая, однако по состоянію здѣшняго края, также небезпотребная, толь наипаче, что они, во время чрезвычайной нужды, куда надобно, и всѣ могутъ употреблены быть съ немалою пользою, а между тѣмъ остается имъ довольное время къ земледѣльству и къ прочимъ домашнимъ работамъ, якоже и къ вышеозначеннымъ имѣющимся у нихъ промысламъ, которые они имѣя (кромѣ того, что нѣкоторые изъ Сакмарскихъ напредъ сего отъ войска Яицкаго противъ прочихъ по пятидесяти и по шестидесяти человѣкъ въ ловъ бирывали) и не получая себѣ никакого жалованья содержались и нынѣ содержатся безъ нужды: того ради впредъ онымъ станицамъ окладнаго денежнаго жалованья не опредѣлять, а быть и ординарную ихъ службу отправлять имъ во всемъ на своемъ коштѣ, довольствуясь симъ, что подушнаго оклада не платятъ и при жительствахъ своихъ къ хлѣбопашеству и къ разнымъ промысламъ имѣютъ немалые и противъ Яицкихъ казаковъ излишніе способы. Но когда случится имъ по Оренбургу нарядъ чрезвычайный и отъ жилищъ ихъ не близкій, тогда командированнымъ изъ нихъ на то время, пока въ походѣ будутъ, производить жалованье и провіантъ, во всемъ противъ крещенныхъ Калмыкъ, изъ суммы Оренбургской Губернской Канцеляріи. Впрочемъ комплектъ ихъ содержать по сему, а именно: въ Сакмар-

скѣ атаманъ одинъ, есаулъ одинъ, сотниковъ три, писарь одинъ, хорунжихъ, урядниковъ и рядовыхъ двѣсти пятьдесятъ, итого въ Сакмарскѣ съ атаманомъ и прочими двѣсти пятьдесятъ шесть человѣкъ; въ Илецкомъ атаманъ одинъ, сотниковъ пять (изъ которыхъ одному поочередно у всѣхъ дѣлъ присутствовать съ атаманомъ), есаулъ одинъ, писарь одинъ, хорунжихъ, урядниковъ десять и рядовыхъ четыреста пятьдесятъ четыре, итого на Илекѣ четыреста шестьдесятъ два, а въ обѣихъ семь сотъ двадцать восемь человѣкъ, которое число комплектовать всегда ихъ казачьими дѣтьми, а больше вышеименованнаго другимъ старшинамъ въ тѣхъ станицахъ не быть; порохъ и свинецъ по пропорціи людей, на обѣ оныя станицы, отпускать также, какъ и на Яицкое войско отпускается.

XXV. О апеляціи.

По [illegible] сему новому учрежденію, какъ войсковому атаману и стар[illegible]акъ и всему войску Яицкому разныя должности назначен[illegible]е порядки предписаны, которыхъ у нихъ напредъ сего не [illegible], и дабы все то отъ нихъ самымъ дѣйствомъ исполнялось и во[illegible]ъ всегда наблюдательно и спокойно поступано было, опасаясь команды: того ради, ежели сіе учрежденіе будетъ за благо принято, необходимо требуется, чтобы на войсковой судъ для таковыхъ, которые не имѣютъ способа бить челомъ въ Государственной Военной Коллегіи, апеляція была по близости и по способности въ Оренбургской Губернской Канцеляріи; ибо хотя отъ нѣсколькихъ лѣтъ, якоже и нынѣ, въ то войско о разныхъ дѣлахъ указами Ея Императорскаго Величества изъ оной Губернской Канцеляріи опредѣляется, по которымъ оная и исполняетъ, но чтобы войсковые суды, ежели кто рѣшеніемъ оныхъ явится недоволенъ, въ помянутую Губернскую Канцелярію по вышеписанному переносить и въ оной разсматривать, точнаго указа не имѣется, а безъ того все по сему учрежденію въ совершенный установъ привести и завсегда наблюсти будетъ небезтрудно. Впрочемъ же все оное Яицкое войско имѣетъ состоять и быть въ главной командѣ Государственной Военной Коллегіи, якоже и нынѣ есть, и по прежде присланнымъ изъ оной Коллегіи и изъ другихъ мѣстъ, якоже и впредъ по присылаемымъ Ея Императорскаго Величества указамъ, чинить вседолжное исполненіе, которое и помянутая Губернская Канцелярія наблюдать должна.

На подлинномъ подписано тако: Иванъ Неплюевъ.—Ассесоръ Петръ Рычковъ.

Учинено на Яикѣ.
Ноября 22-го 1748 года.

Письма графа В. А. Перовскаго къ А. Я. Булгакову.

Читатели уже нѣсколько познакомились съ графомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ по очерку его службы и по нѣкоторымъ его бумагамъ, напечатаннымъ въ Р. Архивѣ нынѣшняго года (I, стр. 371). Здѣсь помѣщаются его письма къ Московскому почтдиректору Александру Яковлевичу Б[illegible]ову, переведенныя нами съ Французскихъ подлинниковъ. Булгаковъ, [illegible] брату своему Петербургскому почтдиректору Константину Яковлевич[illegible] былъ общій одолжитель. Можно сказать, что онъ, въ теченіи долгаго [illegible]амѣнялъ собою для Московскаго общества нынѣшнія газеты; къ нем[illegible] сѣхъ сторонъ стекались извѣстія, съ нимъ переписывались и его услуг[illegible]ользовались главнѣйшіе дѣятели Николаевскаго царствованія, удаленные службою отъ столицъ; а благодаря общительности Булгакова и широкому образу его жизни, извѣстія эти отъ него разносились повсюду. Онъ находился въ перепискѣ и съ Сибирью, и съ княземъ Воронцовымъ во времена его Одесскаго и Кавказскаго служеній, и съ В. А. Жуковскимъ въ его заграничныя поѣздки и житье. При тогдашней трудности письменныхъ и всяческихъ сообщеній, имѣть въ Московскомъ почтдиректорѣ исправнаго и надежнаго кореспондента было весьма сподручно Оренбургскому военному губернатору.

Большая часть нижеслѣдующихъ писемъ относится ко времени Хивинской экспедиціи, кончившейся неудачно, но послужившей къ вѣчной славѣ ея участниковъ, показавшихъ въ ней изумительное, геройское терпѣніе Русскаго человѣка. Однимъ изъ этихъ участниковъ былъ извѣстный писатель В. И. Даль; его письма къ роднымъ, писанныя изъ этого небывалаго и удивительнаго похода, находятся въ Русскомъ Архивѣ 1867 года, а его записка или должностной отчетъ о Хивинской экспедиціи помѣщена, безъ его имени, въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей (1860, кн. 1-я). Нынѣ печатаются загробныя повѣренія самаго вождя этого великаго дѣла, имѣвшаго столь плодотворныя послѣдствія для нашихъ Азіатскихъ сношеній, и слѣдовательно для всей будущности Россіи. П. Б.

1.

Оренбургъ, 16 Ноября 1837.

„Очень благодаренъ за новости, которыя вы мнѣ сообщаете. Жду, что вы сообщите и еще, потому что вы у источника ихъ, а въ настоящее время я только съ вами и переписываюсь въ Москвѣ. Ад—гъ, когда у него дѣла по службѣ, бываетъ черезъ чуръ занятъ, а когда отдыхаетъ на лаврахъ, то черезъ чуръ лѣнивъ; стало быть ждать извѣстій отъ него я не могу. Доволенъ ли былъ Государь Розеномъ относительно управленія? За что Николай Муравьевъ под-

вергся опалѣ? Какія предполагаются распоряженія касательно пребыванія двора въ Москвѣ и проч. и проч.? Надо, чтобъ вы удосужились написать мнѣ обо всемъ этомъ. По правдѣ сказать, нужно имѣть вашу доброту, чтобы переписываться со мною: я не могу платить вамъ тою же монетою. Нужно также, чтобъ вы наслѣдовали дружбу, которую оказывалъ мнѣ вашъ братъ. Иначе моя докучливость была бы неизвинительна.

2.

Оренбургъ, 7 Декабря 1837.

Изо всѣхъ вашихъ новостей всего больше изумила меня именно та, которая до меня относится—распущенный слухъ, будто я назначаюсь на должность Розена [1]). Лица, дѣлающія мнѣ честь, думая, что я достоинъ этого мѣста, конечно удивились бы, узнавъ, что я не только [illegible] домогаюсь получить его, но что это назначеніе даже огорчило [illegible]ня. Безъ сомнѣнія, мое мѣсто не такъ видно и не такъ почет[illegible] оно даетъ мнѣ возможность доказать, что я могу быть поле[illegible] Скажу больше, на немъ я сдѣлался необходимъ, и въ настоящ[illegible]я трудно было бы замѣнить меня: такъ много начато здѣсь дѣл[illegible]чь отъ которыхъ въ рукахъ у одного меня. Словомъ, если я ос[illegible]нъ пробыть здѣсь еще нѣсколько лѣтъ, то надѣюсь, послѣ меня [illegible]ранится слѣдъ, который вознаградитъ меня за остальную жизнь. Совсѣмъ иначе на Кавказѣ. Тамъ, по всему вѣроятію, меня зарыли бы въ землю черезъ полгода. Увольненіемъ Розена и недовольствомъ Государя вполнѣ оправдываются слухи, приходящіе изъ тамошняго края: тамъ все вверхъ дномъ, какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ управленіи. Тамъ надобенъ, конечно, человѣкъ даровитый и благонамѣренный, но главное—не ретивый или по крайней мѣрѣ такой, который бы не отличался особенною дѣятельностью. Излишествомъ трудолюбія тамъ выкопаешь себѣ могилу, прежде чѣмъ удастся возстановить порядокъ. Могу ошибиться, но таково мое мнѣніе касательно Кавказа. Что до меня лично, увѣряю васъ, что не полагаю честолюбія моего въ томъ, чтобъ возвышаться. По моему, можно на всякой степени возвышенія отличиться, быть на виду и заслужить всеобщее уваженіе. Исправникъ, совѣстливо исполняющій въ теченіи жизни свои обязанности, заслуживаетъ столько же похвалы и вознагражденія, какъ и военный губернаторъ, поступающій одинаково съ нимъ.

3.

(О пожарѣ Зимняго Дворца).

Оренбургъ, 4 Января 1838.

Крайне горестное извѣстіе сообщили вы мнѣ въ послѣднемъ письмѣ вашемъ. По истинѣ непостижимо, какимъ образомъ зданіе столь обширное и столь прочное сгорѣло, какъ сгараетъ изба. Хорошо еще, что спасенъ Эрмитажъ, императорскіе бриліанты и другія драгоцѣнности. Остальное можно купить, были бы деньги, а Уралъ и Алтай, если потребуется, доставятъ золота нѣсколько сотъ пудовъ. Есть и еще утѣшительная сторона въ этомъ несчастномъ событіи: оно послужило поводомъ къ такимъ проявленіямъ, которымъ душа

---

[1]) Оставившаго въ то время управленіе Кавказомъ.

радуется. Подробности, вами сообщаемыя, слѣдуетъ непремѣнно выставить на видъ, обнародовать и всячески разглалить въ иностранной печати. По несчастію этого не сдѣлаютъ. У насъ въ такихъ случаяхъ поддаются непростительной скромности. Наша печать и тѣ кому поручено ею завѣдывать иной разъ одержимы приводящею въ отчаяніе, скажу даже, возмутительною косностью. Возможно ли напр., чтобы о такомъ событіи, какъ пожаръ зимняго дворца, случившійся 17 числа, нѣтъ ни слова въ газетахъ 20 числа, полученныхъ мною въ одинъ день съ вашимъ письмомъ! Во всякой другой землѣ печатались бы и разсылались извѣстія понѣскольку разъ въ день [2]). Столь непонятное молчаніе въ подобномъ обстоятельствѣ даетъ поводъ къ ложнымъ и опаснымъ толкованіямъ, на дальнемъ разстояніи; и оно иначе быть не можетъ. Запоздалое оглашеніе иногда не можетъ уже исправить зло, причиненное молчаніемъ, и въ умахъ остается извѣстнаго рода недовѣрчивость, уже потому самому, что всякій хочетъ объяснить себѣ причину этого молчанія.—Гдѣ будетъ жить дворъ со всею своею обстановкою? Три дворца, Аничковскій, Таврическій и Мраморный, не вмѣстятъ въ себѣ и четверт[illegible] одонаселенія, помѣщавшагося въ Зимнемъ Дворцѣ. Не послужитъ ли это поводомъ къ возвращенію въ Москву? [3])

4.

20 Іюня 1839. Оренбургъ.

Переписываться съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, по истинѣ очень выгодно. Я убѣжденъ, что въ этомъ отношеніи вы безкорыстнѣе всѣхъ на свѣтѣ: отъ васъ я получаю извѣстія самыя свѣжія, самыя занимательныя, словомъ какихъ нельзя имѣть мнѣ ни изъ газетъ, ни изъ частной моей переписки, тогда какъ чѣмъ могу я взаимствовать? При всей доброй моей волѣ, подбирая всѣ событія, совершающіяся на пространствѣ отъ Волги до Бухары, я все таки не могъ бы сказать вамъ чего либо, что бы заслуживало вашего вниманія. Въ настоящее время занятъ я всецѣло приготовленіями для ученой экспедиціи къ берегамъ Аральскаго моря [4]). Экспедиція эта должна принять размѣры, превосходящіе все дѣланное до сихъ поръ въ тамошней сторонѣ. Она направится по землѣ, совершенно невѣдомой Европейцамъ. Время отправленія еще не опредѣлено навѣрное; во всякомъ случаѣ оно не можетъ состояться, прежде чѣмъ я не побываю въ Москвѣ. Въ нынѣшнемъ году Туркмены отличаются непостижимою наглостью на Каспійскомъ морѣ: эти морскіе разбойники уже за-

---

[2]) Лишь въ 1865 году, въ Р. Архивѣ появились подробныя описанія этого пожара, по случаю котораго проявилось много знаковъ искренней народной приверженности къ царскому дому.

[3]) Была ли эта мысль у предержавшей власти? Говорятъ, что она возникала у Александра Павловича послѣ наводненія 1824 года.

[4]) Въ особомъ комитетѣ, который по представленію В. А. Перовскаго учредился изъ графа Нессельроде, графа Чернышева и самаго Перовскаго, 12 Марта 1839 года рѣшено: «содержать истинную цѣль предпріятія въ тайнѣ, дѣйствуя подъ предлогомъ посылки одной только ученой экспедиціи къ Аральскому морю». Разумѣется, дѣло разгласилось; но въ Русской печати оно стало извѣстно лишь въ 1860 году.

хватили у насъ нѣсколько сотъ человѣкъ Астраханскихъ рыбаковъ, преимущественно въ устьяхъ Волги, такъ что наши промышленники уже не смѣютъ пускаться въ море. Это позоръ! Каспійская флотилія ничего тутъ не помогаетъ; она существуетъ только по имени.

5.

(По поводу зажигателей).

15 Августа 1839. Оренбургъ.

Еще двѣ недѣли тому назадъ я былъ вполнѣ увѣренъ, что буду имѣть удовольствіе свидѣться съ вами во время Бородинскихъ маневровъ. Я разсчитывалъ даже пріѣхать въ Москву не позже 20-го числа этого мѣсяца; но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Симбирскіе и Саратовскіе поджигатели, или по крайней мѣрѣ дьявольскій ихъ духъ, повидимому, переселились въ Оренбургъ. Втораго числа этого мѣсяца былъ здѣсь первый пожаръ, за тѣмъ два другіе довольно значительные, и съ тѣхъ поръ не проходитъ дня, чтобы не обн[illegible]лось покушенія къ поджогамъ. Лавки заперты и опорож[illegible]щи уложены въ возахъ, либо вывезены за городъ, обыва[illegible]ложатся спать ни днемъ, ни ночью. Тревога общая, отча[illegible]ончаемое. Большинство домовъ въ Оренбургѣ и особливо въ предмѣстьяхъ, ни что иное какъ гнилушки, которыя отъ чрезвычайныхъ жаровъ пришли въ состояніе трута. Воды нѣтъ подъ руками; слишкомъ два мѣсяца не было ни малѣйшаго дождя. Кромѣ того каждый день ураганы, и въ концѣ концовъ всего три пожарныя трубы и никакой пожарной команды. Понимаете, могу ли я оставаться покоенъ, и каково быть безпрестанно въ попыхахъ, когда даже въ тѣни не бываетъ меньше 25 градусовъ! Счастье, что до сихъ поръ зажигательство, кажется, еще не проникло во внутреннія мѣста губерніи. Я говорю к а ж е т с я; а между тѣмъ уже получено извѣстіе о трехъ довольно значительныхъ пожарахъ. Причины неизвѣстны; но, можетъ быть, поджоговъ и не было. Во всякомъ случаѣ теперь не можетъ быть и рѣчи о моемъ путешествіи. Нѣсколько человѣкъ захвачено на мѣстѣ преступленія. Надъ ними назначено слѣдствіе. До сихъ поръ нельзя было открыть, чтобъ тутъ скрывался какой либо умыселъ или что нибудь похожее на заговоръ въ политическомъ смыслѣ. Въ числѣ захваченныхъ нѣтъ Поляковъ. Поэтому я склоненъ объяснять эти пожары самымъ простымъ и прозаическимъ образомъ. Мнѣ кажется, что у насъ больше чѣмъ гдѣ либо, какъ въ городскомъ, такъ и въ сельскомъ населеніи, есть люди, которые не задумываются поджечь сосѣда изъ мщенія, зависти и т. п. Подобнымъ же чувствомъ одержима бываетъ въ иныхъ мѣстахъ дворня по отношенію къ своему барину. Когда все спокойно, эти люди знаютъ, что имъ достанется, коль скоро они захотятъ дать волю такимъ побужденіямъ; но въ тревожную пору, когда всякій, подъ вліяніемъ распущенныхъ слуховъ, только и думаетъ, что вотъ вотъ у него загорится его жилище, тѣже самые люди начинаютъ дѣйствовать безбоязненно въ увѣренности, что избѣгнутъ подозрѣнія, и что все будетъ свалено на такъ называемыхъ поджигателей; а ихъ, можетъ быть, вовсе и нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Таковы тяжкія обстоятельства, не дозволяющія мнѣ съѣздить въ Москву; а поѣздка эта мнѣ и желательна, и нужна. Можетъ быть, въ Сентябрѣ я отправлюсь въ Петербургъ, но на этотъ разъ пробуду тамъ не долѣе недѣли.

6.

Оренбургъ, 17 Ноября 1839.

Наконецъ вотъ мы и въ походѣ! Весь отрядъ нашъ уже двинулся, а я остаюсь только за тѣмъ, чтобы написать нѣсколько писемъ и завтра тоже уѣзжаю. Покамѣстъ въ нашемъ дѣлѣ еще много хаотическаго; да оно иначе и быть не могло: дѣло совершенно небывалое, приходится дѣйствовать наугадъ, никто ни съ чѣмъ не освоенъ, солдатъ ни разу въ жизни не вьючилъ верблюда; верблюдъ никогда не ходилъ подъ вьючнымъ сѣдломъ, которое къ нему прицѣпляютъ. Все это кричитъ, выражаетъ нетерпѣніе, толчется понапрасну. Черезъ нѣсколько дней люди и животныя освоятся между собою, и дѣло пойдетъ лучше. Погода меня жестоко обманула. Въ теченіи слишкомъ двухъ недѣль безпрерывно стояли морозы и довольно сильные, какъ вдругъ наступила оттепель, и уже три дня какъ идетъ дождь. Очень боюсь, чтобъ не испортилось мясо и запасы, которые заготовлялись въ [illegible] на постоянный холодъ. Никогда здѣсь не бывало такой погод[illegible] мѣсяцѣ, и въ добавокъ послѣ 20 градусныхъ морозовъ. [illegible] стоятъ намъ еще съ избыткомъ впереди. Какъ бы то ни было, [illegible] себя Божьей помощи, мы двинулись въ путь, и вы, если у ва[illegible] лучшаго дѣла, молитесь за насъ. Это не будетъ лишнимъ, увѣряю васъ. Коли судьба опредѣлитъ намъ свидѣться, у меня наберется много чего вамъ разсказать. Въ противномъ случаѣ не подумайте, чтобы я шелъ очертя голову и расхорахорившись: всѣ мѣры, какія было возможно принять, приняты, и если я не возвращусь, значитъ выдетъ такое несчастіе, которое предотвратить не во власти человѣка.

7.

Башталыка, 250 верстъ отъ Оренбурга, 6 Декабря 1839.

Еще есть случай послать нарочнаго въ Оренбургъ, и я имъ пользуюсь, чтобы сдержать свое обѣщаніе и сказать вамъ, что я здоровъ, что подвигаюсь впередъ какъ только возможно и прошелъ уже почти пятую долю предположеннаго пути. Было бы безполезно излагать вамъ безчисленныя затрудненія, которыя мы встрѣчаемъ по причинѣ суроваго времени года, недостатка въ дровахъ и пр. Вы легко можете себѣ представить, какія приходится испытывать ощущенія, ежедневно и цѣлый день оставаясь подъ открытымъ небомъ. Тоже бываетъ и ночью, и часто на морозѣ слишкомъ въ 30 градусовъ (сегодня у насъ 32 градуса). Труднѣе вамъ будетъ понять, какимъ образомъ при всемъ этомъ мы не отмораживаемъ себѣ ни пальцевъ, ни носовъ и вообще у насъ очень мало больныхъ. Слава Богу, до сихъ поръ холода хоть и очень сильные, но безъ вѣтру, котораго я безъ защитнаго мѣста и безъ дровъ особенно боюсь, потому что тогда уже не знаю, какія принять мѣры, чтобы избѣгнуть гибели. Сегодня, 6-го Декабря [5]) при 32 градусномъ морозѣ, мы отпѣли царскій молебенъ на чистомъ воздухѣ и стрѣляли изъ пушекъ. Увѣряю васъ, что это было торжество умилительное. Мы молились усерднѣе и болѣе сознательно, чѣмъ вы въ отопленныхъ столичныхъ церквахъ. Въ нашемъ положеніи молитва имѣетъ иное значеніе противъ вашего: лишь съ Божьею помощью можемъ мы надѣяться, что преодолѣемъ стихіи и непріятеля; мы чув-

[5]) День имянинъ государя Николая Павловича.

ствуемъ, что если молитва наша не будетъ теперь же услышана, то намъ придется погибнуть. Но не подумайте, что мы предаемся унынію. Вовсе нѣтъ! Въ лагерѣ, какъ будто въ Маѣ мѣсяцѣ, раздаются пѣсни. Правда, больше кашляютъ нежели поютъ; но, по моему, есть что-то высокое въ этомъ пѣніи, въ темную ночь при 20 или 30 градусномъ морозѣ, тогда какъ огня достаетъ только, чтобы сварить похлебку (полюбоваться на огонекъ и на горящіе уголья, объ этомъ и помину нѣтъ). И при томъ знаешь, что завтра, послѣ завтра и еще шесть недѣль сряду будетъ тоже самое, таже недостача.

8.

Рѣка Эмба, 500 верстъ за Оренбургомъ, 4 Января 1840.

Вы вѣроятно думаете, что я уже въ Хивѣ, или по крайней мѣрѣ подхожу къ ней; а мнѣ осталось еще столько же впереди. Противъ насъ [illegible] со всѣми ея ужасами. Люди, или вѣрнѣе Киргизы, не помнятъ [illegible] столь суроваго времени года, столь глубокихъ снѣговъ. Съ тѣхъ [illegible] какъ мы вышли изъ Оренбурга, термометръ рѣдко опускалы[illegible] же 20°, былъ 33°; двое сутокъ сряду 31°, а когда бывало мен[illegible] 25°, начинались вѣтры и сильныя метели. Самому не испытавши, трудно понять состояніе человѣка, когда никакое одѣяніе, никакія шубы и теплая обувь не спасаютъ его отъ власти холода, когда онъ знаетъ, что завтра, черезъ мѣсяцъ, черезъ шесть недѣль, все будетъ тоже самое, когда при этомъ нѣтъ дровъ, чтобы согрѣться и порадоваться на огонекъ въ эти долгія, нескончаемыя ночи. Да, понять это можетъ тотъ, кто самъ испыталъ. И однако мы не отчаеваемся. «Лишь бы не было хуже, а этакъ перенесемъ», говоритъ офицеръ. «Право, не о чемъ тужить; Царю рады мы служить», говоритъ солдатъ. Мы дошли до того, что когда бываетъ 20° безъ вѣтру, разсчитываемъ на близость весны и готовы грѣться на солнцѣ. Только у троихъ отморожены ноги; согласитесь, что на 4500 человѣкъ троихъ въ счетъ ставить нечего. Я бы и не сказалъ вамъ объ нихъ, если бы не желалъ говорить безъ всякой утайки. Объ насъ думаютъ, я увѣренъ, что мы всѣ замерзли, а мы подвигаемся впередъ, хотя черепашьимъ шагомъ, и достигнемъ цѣли, хоть и мѣсяцемъ позже. Впереди предстоятъ наибольшія трудности. На счетъ непріятеля, который можетъ намъ повредить и непремѣнно повредитъ, я спокоенъ; потому что, безъ хвастовства сказать, каждый изъ насъ стоитъ десяти Хивинцевъ, а они могутъ противъ насъ дѣйствовать всего въ числѣ отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ. Но намъ надо пройти по крайней мѣрѣ 700 верстъ по странѣ еще болѣе неблагопріятной, нежели та, которую мы оставили позади. Трава, гдѣ и есть, покрыта снѣгомъ, слѣдовательно не можетъ служить въ пищу нашей скотинѣ. Поить ее, даже и самихъ себя, придется растаявшимъ снѣгомъ. Да будетъ ли еще чѣмъ обратить его въ воду? Вотъ тутъ-то бѣда, вотъ гдѣ нужна намъ будетъ помощь свыше. Человѣкъ тутъ безсиленъ. Въ 180 верстахъ впереди насъ, имѣется наше небольшое укрѣпленіе. На дняхъ Хивинцы напали на него. Ихъ было двѣ тысячи человѣкъ и, разумѣется, они были отброшены. Появленіе ихъ весьма удивило насъ; мы не разсчитывали встрѣтиться съ ними такъ скоро. Онѣ были такъ вѣжливы, что вышли къ намъ слишкомъ на полдороги впередъ. Къ сожалѣнію съ тѣхъ поръ они не появлялись вторично. Должно быть, это небольшой отрядъ, вы-

сланный для развѣдокъ. А хорошо бы поскорѣе съ ними столкнуться. Это общее желаніе маленькой моей арміи. Какъ скоро мы встрѣтимся лицемъ къ лицу, они будутъ знать, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Лишь бы мнѣ идти впередъ безъ этого страшнаго количества верблюдовъ! Всѣ возможныя мѣры мною приняты. Какъ ни трудно, а отъ времени до времени нахожу способъ получать письма изъ Оренбурга и слѣдовательно изъ Петербурга. Пожалуста пишите. Дружеское письмо, вѣсть объ Отечествѣ, о царскомъ семействѣ нужнѣе намъ, и особливо мнѣ, чѣмъ огонь въ жестокую стужу. Мы уже доказали, что можемъ обходиться безъ огня; но безъ извѣстій о своихъ мы можемъ ослабѣть духомъ. Это, можетъ быть, самое тяжкое испытаніе изо всѣхъ, какія приходится мнѣ выдерживать.

9.

Акбулакъ, 650 верстъ за Оренбургомъ, 4 Февраля 1840.

Письма ваши не разъ служили мнѣ утѣшеніемъ съ тѣхъ [illegible] какъ я въ степи и, имѣя нужду себя самого утѣшить въ [illegible]емъ моемъ бѣдствіи, я пишу нѣсколько словъ къ вамъ, моему пр[illegible]лю. Походъ не удался вполнѣ. Три мѣсяца мы успѣшно боролись съ самымъ лютымъ холодомъ, съ ежедневными почти мятелями, съ небывалыми въ здѣшнемъ краю по глубинѣ своей снѣгами, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ. У насъ въ добромъ состояніи люди, лошади и всѣ принадлежности отряда; мы прошли самую трудную половину дороги, и тѣмъ не менѣе я поставленъ въ необходимость идти назадъ и отказаться отъ побѣды, отъ болѣе чѣмъ вѣроятнаго успѣха. Верблюды наши не одарены нравственною силою, которая насъ поддерживаетъ до крайнихъ предѣловъ возможности; они чрезвычайно какъ отощали, половина ихъ погибла, остальные окончательно не могутъ выносить вьюка. Мы принуждены были уменьшить тяжесть вьючнаго сѣдла, но въ такомъ случаѣ слѣдовало умножить число верблюдовъ, а между тѣмъ они у насъ падали ежедневно въ числѣ нѣсколькихъ сотъ. Словомъ, когда мы добрались сюда, сдѣлалось до крайности очевидно, что если мы удалимся отъ нашего запаснаго склада еще на нѣсколько переходовъ, то очутимся въ одинаковой невозможности идти впередъ и возвращаться назадъ. На пространствѣ послѣднихъ 150 верстъ отрядъ лишился слишкомъ 2000 верблюдовъ; остальными нельзя поднять запасовъ больше какъ на одинъ мѣсяцъ, а идти впередъ нужно еще два съ половиною мѣсяца! Я не въ состояніи передать вамъ, что̀ я испытываю и что̀ испыталъ, подписывая приказъ объ отступленіи. Что̀ можно было предвидѣть и припасти для усиленнаго похода, все было сдѣлано; всѣ лишенія перенесены бодро, всѣ препятствія преодолѣны, и тѣмъ не менѣе походъ не удался по обстоятельствамъ, отъ которыхъ могъ избавить насъ одинъ только Богъ. Нѣтъ такаго древняго старика въ здѣшнихъ степяхъ, который помнилъ бы подобную зиму. Мѣста, по которымъ пройти стоило намъ такаго труда и на которыхъ не только трава, но и кустарникъ занесены снѣгомъ, обыкновенно, въ теперешнюю годовую пору, служатъ убѣжищемъ многочисленнымъ ауламъ: они перекочевываютъ сюда ради пищи своему скоту, не находя ея болѣе по близости нашей границы. А мы, напротивъ, не находили здѣсь ни малѣйшей травки нашимъ верблюдамъ и, въ продолженіи почти цѣлаго мѣсяца, ни хворостинки для топлива. Намъ

приходилось разгребать снѣгъ и выкапывать изъ подъ него дрянныя коренья, чтобы только было на чемъ сварить похлебку солдатамъ, а ужъ не то чтобы погрѣться у огня. Между тѣмъ вчера, 3 Февраля, термометръ показывалъ 30° холоду, сегодня 28°, третьяго дня 26°, да еще съ страшнымъ вѣтромъ, который, распахивая наши несчастныя войлочныя палатки, не умолкалъ полторы сутки. Отъ этой необычайной стужи и отъ безкормицы погибли наши верблюды. Вы можете себѣ также представить, чего натерпѣлись люди, и есть ли какая возможность помочь больнымъ. И не смотря на все это, не смотря на всяческія лишенія, на ежеминутныя затрудненія и помѣхи, мы все таки достигли бы цѣли, если бы достало верблюдовъ, т. е. если бы мнѣ посчастливилось выступить въ обыкновенную зиму. Здѣсь я принужденъ былъ бросить слишкомъ 1500 четвертей муки и сухарей (шестинедѣльное продовольствіе всего отряда). Возвращаться не менѣе трудно. До нашего укрѣпленьица на Эмбѣ, гдѣ складъ нашихъ зап[illegible]овъ, надо будетъ идти 160 верстъ по снѣгу, взбираться на двѣ б[illegible]ры и спускаться съ нихъ. На это потребуется отъ 15 до 18 дн[illegible]ь корму для верблюдовъ. Помоги Богъ совершить этотъ перех[illegible]бе[illegible]ѣдно! На Эмбѣ хотя и есть запасы, но и тамъ все еще нельз[illegible]ть покойну: дѣло въ томъ, что когда мы придемъ туда, у меня не останется ни одного годнаго верблюда. Надо будетъ собирать новыхъ верблюдовъ,—дѣло самое трудное въ теперешнее время года и въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся. Изъ Оренбурга нечего ждать никакой помощи. Пойдутъ дожди (а въ Мартѣ это здѣсь случается), и въ нѣсколько дней пропадутъ всѣ наши сухари. Во всякомъ случаѣ отрядъ будетъ дожидаться весны на Эмбѣ.

Выводъ. По разсчетамъ, основаннымъ на самыхъ точныхъ свѣдѣніяхъ и согласно принятымъ мѣрамъ, я долженъ былъ на полпути къ Хивѣ имѣть всѣ средства, чтобы прибыть туда съ продовольствіемъ по крайней мѣрѣ на четыре мѣсяца. Я отправилъ двухмѣсячный запасъ въ Новоалександровскъ, дабы имъ продовольствовать отрядъ въ случаѣ необходимости; но въ осеннія бури, продолжавшіяся нѣсколько дней, суда эти погибли, и ни одно не дошло по назначенію. Выступая изъ Акбулака, я разсчитывалъ, что у меня 10000 верблюдовъ; вмѣсто того у меня уцѣлѣло ихъ съ небольшимъ 4000; стало быть вмѣсто четырехмѣсячнаго продовольствія, которое я долженъ былъ имѣть по приходѣ въ непріятельскую страну, у меня доставало его лишь около того, сколько нужно на половину дороги.—Предвижу сужденія, которымъ подвергаюсь. Чтобы извинить, чтобъ оправдать неудачу, необходима жертва, и этою жертвою мнѣ нельзя не быть. Смиренно подклоняю голову и не стану противорѣчить толкамъ. Время и 4000 очевидцевъ засвидѣтельствуютъ что̀ можно было сдѣлать человѣческой силѣ и что̀ сдѣлано. Пусть меня подвергнутъ слѣдствію и осудятъ, лишь бы не бросили самаго дѣла. Одна неудача не есть еще доказательство несбыточности. Такихъ двухъ зимъ, какая выпала мнѣ на долю, не бываетъ два раза въ теченіи 50 лѣтъ, а походъ не удался единственно вслѣдствіе сильной стужи. Не слѣдуетъ тревожиться и денежною тратою. Деньги, которыя ушли на несчастный походъ, мною предпринятый, возвратились бы правительству сторицею, если бы онъ удался. Тутъ надобно дѣйствовать поанглійски, тѣмъ паче, что имѣется въ виду противодѣйствовать именно Англичанамъ. У нихъ денежный вопросъ никогда не служитъ помѣхою, и отъ этого они вездѣ успѣваютъ, что̀ бы ни предприняли. У нихъ расчетъ ведется на столѣтія, а мы соображаемъ

дневную затрату. Разница несмѣтная! Имѣя въ предметѣ послѣдствія предпріятія, которыя окажутся черезъ извѣстное число лѣтъ, они затрачиваютъ вдесятеро больше, нежели мы, разсчитывающіе получить барышъ тотчасъ же. Письмо мое безпорядочно. Мысли стынутъ заодно съ чернилами. Черезъ каждыя два-три слова грѣю перо на свѣчкѣ. Простите. Ермоловъ былъ правъ: «это пунтировка въ банкъ»; но играющій не долженъ еще считать себя въ проигрышѣ, когда первая карта убита.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Приказъ по отряду войскъ хивинской экспедиціи.

Февраля 1-го дня 1840 г.

Товарищи! Скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію Государя Императора въ походъ съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостію исполнить царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолѣвая пр[illegible]ія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокую зиму о[illegible]въ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, заваливш[illegible] нашъ и всѣ корма. Намъ не было даже отрады встрѣтить непріяте[illegible], если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его. Не взирая на всѣ перенесенные труды, люди свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны; одно только намъ измѣнило: значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсилены, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній Государя Императора; въ другой разъ будемъ счастливѣе. Мнѣ утѣшительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго при всѣхъ перенесенныхъ трудностяхъ. Всемилостивѣйшій Государь и Отецъ нашъ узнаетъ обо всемъ.

10.

Укрѣпленіе на Эмбѣ. 14 Февраля 1840.

Спасибо, милый другъ, сто разъ спасибо за письмо ваше отъ 26 Января (№ 7-й). Увы! Что сказать вамъ объ насъ? Мнѣ не хочется и начинать рѣчи. Трудныя муки рожденія возбуждаютъ участіе, могутъ даже возбудить удивленіе, когда переносятся съ твердостью; но для этого необходимо, чтобы свидѣтель вѣрилъ и надѣялся, что эти муки приведутъ къ счастливому разрѣшенію. Они достойны только сожалѣнія, коль скоро за ними послѣдуетъ выкидышъ. На возвратномъ пути къ Эмбѣ отрядъ вытерпѣлъ еще больше лишеній, чѣмъ идучи отъ нея. Было еще 29 и 26° холоду, съ сильными буранами. Пять дней назадъ, послѣ мокраго снѣга при 4°, наступилъ 25 градусный морозъ съ очень сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ. Каково было верблюдамъ, которые слабѣли не по днямъ, а по часамъ! Отрядъ еще не весь въ сборѣ, и я не могу съ точностью опредѣлить число верблюдовъ погибшихъ въ послѣдніе десять дней; но, судя по отдѣленію, которое со мною и которымъ брошено на дорогѣ слишкомъ 600 верблюдовъ, надо полагать общую десятидневную убыль по крайней мѣрѣ въ 2000. Счастіе еще, что въ теченіи нѣсколькихъ дней мы могли идти по слѣдамъ, которые оставлены предшествующимъ отдѣленіемъ, что дало

мнѣ возможность прибавить шагу. Спасеніе или гибель отряда зависѣли отъ того, во сколько дней пришли бы мы сюда. Отрядъ нашъ былъ словно корабль въ открытомъ морѣ, во власти бури, безъ мачтъ, отовсюду заливаемый водою. Чтобы не потонуть на мѣстѣ, онъ выбрасываетъ за бортъ все, безъ чего можетъ обойтись. Точно также и мы, съ тою разницею, что у насъ нѣтъ предметовъ роскоши, которыми бы пожертвовать для спасенія. Всѣ повозки, сани, лодки и пр., словомъ все что горитъ, въ томъ числѣ веревки и рогожи, все пошло на приготовленіе похлебки солдатамъ, но и этого достало только на три дня. Верблюдовъ мы кормили сухарями и овсомъ, запасенными про людей и коней. И не смотря на то, довольно значительное количество сухарей, муки и овса брошено, потому что, за недостаткомъ верблюдовъ, не на чемъ везти ихъ. Наконецъ, оставивъ при себѣ самое необходимое количество продовольствія и употребивъ несказанныя усилія, чтобы спасти воинскія принадлежности, два первыя отдѣлені[illegible]тигли Эмбы. Остальныя два должны придти дня черезъ два ил[illegible]Состояніе, въ которомъ теперь находятся отряды, было бы ещ[illegible]нѣе, если бы я велѣлъ идти дальше. Намъ предстоятъ еще б[illegible]бокія снѣга, и черезъ десять дней похода отрядъ неминуемо очутился бы въ совершенной невозможности двинуться, а я поставленъ бы былъ въ жестокую необходимость объявить войску, что у меня нѣтъ продовольствія и средствъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Мы бы очутились тогда за цѣлыя сотни верстъ отъ ближайшихъ Киргизскихъ ауловъ, весною нашли бы наши трупы, и Хивинскій ханъ захватилъ бы наши походныя принадлежности какъ трофеи, которыхъ иначе ему нельзя добыть. Тѣмъ не менѣе походъ кончился несчастливо; это выкидышъ, какъ я выразился въ началѣ письма, и послѣдствія будутъ тѣмъ неблагопріятнѣе, чѣмъ больше было говору. Пророки, и въ числѣ ихъ пророки Англійскаго клуба, должны торжествовать. Это удовлетворяетъ ихъ самолюбію. Онп выведутъ заключеніе, что походъ на Хиву есть вещь невозможная, тогда какъ онъ не удался единственно по небывалой стужѣ и по глубинѣ снѣговъ. Что касается до меня лично, клянусь вамъ честнымъ словомъ, самолюбіе мое не уязвляется мыслію, что въ военныхъ лѣтописяхъ буду памятенъ лишь этимъ несчастнымъ походомъ. Я мучусь и оскорбляюсь только тѣмъ, что самое дѣло пострадаетъ отъ того. Не могу сказать, сколько времени останусь здѣсь. Уцѣлѣвшихъ верблюдовъ достало бы вести отрядъ до границы, но бѣда та, что они утомлены и дальше не могутъ ступить шагу. Стало быть, нужно добывать другихъ, а это нелегко, или дожидаться два мѣсяца, пока наши верблюды оправятся. Въ половинѣ Марта здѣсь бываетъ трава, и она ихъ скоро возстановитъ; но до тѣхъ поръ еще онп переколѣютъ на половину. Во всякомъ случаѣ мнѣ уѣхать изъ отряда въ настоящую минуту немыслимо. Прежде всего я долженъ выискать мѣста, на которыхъ расположить войско. Необходимо, чтобы въ мѣстахъ этихъ было хоть сколько нибудь корму лошадямъ и людямъ и какая нибудь возможность топлива. Ничего этого нѣтъ вблизи укрѣпленія. Такія мѣста можно сыскать верстъ за 50 отсюда, стало быть является чрезвычайная трудность доставлять продовольствіе, такъ какъ запасы находятся въ укрѣпленіи. Кто не участвовалъ въ этомъ походѣ, будь онъ военный человѣкъ или нѣтъ, не можетъ составить себѣ понятія даже и приблизительнаго о безчисленныхъ, неодолимыхъ и ежеминутныхъ затрудненіяхъ, среди коихъ я очутился, какъ скоро оказа-

лось, что всѣ вѣроятности успѣха противъ меня. Прощайте, любезный другъ. Можетъ быть, я долго не буду вамъ писать; развѣ какое нибудь непредвидѣнное событіе дастъ мнѣ возможность поговорить съ вами не объ однихъ верблюдахъ. Письма мои больше не могутъ быть занимательными, даже и для друзей моихъ. Что за радость повторять одну и туже пѣсню о нашемъ бѣдствіи! Меня ждетъ впереди еще великое испытаніе: между нами сказать, пѣхота моя отнюдь не въ добромъ здоровьи. Мнѣ удалось предохранить ее отъ замораживанія; солдаты во все время имѣли отличную пищу, о какой и не слыхать было ни въ какомъ другомъ походѣ. Но это люди, никогда не покидавшіе своей земли, не видавшіе бивака даже и въ мирное время, и я никакъ не могъ сдѣлать, чтобъ они были выносливѣе. Таково уже свойство моей пѣхоты, что она не могла вынести тяготы и стала заболѣвать. Казаки же все время несли службу гораздо болѣе тяжкую, и между ними нѣтъ вовсе больныхъ.

11.

Оренбургъ, 15 Апр[illegible].

Послѣ пятимѣсячнаго странствованія въ пустынѣ, [illegible] опять подъ кровлею, въ прибранной комнатѣ, на отличномъ [illegible] снялъ въ первый разъ шубу и теплые сапоги. Я прибылъ сюда т[illegible]етьяго дня и отлучился отъ отряда тринадцать дней тому назадъ. Испытавъ всѣ ужасы тяжкаго зимняго похода въ степи, я долженъ былъ пройти еще 500 верстъ по талому снѣгу и подъ холоднымъ весеннимъ дождемъ. Нечего сказать, шутка незабавная эти 500 верстъ верхомъ, въ такую погоду, въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни мостовъ, никакого средства для переправы черезъ рѣки въ ихъ первобытности, гдѣ ложбины превращаются въ ручьи, либо наполнены чѣмъ-то въ родѣ шербета изъ снѣгу, грязи и льду. Признаюсь, что я разбитъ и измученъ и не въ состояніи немедленно приняться за дѣло.—Я получилъ всѣ ваши письма, любезный другъ, и не знаю, какъ васъ благодарить, что вы не оставляли меня извѣстіями о томъ, что̀ дѣлается на свѣтѣ. Все это время вы были единственною связью, которая соединяла меня съ обитаемымъ міромъ. Обнимаю васъ радостно и признательно. Христосъ воскресе!—Вы пишете, что Государь скоро поѣдетъ въ Варшаву. Это извѣстіе чрезвычайно меня озабочиваетъ. Стало быть, мнѣ нечего ѣхать въ Петербургъ, а поѣздка эта крайне нужна: вообще трудно, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ невозможно объясняться письменно. Въ Петербургѣ не знаютъ точно, что̀ нужно для того, чтобы предпринять второй походъ; не знаютъ, сколько времени пойдетъ на приготовленія, которыя будутъ теперь гораздо труднѣе прежняго, потому что мѣстныя средства, въ прошломъ году еще не тронутыя, теперь истощены. Тутъ иной разъ ни твердая воля, ни деньги не помогутъ; вѣдь не устроишь же фабрику, которая бы изготовляла верблюдовъ. За ними надо посылать въ неизмѣримыя степи, гдѣ тоже они не растутъ какъ грибы. Ихъ погило теперь такое множество! Вообще они водятся не въ такомъ количествѣ какъ лошади и бараны. Во второй разъ мнѣ нужно ихъ будетъ гораздо больше, чѣмъ въ первый. Стало быть придется добывать ихъ издалека и дать имъ время отдохнуть, прежде чѣмъ вести ихъ на Хиву.—Что̀ бы ни говорили Тимирязевъ [6]) и Андрей Михаиловичъ Голицынъ, а направленіе,

[6]) Ив. Сем. Тимирязевъ былъ въ то время губернаторомъ въ Астрахани; какую должность занималъ князь А. М. Голицынъ (1792—1863), намъ неизвѣстно. П. Б.

выбранное мною, есть наилучшее. Идти на Хиву и придти туда можно только зимою. Замѣтьте, я не прибавляю: идти оттуда. Это надо предоставить волѣ Божіей, потому что тутъ нельзя принять никакихъ предварительныхъ мѣръ. Лишь бы дойти туда!

12.

С.-Петербургъ, 19-го Іюня 1840 г.

Я еще не видалъ Государя. Его Величество безпрестанно то въ Петергофѣ, то въ Красномъ Селѣ; сверхъ того онъ чрезвычайно занятъ и даже поглощенъ заботами о мѣрахъ къ восполненію хлѣбнаго недорода въ сосѣднихъ съ вами губерніяхъ. Я полагаю, что Стр. поѣдетъ туда. Хорошо, какъ бы онъ на что-нибудь былъ полезенъ. Въ городѣ рѣшительно никого нѣтъ. Тѣ немногіе, кто не уѣхалъ за границу, живутъ на дачахъ. Особливо досадно мнѣ было, что не нашелъ здѣсь А—га. Онъ не возвратился съ Государемъ и въ Эмсѣ получи[illegible]озволеніе съѣздить за женою и дѣтьми въ Парижъ, что застав[illegible] меня думать, что тамъ онъ не долго будетъ съ семьею. Госуда[illegible]іѣхалъ изъ Эмса въ Петергофъ всего въ семь дней. Бенкендо[illegible]правился въ Фалль [7]). Завтра отплываетъ пароходъ за Наслѣдни[illegible]мъ; на другомъ ѣдетъ Великій Князь Константинъ, который привезетъ Государыню.

13.

Петергофъ, 27 Іюня 1840.

Вы помните, что лейтенантъ Петровскій, сопровождающій друга нашего Аббота до Петербурга, долженъ вамъ представиться во время проѣзда своего черезъ Москву. Передайте ему пожалуста прилагаемый свертокъ. Молодой человѣкъ не очень опытенъ въ жизни. Одолжите меня, снабдивъ его наставленіями вашими на дальнѣйшій путь сюда. Я довольно знаю Оренбургскихъ каретниковъ и полагаю, что по пріѣздѣ въ Москву экипажи Аббота совсѣмъ испортятся, и потому прошу вашей помощи, любезный другъ: позаботьтесь, чтобы островитянинъ нашъ добрался къ намъ наилучшимъ образомъ. Если онъ сядетъ въ маль-постъ, чтобы взялъ три мѣста; если поѣдетъ въ дилижансѣ первоначальнаго заведенія, надо взять весь дилижансъ и, коли найдете удобнымъ, то приставьте къ нему кого нибудь изъ вашихъ почтальоновъ. Я былъ очень доволенъ ѣздою въ дилижансѣ. Если Петровскому нужны деньги, дайте ему, пожалуста, въ зачетъ.

Я здѣсь уже недѣлю, встрѣченъ и принимаемъ какъ всегда, къ великому удивленію нѣкоторыхъ господъ, которые, Богъ вѣсть почему, полагали, что я въ полнѣйшей опалѣ. Его Величество милостиво сказалъ мнѣ, что несчастный исходъ возложенной на меня экспедиціи только утверждаетъ его въ убѣжденіи, что онъ не ошибся, поручивъ его мнѣ, что моею твердостью и рѣшительностью спасенъ отрядъ, гибель котораго была бы неминуема въ случаѣ колебанія съ моей стороны и проч. Словомъ, теперь какъ и всегда, мнѣ остается лишь удивляться справедливости и здравому сужденію нашего Государя. До сихъ поръ, съ кѣмъ я ни говорилъ, это единственный человѣкъ, который, не бывши на мѣстѣ, судитъ о дѣлѣ какъ будто онъ былъ тамъ.

---

7) Ревельское помѣстье графа Бенкендорфа.

Государь еще не былъ въ городѣ. 25-го числа никто ему не представлялся, и когда его спросили, кого будетъ угодно ему принять 1-го числа, онъ отвѣчалъ: «Если можно, то еще менѣе чѣмъ 25-го» [8]). Онъ не заѣзжалъ ни въ Александрію, ни въ большой дворецъ, словомъ никуда, гдѣ обыкновенно живалъ съ Государыней. Въ Сергіевкѣ, на дачѣ великой княгини Марьи Николаевны, онъ занимаетъ двѣ очень небольшія комнаты на вышкѣ и ежедневно пріѣзжаетъ работать то въ Монплезиръ, то въ Англійскій дворецъ. Отъѣздъ его по прежнему назначенъ на 23-е число; о Москвѣ нѣтъ рѣчи. Наслѣдника ожидаютъ отъ 10 до 12 числа. Говорятъ, что Онъ очень влюбленъ въ свою невѣсту, которая весьма того достойна, если судить по Ея портрету и по тому что̀ о Ней слышно. Государь сказалъ мнѣ, что онъ не желаетъ, чтобы люди, отлично служившіе и столько вытерпѣвшіе во время моей несчастной экспедиціи, были жертвами обстоятельствъ, ни отъ кого не зависѣвшихъ. Онъ приказалъ мнѣ сдѣлать представленіе къ наградамъ.

---

[8]) 25 Іюня и 1 Іюля—дни рожденія Государя Николая Павловича и Государыни Александры Θеодоровны.

Изъ бумагъ Степана Петровича Шевырева.

Имя С. П. Шевырева (род. въ Саратовѣ 18 Октября 1806, сконч. въ Парижѣ 8 Мая 1865) до того извѣстно въ исторіи Русскаго просвѣщенія, что распространяться о немъ было бы излишне. Это былъ человѣкъ самой многосторонней учености, глубокій знатокъ Европейской словесности, даровитый критикъ, археологъ и разыскатель памятниковъ нашей древней письменности, неутомимый профессоръ, которому обязано своимъ образованіемъ цѣлое поколѣніе Русскихъ людей. Отдавшись наукѣ и преподаванію ея въ Московскомъ университетѣ, [illegible]ревъ не прекращалъ своихъ опытовъ въ такъ называемой изящной словесности. Долго[illegible] занятія словесностью и критикою ея произведеній приводили Шевырева въ сношенія [illegible] писателями. Приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ писемъ сохранившихся [illegible] и сообщенныхъ его сыномъ Борисомъ Степановичемъ, прося читателя не[illegible]зъ виду, что письма почти всегда и большею частію имѣютъ значеніе случайности [illegible] могутъ служить къ полному изображенію и лица писавшаго и того, о чемъ и къ кому написано; они дороги только какъ непосредственное выраженіе минуты. П. Б.

I. БАРОНА РОЗЕНА.

1.

Спб. 19 Іюля 1831.

.... Вышелъ Борисъ Годуновъ Пушкина, и никто изъ критиковъ-самозванцевъ не умѣлъ оцѣнить этого прекраснаго творенія! Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкій смѣхъ—вотъ чѣмъ привѣтствовали Годунова, творецъ коего, во времена Петрарки и Тасса, былъ бы удостоенъ торжественнаго въ Капитоліи коронованія. За отсутствіемъ лучшихъ критиковъ, я написалъ рецензію Годунова, которая будетъ печатана въ Литературной Газетѣ, издаваемой Сомовымъ. Кромѣ того, я еще перевелъ его на Нѣмецкій языкъ, съ рукописи автора и заслужилъ его восторженную благодарность и хвалу Жуковскаго.

Альціона выйдетъ въ первыхъ числахъ Декабря. Пушкинъ далъ мнѣ нѣсколько прекрасныхъ пьесъ и увѣряетъ честію, что еще дастъ. Мы съ нимъ довольно сблизились. Его лестные обо мнѣ отзывы сторицею воздаютъ мнѣ за несправедливость нѣкоторыхъ критиковъ, задѣтыхъ эпиграматическою стрѣлою или пораженныхъ въ честной критикѣ.—Недавно я опять вступилъ въ военную службу, и Государь назначилъ меня состоять при дежурствѣ Главнаго Штаба.

2.

Спб. 19 Октября 1832.

Воображаю, съ какимъ восторгомъ вы привѣтствовали святую Русь послѣ трехлѣтняго отсутствія [1]). Я о васъ распрашивалъ Пушкина и узналъ только, что вы милы и любезны по прежнему, и что на-

---

[1]) С. П. Шевыревъ провелъ три года въ Италіи и Швейцаріи, въ семействѣ извѣстной княгини З. А. Волконской, завѣдуя обученіемъ ея сына князя

мѣреваетесь писать трагедію: Ромулъ.—Я васъ полюбилъ на берегахъ Волги и не переставалъ любить на берегахъ Невы.

3.

Спб. 16 Декабря 1832.

Сказывалъ ли вамъ Пушкинъ, что Булгаринъ домогается княжескаго достоинства? Онъ утверждаетъ, что онъ князь Скандербегъ-Булгаринъ! Жаль, что вы остаетесь въ Москвѣ. Вы къ намъ бы пожаловали въ Питеръ: мы бы затѣяли какой нибудь дѣльный журналъ, что̀ есть общее желаніе.

4.

Спб. 7 Января 1833.

Посылаю вамъ Альціоны, прошлогоднюю и нынѣшнюю. Пушкину въ особенности нравится моя піеса: Зеркало Старушки. Онъ меня встрѣтилъ восторженнымъ восклицаніемъ: «Ваша Серафима—прелесть!» Но я съ нимъ ссорился за князей Горб[illegible]ыхъ-Шуйскихъ: онъ отдаетъ преимущество предъ ни[illegible] моимъ Тремъ Символамъ, говоря, что я живо напо[illegible]ллера, не будучи подражателемъ, и что сія піеса есть вѣне[illegible] этомъ родѣ. Вообще замѣчаю, что ему предпочтительно нравя[illegible]ѣ піесы у меня, кои не въ его духѣ, будто бы онъ не терпитъ н[illegible] малѣйшаго съ нимъ соперничества, даже при неизмѣримомъ неравенствѣ дарованій въ соперникѣ. Онъ рѣшительно ничего не пишетъ, освѣдомляясь только о томъ, что̀ пишутъ другіе.

5.

Спб. 17 Марта 1833.

Пушкинъ ко мнѣ слишкомъ благосклоненъ, а кромѣ него, есть на святой Руси только два записныхъ рецензента, мнѣніемъ коихъ весьма дорожу—вы да И. В. Кирѣевскій. Относительно сего послѣдняго, признаюсь вамъ, что мнѣ весьма было больно, когда онъ, разбирая въ своемъ журналѣ [2] Сѣверные Цвѣты на 1832 годъ, ни единымъ словомъ не упомянулъ о моихъ стихахъ, тамъ помѣщенныхъ. Кажется, Пастушій Рогъ въ Петербургѣ стоилъ бы помина. Сказать правду, я самъ не дорожилъ этой піесой и, написавъ ее, подумалъ: живетъ! Но покойный Гнѣдичь да Пушкинъ надоумили меня, что она выше обыкновеннаго. Какъ бы то ни было, молчаніе Кирѣевскаго тронуло того, кто совершенно равнодушно слушаетъ лай Полеваго. Смирдина Новоселье называютъ здѣсь Notre cent et un.

II. неизвѣстнаго лица.

(Писано въ Италію).

С.-П-бургъ, 18-го Апрѣля 1830 года.

Послѣ васъ было три замѣчательныхъ явленія, надѣлавшихъ много шума и толковъ: Исторія Русскаго Народа, Полеваго, Дми-

---

Александра Никитича, впослѣдствіи нашего посланника въ Дрезденѣ и въ Мадритѣ, скончавшагося 3 Апрѣля 1878 года въ Римѣ, человѣка обширной образованности и высокихъ нравственныхъ достоинствъ. П. Б.

[2]) Т. е. въ «Европейцѣ».

трій Самозванецъ, Булгарина и Юрій Милославскій, Загоскина. За двое первыхъ безъ грѣха можно бы было повѣсить Полеваго и Булгарина. Дерзость, невѣжество, смѣшеніе всѣхъ новѣйшихъ идей, нелѣпости и противорѣчія на каждой страницѣ: вотъ отличительныя черты новой Исторіи, между тѣмъ какъ для самой Исторіи ничего не сдѣлано, все въ томъ же видѣ, только съ примѣсью чего-то Полевовскаго; вездѣ является не народъ Русскій, а Николай Алексѣевичъ Полевой во всемъ блескѣ своемъ. До сихъ поръ только еще одинъ томъ вышелъ, а будетъ ихъ съ десятокъ!!! Не больно-ли смотрѣть на это? Русская Исторія, которая попадаетъ въ такія руки! Погодинъ написалъ не нее критику довольно дѣльную, но съ излишнимъ остервененіемъ; впрочемъ нельзя и писать объ ней безъ негодованія. Появленію Самозванца я съ нѣкоторой стороны радуюсь: онъ отразилъ всю душу Булгарина. Всѣ, даже защитники его, въ одинъ голосъ кричатъ противъ сего романа. Вообразите, что Выжигинъ предъ нимъ чудо. Но дѣйствительно, утѣшительное явленіе въ нашей литературѣ въ нынѣшнемъ году—это Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 году. Я никогда не думалъ, чтобы Загоскинъ могъ такъ удачно написать что-либо въ семъ родѣ. Въ этомъ романѣ столько Русскаго, роднаго, оригинальнаго, что невольно привязываешься къ нему какъ къ другу. Съ нимъ сливаются также и нѣкоторыя пріятныя воспоминанія: Булгаринъ съ остервененіемъ напалъ на него, произошла перебранка по сему случаю между нимъ и В . . . вымъ, и въ слѣдствіе сего за разныя ихъ дерзости и неприличія велѣно было, по высочайшему повелѣнію, разсадить по гаубвахтамъ этихъ двухъ молодцовъ и съ ними Греча, которые и высидѣли тамъ нѣсколько часовъ, въ утѣшеніе всѣхъ честныхъ людей и въ поученіе Полевыхъ съ братіею. Кстати: журнальныя партіи все тѣже: Полевой и Булгаринъ закадышные пріятели; но вышеозначенныя произведенія ихъ, а пуще всего дерзость, съ которою нападаютъ они на всѣхъ истинно достойныхъ людей,—положили на нихъ какую-то всеобщую и утѣшительную печать отверженія. Вообразите, что эти собаки, для которыхъ ничего нѣтъ священнаго, залаяли и на Пушкина, растерзавши сперва Дельвига. Недавно Булгаринъ въ Сѣв. Пчелѣ своей смѣшалъ Пушкина съ грязью: величалъ его и безсмысленнымъ, и злодѣемъ, развращающимъ народъ, и даже подлецомъ, шмыгающимъ въ переднихъ, чтобъ добиться шитаго мундира!! Каково вамъ это кажется!? Честное слово, я не преувеличиваю нисколько. Разумѣется, что все это онъ говорилъ иносказательно, но такъ, что всякій мужикъ пойметъ, о комъ дѣло идетъ. Пожалѣйте объ насъ несчастныхъ, объ Московскихъ въ Петербургѣ живущихъ, въ департаментахъ гніющихъ!...

III. СЕРГѢЯ ТИМОѲЕЕВИЧА АКСАКОВА.

1.

Москва, 1829 Марта 26.

Милый другъ Степанъ Петровичъ!

Не могу простить себѣ, что не писалъ къ вамъ въ Петербургъ. Мысль, что письмо васъ не застанетъ тамъ, затеряется—сначала меня остановила, а потомъ и время прошло. Мнѣ очень это досадно: я желалъ бы до выѣзда вашего изъ Россіи еще разъ напомнить вамъ о себѣ; а теперь новыя впечатлѣнія и мысли толпою кинулись

на васъ и не дадутъ вамъ полной свободы заняться воспоминаніемъ душевно преданнаго вамъ пріятеля. Благодарю васъ за дружескія приписки ваши: съ теплымъ чувствомъ сердечной и вѣчной привязанности къ вамъ читали ихъ не только я, жена, но и дѣти; возвратясь благополучно въ Россію, вы увидите, что у меня въ семействѣ и тѣ знаютъ васъ, которые и не помнятъ. Будьте здоровы, счастливы, соберите желанные плоды съ вашего путешествія и благополучно къ намъ возвратитесь—вотъ искреннее желаніе и молитва моя къ Провидѣнію. Пріятельскій кругъ нашъ осиротѣлъ безъ васъ; но дружба моя съ Михайломъ Петровичемъ [3]) сдѣлалась еще тѣснѣе. Онъ остается въ Москвѣ: это вѣрно. Вчера министръ прислалъ ему въ помощь 2000, и онъ назначаетъ ихъ на самое благородное употребленіе.

Теперь разскажу вамъ всѣ Московскія новости: Н. Ф. Павловъ перевелъ водевиль Старый Мужъ, и нѣкоторые куплеты недурны. Вышла стихотворная повѣсть г. Подолинскаго Борской и, не смотря на гладкіе, прекрасные стихи, трудно прочесть ее въ одинъ разъ: такая холодность, такой вздоръ въ драматическомъ отношеніи, что право совѣстно!

Съ недѣлю тому назадъ завтракалъ я съ Пушкинымъ, Мицкевичемъ и другими у Михаила Петровича. Первый держалъ себя ужасно гадко, отвратительно; второй — прекрасно. Посудите каковы были разговоры, что второй два раза принужденъ былъ сказать: «гг., порядочные люди и наединѣ и сами съ собою не говорятъ о такихъ вещахъ!» Вчера получили поэму Пушкина, которую онъ перекрестилъ изъ Мазепы въ Полтаву. Вчера же я прочелъ ее четыре раза и нашелъ гораздо слабѣйшею, нежели ожидалъ: есть мѣста превосходныя, но за то всѣ разговоры, всѣ чувствительныя явленія мнѣ не нравятся; даже описаніе, а особливо конецъ сраженія весьма неудачны; эпилогъ тоже. Однимъ словомъ, это стихотвореніе достойно Пушкина; но сказать, что онъ подвинулся впередъ, что Мазепа выше всѣхъ его сочиненій, по моему мнѣнію, никакъ нельзя.

Апрѣля 2-е, Вторникъ.

Четвертаго дня, т. е. въ Субботу, случилось комическое явленіе: Кокошкинъ собралъ экстра-ордин. собраніе общества [4]), вмѣсто приготовительнаго; я не ѣздилъ, и общество, по предложенію И. И. Давыдова, избрало Полеваго въ дѣйствительные члены! Изъ 12 избирателей, семеро были враги его—и выбрали единогласно! Выбрали въ то время, когда Университетъ потерпѣлъ за него оскорбленіе. Не доказываетъ-ли это, что личныя достоинства Пол. заставили молчать и злобу и зависть?... Дурацкая исторія! Я вышелъ изъ членовъ; вѣроятно всѣ профессора сдѣлаютъ тоже. Простите, милый другъ! Не забывайте насъ подъ небомъ чуждымъ.

Вотъ кто были члены: Кокошкинъ, Загоскинъ, М. Г. Павловъ, Раичъ, И. Калайдовичъ, Макаровъ, Каразинъ, Давыдовъ, Масловъ, Василевскій; остальныхъ не помню.

---

[3]) Погодинымъ.

[4]) Общество Любителей Россійской Словесности.

2.

1829, Октября 25 дня.

Письма ваши, милый, любезный Степанъ Петровичъ, и ко мнѣ и не ко мнѣ писанныя, восхищаютъ меня всегда. Благодарю васъ за дружескую память; вы не ошибаетесь въ моихъ чувствахъ къ вамъ: права отсутствующаго друга для меня милѣе и священнѣе правъ друзей присутствующихъ. Всякой день переношусь воображеніемъ къ вамъ: вижу, какъ вы осматриваете Помпею, глядите на Тибръ, на гробницу Адріанову; сердцемъ постигаю ваши чувства и угадываю что думаетъ и о чемъ мечтаетъ ваша умная, пылкая головушка. Въ присланныхъ вами письмахъ много нахожу истинно-высокаго и прекраснаго, не безъ примѣси иногда темнаго, мечтательнаго. Теперь поговорю съ вами подробно о Вадимѣ [5]): онъ лежитъ у меня на сердцѣ. Жалко смотрѣть на музыкальную жажду Алексѣя Николаевича[6]), которую удовлетворить покуда нельзя еще. Мудрено вполнѣ объясниться на такомъ разстояніи, но я попробую. Я никогда не оскорблю васъ мысли, что вы можете подосадывать на наши замѣчанія; при всемъ вашемъ талантѣ, умѣ, прекрасныхъ стихахъ и счастливыхъ (драматически) мысляхъ, Вадимъ, въ теперешнемъ его видѣ, не можетъ явиться на сцену и даже въ печать. Ваша неопытность — единственная тому причина. Театръ не терпитъ отвлеченныхъ мыслей, темноты, да и цензура не пропуститъ Вадима. Владиміра нельзя вывести на сцену: развѣ Олега или Святослава? Преображенія дѣвъ и Вадима также не позволятъ. Видя собственное наше незнаніе сцены, будучи многимъ недовольны, не зная почему, мы рѣшились прочесть вашу оперу кн. Шаховскому. Онъ принялъ въ ней живѣйшее участіе, съ жаромъ два раза со мною читалъ ее и открылъ намъ всѣ сценическія тайны; его опытность, нерѣдкое паденіе и торжество, заставляютъ имѣть къ нему довѣренность.

У меня вошла въ голову мысль, которую другіе не осмѣлятся предложить вамъ, и я не предложилъ бы ее другому. Вы писали оперу не для славы; вы приносите благодарную жертву дружбѣ и доставляли случай для проявленія музыкальнаго таланта Верстовскому. Довершите же свое начало, отдайте мнѣ въ полное распоряженіе Вадима. Ваша высокая мысль не можетъ быть съ успѣхомъ выражена на сценѣ, еще менѣе въ оперѣ; я боюсь, что переписка объ разныхъ перемѣнахъ оттянетъ дѣло весьма далеко. Уполномочьте насъ на всѣ перемѣны и перестановки, сообразно сценѣ и музыкѣ. Будьте увѣрены, любезный другъ, что несогласіе ваше на нашу просьбу не можетъ возбудить какой нибудь досады во мнѣ. И такъ предаю все на вашу волю. Ждемъ немедленнаго и рѣшительнаго отвѣта.

Въ литературѣ у насъ кромѣ срамной полемики ничего нѣтъ. Сумашествіе К. Калайдовича прошло. Хлопочемъ, какъ бы пособить

---

[5]) С. П. Шевыревъ написалъ либретто для оперы подъ названіемъ Вадимъ, заимствовавъ содержаніе изъ извѣстной поэмы Жуковскаго. Послѣ разныхъ передѣлокъ, уже лѣтъ черезъ 20, если не больше, дана была на сценѣ эта опера (музыка Верстовскаго), но подъ названіемъ Громобой. Она не имѣла успѣха.

[6]) Верстовскаго.

его совершенному выздоровленію. На сихъ дняхъ пріѣхалъ Гумбольтъ: зараза выгнала его изъ степей Киргизскихъ. Сегодня даютъ ему вечеръ въ залѣ Благороднаго Собранія.

3.

1830 года Мая 12 дня. Москва.

.... Увѣдомляю васъ, что въ послѣдніе три дня кончилось кромсанье Вадима, по общему плану; теперь начнется другое кромсанье—по частнымъ требованіямъ Верстовскаго, который высохъ было съ тоски надъ оставленнымъ и недоконченнымъ Вадимомъ. Забудьте, милый Степанъ Петровичъ, что вы написали эту піесу; вообразите, что вы подарили пріятелю перстень, котораго онъ иначе не могъ носить, какъ передѣлавши его по своему пальцу. Тѣмъ не менѣе подарокъ вашъ для него важенъ. На счетъ же журналистовъ мы возьмемъ свои мѣры. Нынѣшнею зимою я имѣлъ неудовольствіе за одну пустую статью, напечатанную въ Московскомъ Вѣстникѣ, которая не понравилась правительству; теперь нѣсколько опасаюсь, чтобъ это не повредило моей службѣ.

... Естьлибъ не дѣти—съ радостію убѣжалъ бы на Уралъ, ибо и безъ того

Въ нашъ дикой край лечу душою,
Въ просторъ степей, во мракъ лѣсовъ,
Гдѣ опоясаны дугою
Башкирскихъ шумныхъ кочевьевъ,
Съ ихъ безконечными стадами,
Озера свѣтлыя стоятъ;
Гдѣ въ ихъ кристалъ съ холмовъ глядятъ
Собравшись кони табунами;
Гдѣ быстрый катится Уралъ,
Подъ тѣнію Рифейскихъ скалъ!...

Вотъ вамъ и стихи, мой возлюбленный. Весною такъ стало грустно мнѣ по деревнѣ, что я написалъ строфъ десятокъ и одну вамъ сообщилъ.

Словесность наша въ самомъ отвратительномъ положеніи; это рынокъ, торгъ, казенная палата! Все для видовъ, нѣтъ искренняго слова, мнѣнія, взгляда. Полемика—гнусна.

Романъ Загоскина имѣетъ большое достоинство: воображеніе, жизнь, теплоту и веселость, но часть художническая—въ младенческомъ положеніи; глубины также нѣтъ.

Загоскинъ пишетъ другой романъ: Славской (или Славинъ) или Русскіе въ 1812 году. Это предпріятіе весьма трудное. Я читалъ эпизодическіе разсказы военныхъ пріятелей и — восхитился! Это прелесть: смѣшно, любопытно и страшно; но частная красота можетъ составлять даже безобразную черту въ цѣломъ уродѣ.—Что вы думаете о нашемъ предпріятіи на счетъ журнала? Правда, вы не знаете Надеждина; это драгоцѣнный камень, но чертъ знаетъ, не лопнетъ-ли онъ отъ шлифовки, выдержитъ-ли грань? Въ добавокъ мы всѣ четверо не журналисты. Впрочемъ я не отвергаю успѣха и охотно буду дѣйствовать, если должность не помѣшаетъ. Не могу утерпѣть и сообщу вамъ одну мою мысль. Театръ Русскій оставленъ

публикою совершенно: никто не ѣздитъ, никакія піесы, никакая игра, никакія приманки не дѣйствуютъ. Между тѣмъ много есть доказательствъ, что не недостатокъ денегъ тому причиной. Что же? По моему надобно создать новый театръ, народный. Всѣ рамки и условія къ чорту! Начать съ низкаго рода, съ низшаго сословія (ибо нѣтъ еще актеровъ для хорошаго тона). Нашъ репертуаръ—Лоскутный рядъ; свое тоже выкроено по чужой мѣркѣ; разныхъ опытовъ (кромѣ народнаго) было много, большая часть неудачныхъ... Только, Христа ради, забудьте Нѣмецкій мистицизмъ: онъ противенъ Русскому духу.

. . . Всѣ наши Субботники вамъ кланяются и обнимаютъ васъ. Погодинъ теперь у насъ владѣтельный герцогъ въ княжескомъ своемъ домѣ [7]).

. . . Другъ Видока-Булгарина, его достойный, Адольфъ Жермани изъ третьяго дѣйствія Жизни Игрока, и наружностью и душою, однимъ словомъ Ушаковъ, написалъ на меня такой гнусный пасквиль за переводъ Скупаго, котораго я не желаю читать вамъ, ибо вы, любя меня, оскорбитесь. Естьлибъ не куча дѣтей, то надобно бы драться съ нимъ, или просто бить его. И въ добавокъ никто изъ журналистовъ ни слова!

Прошло много лѣтъ. С. П. Шевыревъ отдался совершенно своей наукѣ, и сношенія его съ С. Т. Аксаковымъ сдѣлались рѣже и холоднѣе. Уже гораздо позднѣе общая дружба къ Гоголю снова нѣсколько сблизила ихъ. Нижеслѣдующія письма относятся къ тому времени, когда издавались посмертныя сочиненія Гоголя.

4.

(1852).

Отъ всей души благодарю васъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, за письмо ваше и за извѣщеніе о бумагахъ покойнаго друга нашего. Все найденное вами драгоцѣнно для насъ и все свидѣтельствуетъ изъ какихъ трудовъ и святыхъ стремленій состояла непорочная жизнь его!... Его обращеніе къ друзьямъ такъ взволновало мою душу, что я не скоро пришелъ въ состояніе его дослушать. Каждое слово въ немъ—святая правда и священный залогъ его къ намъ дружбы. Жаль, что не было извѣстно при его кончинѣ завѣщаніе матери и сестрамъ; тогда легче было бы перевезть тѣло покойнаго въ Васильевку (чего, по моему, очевидно, желалъ онъ); а теперь, при какомъ - то безумномъ гоненіи имени Гоголя, вѣроятно это встрѣтитъ много затрудненій.

Еще разъ благодарю отъ глубины сердца за вашу дружескую поспѣшность—подѣлиться со мной вашими чувствами и прекрасными намѣреніями; дай Богъ вамъ совершить ихъ благополучно. Хотя я предполагалъ, что открытіе и разборъ бумагъ будутъ произведены въ присутствіи Погодина, васъ, меня и Хомякова, но сыновья объяснили мнѣ причину, по которой все было сдѣлано именно такимъ образомъ. Впрочемъ, я вполнѣ признаю, что одного вашего присутствія для этого было достаточно, ибо увѣренъ, что вы не допустили никого читать частную переписку Гоголя. Меня бы очень огорчило, еслибъ сторонніе люди стали читать мои письма. Въ нихъ много есть такихъ рѣзкихъ выраженій о самомъ Гоголѣ и о другихъ

---

[7]) М. П. Погодинъ купилъ тогда домъ князя Тюфякина на Мясницкой (противъ Фуркасовскаго переулка, нынѣ Новосильцева).

близкихъ ему людяхъ, что ихъ никому читать не должно; я нерѣдко писалъ въ сильномъ волненіи, которое часто доводило меня до излишествъ, крайностей, о чемъ я теперь очень сожалѣю. Конечно, всѣ бумаги покойнаго принадлежатъ его наслѣдникамъ, т. е. его сестрамъ; но онѣ, разумѣется, предоставятъ въ наше полное распоряженіе свое литературное наслѣдство, и я прошу васъ передать мои письма которому нибудь изъ моихъ сыновей. Я знаю, что для составленія полной біографіи Гоголя, которая, по моему мнѣнію, можетъ быть напечатана весьма нескоро и которую, безъ сомнѣнія, должны написать вы,—будутъ нужны и мои письма, за исключеніемъ всего того, что касается собственно до насъ и нисколько не касается до публики; но мы устроимъ это вмѣстѣ съ вами.

Не одинъ разъ слышалъ я отъ Гоголя, какъ возмущалась душа его, когда послѣ смерти какого-нибудь замѣчательнаго писателя, предавали тисненію все оставленное имъ ненапечатаннымъ, тогда какъ не было прямыхъ указаній, что авторъ хотѣлъ напечатать, но не успѣлъ. У насъ есть указанія совершенно тому противныя: въ самое послѣднее свиданіе съ моей женой, Гоголь сказалъ, что онъ не будетъ печатать втораго тома, что въ немъ всё никуда не годится и что надо все передѣлать. Сожженіе на бѣло переписанныхъ главъ втораго тома какъ нельзя больше подтверждаетъ эти слова. И такъ, разсудите сами, слѣдуетъ ли ихъ печатать? Найденныя вами черновыя тетради, очевидно забытыя Гоголемъ, должны быть самыя давнишнія. Только про первую главу втораго тома онъ сказалъ мнѣ, что она получила послѣднее прикосновеніе, была тронута кистью художника, говоря техническимъ языкомъ живописцевъ. Онъ сказалъ это потому, что, при вторичномъ чтеніи той же главы для моего сына Ивана, я замѣтилъ многія измѣненія. Повторяю: какъ же печатать послѣ этого черновую, въ послѣдствіи, можетъ быть, совершенно измѣненную рукопись? Мы нарушимъ послѣднюю волю или художника или христіанина... Но я вижу, что конца не будетъ моему письму. Намъ надобно увидѣться и поговорить вмѣстѣ съ Мих. Петр. Я подробно изложу вамъ обоимъ мои мысли, а вы можете поступить, какъ заблагоразсудите.

Благодарю васъ за добрый отзывъ о моей книгѣ [8]), работа за ней доставила мнѣ много удовольствія. Я не ожидалъ, чтобъ она произвела такое общее сочувствіе и вполнѣ имъ утѣшенъ.

5.

1852 г. 19 Ноября. Абрамцево.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, за сообщеніе мнѣ Авторской Исповѣди Гоголя. Вы сами можете себѣ представить, что я чувствовалъ, когда слушалъ ее! Она непосредственно относится ко мнѣ. По крайней мѣрѣ я нашелъ въ ней полный отвѣтъ на каждое слово моихъ укоритательныхъ писемъ.... Но прошедшаго не воротишь. Возвращаю вамъ рукопись съ нарочнымъ и вѣрнымъ человѣкомъ. Если можно, то сообщите что нибудь оставшееся послѣ нашего незабвеннаго друга. Я почти два мѣсяца усердно занимаюсь составленіемъ біографіи Загоскина и только что кончилъ ее въ чернѣ. Я долженъ былъ для этого прослушать всѣ сочиненія Загоскина

[8]) «Записки Ружейнаго Охотника».

безъ исключенія. Надѣюсь въ Декабрѣ прислать ее въ Москвитянинъ; только опасаюсь хлопотъ съ цензурой. Скажите пожалуста, въ какомъ положеніи печатаніе сочиненій Гоголя. Неужели не въ шутку, а серьозно запрещены они? Право не вѣрится. Я слышалъ, какъ много вы трудитесь. Помоги вамъ Богъ и подкрѣпи ваше здоровье! Какъ разсердилъ меня Данилевскій неумѣстнымъ помѣщеніемъ въ газетахъ писемъ Гоголя.

IV. КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО

1.

(1836).

Это письмо, любезный Степанъ Петровичъ, отдастъ тебѣ Мауреръ, извѣстный скрипачъ. Какъ ты въ дружбѣ и въ сочувствіи съ кн. Шаликовымъ, то сдѣлай милость пошли въ Московскія газеты статейку предварительную о концертѣ, который будетъ данъ Мауреромъ и его двумя сыновьями. Вообрази себѣ, что этотъ человѣкъ единственный хорошій въ Петербургѣ музыкантъ, не получилъ здѣсь дня для концерта и принужденъ для этого ѣхать въ Москву, ибо дѣла его разстроены, и онъ обремененъ семействомъ. Увѣряю тебя музыкальною честью, что онъ на руку охулки не положитъ и сдержитъ больше нежели что̀ вы про него скажете. Если я успѣю, то пришлю статейку въ Наблюдатель о его сыновьяхъ, которые по мнѣнію всѣхъ знатоковъ далеко превосходятъ Ейхгорновъ, ибо въ ихъ игрѣ выраженіе незаученное, но то выраженіе, которое рождается во время игры и дѣлаетъ исполненіе истинно-художническимъ произведеніемъ, а не серинеткою. Если ты видаешься съ Надеждинымъ, то попроси и его отъ меня, хотя я предъ нимъ и виноватъ, чтобы въ Москвѣ онъ что-нибудь сказалъ бы о Маурерѣ и особенно о его сыновьяхъ. Кстати скажи Полевому, что стыдно ему было ко мнѣ не заѣхать въ Петербургѣ, что я звалъ его чрезъ Краевскаго, которому послѣ моихъ словъ не удалось съ нимъ увидѣться; неужели онъ меня до сихъ поръ такъ мало знаетъ и не вѣритъ, что я всякія жизненныя отношенія ни въ грошъ не ставлю? Напомни ему, что я, не зная, въ какихъ вы съ нимъ сношеніяхъ, согласился участвовать въ Наблюдателѣ лишь съ условіемъ, чтобъ на него не нападали. Такія вещи меня бѣсятъ. Пушкинъ издаетъ Современникъ, въ которомъ и я нѣсколько участвую. Онъ написалъ разборъ твоей Исторіи Поэзіи, которую я читалъ съ величайшимъ наслажденіемъ; это первая въ самомъ дѣлѣ книга на Русскомъ языкѣ.

..... Къ вамъ будетъ въ Москву еще музыкантъ Штейнъ, человѣкъ 18 лѣтъ, фортепьянистъ и импровизаторъ, какого я еще никогда не слыхивалъ. Я сейчасъ только съ музыкальнаго вечера у графа Вьельгорскаго. Штейнъ привелъ въ восторгъ всѣхъ лучшихъ музыкантовъ, которые собираются на эти вечера.

2.

Это письмо доставитъ къ тебѣ, любезный Степанъ Петровичъ, г. Рифо, человѣкъ очень интересный, прожившій лѣтъ двадцать въ Египтѣ, рывшійся въ пирамидахъ, вокругъ пирамидъ и едва ли не на ихъ верхушкѣ. Надобно только растолкать его вопросами—это живой словарь. Онъ человѣкъ очень наблюдательный, и ему хочется

посмотрѣть Москву съ головы до ногъ съ приличными коментаріями и объясненіями. Для сего сведи его съ Погодинымъ, и пусть онъ его сводитъ въ Кремль, въ Оружейную Палату и на прочія Московскія диковинки. Кстати возьми у него изъ его книги о Египтѣ статью для своего журнала [9]; это ему будетъ пріятно, потому что огласитъ болѣе то изданіе, которое онъ предпринялъ.

. . . . Вамъ вѣдь хорошо на боку лежать и выдавать Наблюдатель въ видѣ романа Мопра, а насъ несчастныхъ такъ тормошатъ со всѣхъ сторонъ, некогда спать. Меня журналисты и альманашники растащили на части, я имъ бросилъ свой портфель въ голову, а ужъ что они изъ него повытаскали, самъ не знаю. Полевой здѣсь издаетъ С. Пчелу и Сынъ Отечества; но раздавленъ со всѣхъ сторонъ и противниками, и своими сонегоціантами, такъ что мнѣ жаль его стало, и я по рыцарскому великодушію обѣщалъ ему статью въ Сынъ Отечества. Его Уголино имѣлъ въ Петербургѣ успѣхъ необычайный; автора вызывали два раза; Каратыгина разъ шесть кажется, я уже счетъ потерялъ. На сценѣ эта драма въ самомъ дѣлѣ недурна; интересъ не простываетъ; характеры рѣзко оттѣняются; я не подозрѣвалъ въ Полевомъ такого таланта. Дуренъ и лишній 5-й актъ, но первые четыре безъ сомнѣнія выше всѣхъ драмъ Дюма и всѣхъ антитезическихъ характеровъ Гюго. Такое впечатлѣніе произвела эта драма на меня при первомъ представленіи. Много художническихъ ошибокъ, много чужаго, но все это заплываетъ въ общемъ интересѣ.

. . . . . Прощай, некогда писать, работы бездна: я несу на своихъ плечахъ Журналъ Министер. Внутр. Дѣлъ, а теперь сажаютъ меня въ Ученый Комитетъ Министерства Государств. Имуществъ: вѣдь ты знаешь, что я теперь почти уже не литераторъ, а химикъ и механикъ. Встрѣтишь такого народа въ Москвѣ--говори имъ, чтобъ присылали въ Ученый Комитетъ нашъ: будетъ принято съ благодарностію, и автора замѣтятъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Вѣроятно къ этому времени относятся слѣдующія стихи, которые С. А. Соболевскій сочинилъ на своего пріятеля князя В. Ѳ. Одоевскаго. По порученію Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ князь Одоевскій долженъ былъ заняться изъисканіемъ мѣръ противъ появившагося въ поляхъ какого-то вреднаго насѣкомаго. По обыкновенію своему онъ началъ читать все относящееся къ этому предмету, случайно напалъ на Эразма Ротердамскаго, занялся имъ, не могъ при этомъ оставить и музыку, которой въ особенности былъ преданъ и въ заключеніе бросилъ первоначальную цѣль, отвлеченный новыми занятіями и разысканіями.

Случилося во время-оно,
Свалился на землю комаръ.
Повѣсткой въ Комитетъ Ученый
Тебя зовутъ, князь Вольдемаръ.

*

Соображая этотъ казусъ
И роясь въ книгахъ, ты открылъ,—
Что въ Ротердамѣ жилъ Эразмусъ,
Который въ парикѣ ходилъ.

*

[9]) Т. е. для Московскаго Наблюдателя, который издавался Андросовымъ, при ближайшемъ участіи С. П. Шевырева.

Его послѣдуя примѣру,
Ты сбрилъ власы, надѣлъ парикъ
И свойственнымъ тебѣ манеромъ
Таинственно главой поникъ.

*

«Комаръ», ты говоришь, «въ естественномъ значеньи,
Есть просто Божья тварь:
А въ музыкальномъ отношеньи
Межъ насѣкомыхъ онъ звонарь».

*

«И такъ какъ онъ паденьемъ въ полѣ
Лѣсамъ не причинилъ вреда,
Предать тотъ случай Божьей волѣ,
Избавивъ тварь ту отъ суда».

Разумѣется, что стихи эти—дружеская шутка, позабавившая самаго князя Одоевскаго. П. Б.

3.

Вы, пресмѣшные люди господа Москвичи: не понимаете, что публикѣ толстыхъ книжекъ читать некогда, а въ тоненькой все въ глаза бросается; къ тому же прекрасный I. [10]) человѣкъ нужный: по крайней мѣрѣ есть куда плюнуть, а иногда онъ и между пальцами полижетъ, что̀ бываетъ очень пріятно; инаго языкомъ, другаго кошелемъ. И отъ того немудрено, что публика сноситъ терпѣливо, когда онъ васъ ругаетъ, а на васъ нападаютъ, когда откликнетесь; только теперь вѣрный конь его спотыкается: стиховъ нѣтъ. Вотъ горе! Бродитъ по цѣлому городу съ кошелемъ и кричитъ: полкошеля за стихъ! Только, говорятъ, и кошель пустѣетъ: такъ прилежно сосетъ его прекрасный младенецъ, опутавшій его съ ногъ до головы денежными разсчетами. Все это и гадко, и жалко, и прискорбно. Что̀ пишешь о недоумѣніяхъ Московской цензуры, должно было ожидать, и этому помочь нельзя: глупая статья Ч. [11]) затворяетъ ротъ всякому, кто бы хотѣлъ вступиться за литературу. Какъ мнѣ жаль, что я не успѣлъ прежде окончить печатаніе моего Дома Сумасшедшихъ; два̀ года тому назадъ, не имѣя почти никакого понятія о мысляхъ Ч., я написалъ эпилогъ, заключающій книгу и какъ будто нарочно совершенно противуположный статьѣ Ч.; то, что̀ онъ говоритъ объ Россіи, я говорю объ Европѣ и наоборотъ. Ты знаешь мою мысль, о которой я намекнулъ мимоходомъ въ Введеніи къ Дому Сум. (смотри въ Библ. для Чтенія: «Кто сумасшедшій») и въ «Русскихъ Ночахъ» о томъ, что Россія должна такое же дѣйствіе произвесть на ученый міръ, ка̀къ нѣкогда открытіе новой части свѣта, и спасти издыхающую въ Европейскомъ рубищѣ науку. Если бы эта статья появилась въ

---

[10]) Вѣроятно говорится объ Іосифѣ Ивановичѣ Сенковскомъ, человѣкѣ невзрачной наружности.

[11]) П. Я. Чадаева «Философскія письма», изъ-за которыхъ былъ запрещенъ Телескопъ, сосланъ его издатель Н. И. Надеждинъ и отрѣшенъ отъ должности цензоръ профессоръ Болдыревъ.

одно время съ Ч., то можетъ быть elle aurait neutralisé son effet[12]), и по крайней мѣрѣ правительство бы увидѣло, что на одного сумасшедшаго есть тоже человѣкъ по крайней мѣрѣ несумасшедшій. Теперь уже поздно. И досадно, и грустно!

17 Ноября 1836.
Спб.

.... Вяземскій хочетъ здѣсь издать Сѣверные Цвѣты; кажется, будетъ не дурна книжка.

4.

.... Чтὸ надѣлалъ Надеждинъ? Какъ до такой степени не знать своего дѣла? Виноватъ одинъ, а естественно падаетъ на всѣхъ; ни въ чью душу не взлѣзешь, и неосторожность легко смѣшиваютъ съ злонамѣренностію. Здѣсь объ этомъ такой трезвонъ по гостиннымъ, что ужасъ; и чтὸ всего досаднѣе, вступиться нельзя: явная глупость въ самой статьѣ, а еще бὸльшая въ напечатаніи оной. Ясно вижу, хотя и не понимаю отъ чего, журнала въ Москвѣ издавать нельзя: у васъ Москвичей такое незнаніе о томъ, чтὸ дѣла ся на Руси! Такое незнаніе струнъ, которыхъ нельзя трогать! Вздора ваши цензоры не пропускаютъ и задумываются на самой невинной фразѣ, а вдругъ брякнутъ торжественно, что мы должны быть подданными Папы! Сами вы, господа, тиснули недавно, что человѣчество не происходитъ отъ Адама. Какъ вамъ не бросилось это въ глаза? Горе да и только! Продавайте Наблюдатель Плюшару; вотъ все, чтὸ вамъ остается дѣлать, и да не будетъ въ Москвѣ ни одного журнала, по крайней мѣрѣ мы не будемъ трепетать за васъ при полученіи каждой книжки.

Прощайте. Горько жить на семъ свѣтѣ.

30 Декабря 1836.

Успокой семейство Н. Я не думаю, чтобъ онъ лично пострадалъ, но нагоняй будетъ, какъ видно по общему мнѣнію, порядочный. Всѣхъ издателей собирали въ Комитетъ, чтобъ имъ объявить о запрещеніи Телескопа[13]).

V. М. И. ГЛИНКИ.

1.

Неаполь, 10 Ноября 1831.

До меня дошли дурныя вѣсти, милый другъ мой: говорятъ, что ты оставляешь Италію, и скоро. Неужели я болѣе не увижусь съ тобою до возвращенія въ Россію? Ужели счастливые дни, проведенные съ тобою въ Римѣ, не возобновятся болѣе? Твоя дружба такъ разогрѣла мое почти охладѣвшее сердце, что я снова воскресъ для изящныхъ и высокихъ впечатлѣній. Здѣсь же снова начинаю погружаться

---

[12]) Она бы ослабила дѣйствіе статьи Чадаева.

[13]) Самъ князь Одоевскій, служа при графѣ Блудовѣ, участвовалъ въ составленіи Цензурнаго Устава 1828 года, того Устава, про который И. В. Кирѣевскій выразился, что плодотворное значеніе его важнѣе нашихъ тогдашнихъ завоеваній въ Турціи (см. Сочиненія И. В. Кирѣевскаго, I, стр. 19). Уставъ этотъ впослѣдствіи былъ совершенно искаженъ.

въ равнодушіе ко всему, даже къ прелестямъ самой природы; ибо здѣсь не съ кѣмъ подѣлиться чувствами. Если бы не княгиня Софья Григорьевна Волконская [14]), которая приняла насъ подъ свое покровительство, мы бы, кажется, погибли въ этомъ огромномъ чуждомъ для насъ городѣ. Здѣсь все на этикетѣ. Признаюсь, что Неаполь, не смотря на чудесную красоту мѣстоположенія, мнѣ antipatico, отчасти по нѣкоторому сходству съ ненавистнымъ мнѣ Петербургомъ, отчасти и потому, что я въ немъ нахожу мало Итальянскаго.

Твой на вѣки
М. Глинка.

2.

Неаполь, 22 Ноября (1831).

Не думай, чтобы сердце мое было столь же легко, сколько голова. Нѣтъ, другъ мой, я надѣюсь быть способнымъ къ истинной дружбѣ. Ты не повѣришь, какое сильное впечатлѣніе оставила эпоха нашего свиданія въ Римѣ. Твой скоропостижный отъѣздъ похищаетъ у меня любимую мечту; я здѣсь въ Неаполѣ жилъ токмо ею, ибо здѣсь мнѣ очень, очень грустно. Не знаю почему, но мнѣ все кажется, что я въ Петербургѣ. Стройный видъ чисто окрашенныхъ домовъ, множество мундировъ (къ которымъ глазъ мой никакъ не хочетъ привыкнуть), сильно напоминаютъ мнѣ ненавистную для меня сѣверную столицу нашу, гдѣ я страдалъ столько времени. Въ продолженіе моего путешествія я не встрѣчалъ еще мѣста, которое бы для меня было противнѣе Неаполя. Невѣжество и этикетъ—вотъ характеристика здѣшняго и иностраннаго общества. Къ тому же ни въ лицахъ, ни въ языкѣ я не встрѣчаю Итальянскаго типа.

Въ добавокъ ко всему этому и самый климатъ Неаполя, столь благодѣтельный для большей части страдальцевъ, сюда съѣзжающихся, едвали будетъ для меня полезенъ. До сихъ поръ я не могу привыкнуть къ здѣшнему электрико-сѣрному воздуху; онъ такъ сильно дѣйствуетъ на мои нервы, что я съ самаго сюда пріѣзда не спалъ почти ни одной ночи и, сколько мнѣ то извѣстно по опыту, едвали буду въ состояніи привыкнуть. Съ самаго дѣтства, а особенно послѣ претерпѣнныхъ мною сильныхъ недуговъ, нервы мои столь чувствительны къ дѣйствію электричества, что въ ясную лѣтнюю погоду даже въ Россіи безсонница доводила меня до сильнѣйшихъ спазмъ. Я почти увѣренъ, что мнѣ доведется разстаться съ Неаполемъ.

Единственной для меня отрадой служатъ прогулки въ Виллѣ и окрестностяхъ города. Я намѣренъ все осмотрѣть здѣсь, чтобы послѣ, въ случаѣ отъѣзда, не пенять на себя. Время мнѣ благопріятствуетъ, и теплая погода, изрѣдка токмо прерываемая дождями, не позволяетъ думать, чтобы теперь была уже зима. Въ самомъ дѣлѣ Неаполь долженъ быть раемъ для того, кто можетъ обитать въ немъ съ милыми сердцу. Ивановъ тебѣ усердно кланяется.

IV. А. А. ИВАНОВА.

....Радѣя къ возможному распространенію славы господина Бруни, мы, художники, предъ отъѣздомъ его изъ Рима (что̀ было 31 Апрѣля) предложили ему напечатать въ какомъ либо изъ отечественныхъ

---

[14]) Супруга министра двора и сестра декабриста князя С. Г. Волконскаго

журналовъ разборъ его картины Мѣдный Змѣй, помѣщенный въ здѣшнемъ журналѣ подъ названіемъ Тиберино, первая треть коего уже извѣстна Бруни. Онъ съ чувствомъ благодарности согласился на наше предложеніе, а мы, зная вашу къ нему привязанность, рѣшились просить васъ всепокорнѣйше произвести въ дѣйствіе намѣреніе наше. По отличному вашему знанію языка Итальянскаго, мы совершенно увѣрены, что статья сія будетъ передана во всей своей точности и силѣ. Намъ бы также весьма пріятно бы было, еслибъ сей переводъ появился въ Русскомъ журналѣ прежде пріѣзда Бруни въ Петербургъ такъ, чтобы это было и для него самого неожиданно и ново.

Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностію къ услугамъ всегда готовый Александръ Ивановъ.

Римъ, Іюня 24.
1836.

VII. А. С. ХОМЯКОВА.

1.

(1847).

Виноватъ, любезный другъ, что пропустилъ почту, не отвѣчавъ тебѣ. Собрался было, а тутъ погода вышла теплая и тихая: пришлось ѣхать въ поле, а къ вечеру отъ скачки всего переломало, такъ и прогулялъ почту. Мнѣ очень досадно, что тебя не удалось мнѣ видѣть; мы обо многомъ поговорили бы съ тобою, — ну, да это еще будетъ, когда пріѣду на зиму въ Москву. Впрочемъ, если ты полагаешь, что я уѣхалъ такъ проворно, чтобы не выговориться, а собраться съ силами, да написать, такъ ты ошибаешься. Я смертельно радъ все высказать на словахъ, а къ письму не чувствую ни малѣйшаго позыва, и если бы кто потребовалъ отъ меня разсказа о моемъ путешествіи, то я просто не былъ бы въ состояніи исполнить это требованіе. Поэтому и статьи никакой обѣщать не могу; да и правду сказать, кажется, я кончилъ свое статейское поприще. Былъ у меня циклъ мысли, который мнѣ хотѣлось, или лучше сказать, который я считалъ себя обязаннымъ высказать: я это сдѣлалъ и не чувствую ни малѣйшаго желанія бесѣдовать съ публикою, для которой, кажется, все равно, что̀ ни писано. Едва-ли Петрушка не первообразъ Русской публики. По крайней мѣрѣ невольно склонишься къ этому мнѣнію, когда прислушаешься къ ея толку и суду. Такъ напр. я недавно слышалъ, что статьи Самарина хороши дескать, да темны и неосновательны, а Кавелинская, хоть и не такъ хорошо писана, за то основательна и послѣдовательна. Горе беретъ съ такими читателями. Впрочемъ, конечно не то причиною, почему я отказываюсь отъ статей. Будь поводъ или предлогъ къ статьѣ истинно важной, я бы охотно взялся за перо и если напишется сводная статья для пополненія прежнихъ, то разумѣется я ею поклонюсь Москвитянину. Только не знаю, годится-ли она такъ, какъ она будетъ, въ видѣ послѣсловія, а слѣд. едва-ли годится въ журналъ. Впрочемъ это увидимъ тогда. Но, любезный другъ, вы для меня непонятны. Скажите пожалуйста, слыхано-ли, чтобы человѣкъ, который собирается вербовать въ деревнѣ вольницу, ходилъ по улицѣ, да по щекамъ билъ всѣхъ тѣхъ, которые могли бы къ нему пойти въ охотники? Гдѣ будетъ вашъ полкъ, когда *** отхваталъ на славу и безъ вся-

кой вины съ ихъ стороны лучшихъ работниковъ? Меня зло взяло, когда я услышалъ про всю эту продѣлку. Я увѣренъ, что Чижовъ съ нынѣшняго года еще не можетъ приняться за изданіе, но съ другой стороны и не понимаю, какъ можетъ пойти изданіе у ***. Не думай, чтобъ я оправдывалъ отвѣты, напечатанные ему; однакожъ я долженъ признаться, что извинительны тѣ, у кого терпѣніе лопнуло. Я совсѣмъ бы не сталъ говорить про всю эту брань, если бы не говорили мы о журналѣ; говоря же о журналѣ, не могу не спросить: какія вы нашли новыя средства, лишивши себя всѣхъ прежнихъ? Не сердись за то, что я пишу вы. Я очень знаю, что ты тутъ ничѣмъ невиноватъ; но знаю также, что, взявшись за дѣло, ты потянешь изо всѣхъ силъ и вижу тебя къ концу будущаго года исхудалымъ, изможженнымъ и растратившимъ свои силы на безнадежный трудъ. Скажешь: не сложить же руки и глядѣть, какъ со всѣхъ сторонъ бьютъ и ругаютъ! Правда, да нѣтъ-ли другихъ путей? Не лучшели-ли тебѣ или кому другому пустить еще въ ходъ книги двѣ Сборника. Критика запрещена въ Сборникахъ. Хорошо! При книгѣ объявить продажу за пятачекъ такого-то и такого-то разбора [15]) отдѣльными брошюрами. Я не совѣтую такъ сдѣлать; я только на твое сужденіе представляю одно средство, а можетъ быть вы придумаете десять другихъ лучше. Но на Москвитятинъ надѣяться мнѣ кажется невозможнымъ. Впрочемъ я всегда буду вашимъ, во сколько могу. Если я и тебѣ и Чижову отказываю въ статьяхъ, конечно это не по равнодушію къ дѣлу или къ людямъ, стоящимъ за это дѣло. Къ несчастію я такъ лѣнивъ, что всякая статья отрываетъ меня отъ труда постояннаго [16]), и поэтому я долженъ только тогда позволять себѣ трудъ эпизодическій, когда вижу или чувствую въ душѣ необходимость высказать свою мысль.

Живу я въ деревнѣ хорошохонько и тихохонько. На дняхъ пишу къ Жуковскому и посылаю ему предисловіе и введеніе къ вещицѣ (не моей), которую онъ хочетъ перевести и издать въ Германіи.

2.

Посылаю тебѣ, любезный Шевыревъ, еще переводъ для доставленья Мармье. Этотъ переводъ сдѣланъ, какъ ты знаешь, Павловою и весьма вѣренъ. Можетъ быть, ему любопытно будетъ знать, чѣмъ мы желаемъ блеснуть, и что матерьяльная сила для насъ не идолъ.

3.

. . . Аксакову досталось отъ О. З. [17]); да онѣ, кажется, уже готовы и отъ Гоголя отступиться. Что за глупый народъ! У нихъ на одномъ ряду Сервантесъ, Байронъ, Жоржъ Зандъ и Беранже. Аксаковъ увлекся далеко, но если онъ будетъ продолжать брошюрку свою, то полагаю выйдетъ дѣльное. Онъ пояснитъ то, что безъ поясненія кажется смѣшнымъ и нелѣпымъ. Мысль его главная слѣду-

---

[15]) Т. е. критическаго.

[16]) Т. е. отъ Записокъ о всемірной исторіи.

[17]) Отечественныхъ Записокъ.

ющая: «Искусство утратило вездѣ свою беззаботную свободу; въ немъ болѣе придуманнаго, чѣмъ самосозданнаго. Гоголь (какъ древніе и Шекспиръ) есть художникъ поневолѣ и безъ намѣренія». Въ этомъ много правды. О. З. говорятъ: «Гоголь зарожденъ В. Скотомъ; безъ В. Скота онъ былъ бы невозможенъ». Это просто безсмыслица. Ничего общаго нѣтъ между ними.

Первая статья твоя о Гоголѣ отличная; я истинно благодаренъ тебѣ за нее; она можетъ многихъ образумить и пояснить странныя дисгармоніи въ душѣ многихъ читающихъ.

Читалъ-ли ты Павскаго? Часть механизма языка порядочная: но что за этимологія! Просто смѣхъ. Мы отъ Римлянъ отъ Alec взяли слово лось, а въ Испаніи нѣтъ лосей, и Alec Римской животное почти баснословное. Отъ Нѣмцевъ (изъ слова Erz) составилось наше руда, между тѣмъ какъ оно въ прямомъ отношеніи къ слову жила и пр. Что за тупость! А трудъ великій и не совсѣмъ безполезный.

Еще хорошо: слово стерлядь у насъ не свое и занято отъ западныхъ, а у нихъ стерлядей и нѣтъ.

4.

Начинаю поздравленіемъ: дай Богъ твоему маленькому Петру вырости большимъ Петромъ, милымъ, добрымъ, похожимъ на тебя: лучше трудно, безъ комплиментовъ. Замѣть, что я не сказалъ великимъ Петромъ, потому что по правдѣ не увѣренъ, не было-ли у насъ и такъ лишняго великаго Петра.

О самомъ твоемъ посланіи скажу, что просто не понимаю, что̀ за обѣщаніе мое, котораго я, кажется, Вяземскому не давалъ, что̀ за пѣсня Русская, которой я и предмета не знаю и которую долженъ переложить на ноты Мейерберъ. Просто, какъ говоритъ Гоголь, не понимаю,—ничего не понимаю. Да по правдѣ сказать, если бы и понималъ, то ничего бы не могъ сдѣлать теперь.

1 Октября
1846 года,
С. Богучарово.

2.

Да, любезный другъ, кругъ нашъ уменьшается, и какой человѣкъ изъ него выбылъ! Потеря невознаградимая, не говорю для насъ, а для мысли въ Россіи. Какъ судьбы Божіи ведутъ наше просвѣщеніе, не сообразишь; но не должно слабѣть или унывать. Смерть Кирѣевскаго была почти внезапная: съ сыномъ обѣдалъ очень легко (у него было маленькое разстройство желудка, продолжавшееся нѣсколько дней); послѣ обѣда легъ отдохнуть; черезъ часъ вскрикнулъ отъ боли; началась холера съ корчами; доктора нескоро достали; передъ ночью пріобщался, а къ утру кончилъ. При смерти были Веневитиновъ и Комаровскій. Вотъ и все.

Кажется, мнѣ объ изданіи его сочиненій и думать нельзя. Первыя запрещены, послѣднія заподозрѣны, и почти запрещены; но собрать ихъ надобно. Бѣдная мать! Бѣдный Петръ Васильевичъ! Я больше всѣхъ боюсь за него. У него здоровье плохо, а душа нѣжнѣе женской. Съ Кирѣевскимъ для насъ всѣхъ какъ будто порвалась струна съ какими-то особенно-мягкими звуками, и эта струна была въ

тоже время мыслію. И когда же порвалась? Въ ту самую минуту, когда съ нея снята была тяжесть, мѣшавшая ей звучать. Странная судьба! Ты узналъ изъ газетъ, а я вотъ какъ. Я изъ Смоленской деревни пріѣхалъ въ 10 часовъ въ Понедѣльникъ и по расчету думалъ Кирѣевскаго найти въ Москвѣ; вхожу и спрашиваю: «Кирѣевскій здѣсь?»—«Какъ же. Его вчера привезли». Я долго не могъ понять. Грустно; но все же онъ не даромъ пожилъ и въ исторіи философіи оставитъ глубокій слѣдъ, хоть, можетъ быть, и не додѣлалъ своего дѣла.

VIII. О. М. БОДЯНСКАГО.

1.

Сейчасъ только покончилъ я одно разсужденіе на золотую медаль по моему предмету [18]) и спѣшу препроводить его къ вамъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы и вы порадовались вмѣстѣ со мною такому преспѣянію такого благаго дѣла, обѣщающему впослѣдствіи самые благодарные и утѣшительные плоды. Право, душа не нарадуется, читая такія изслѣдованія въ такое короткое время существованія нашего общаго дѣла въ нашемъ Университетѣ, матери и виновницы его на Руси. Такъ и хотѣлось бы подписаться самому подъ этими, вовсе не студенческими, розысками. Во что бы то ни стало, а надо намъ ихъ не скрывать подъ спудомъ, и для блага самого предмета, и для блага общаго дѣла, и для блага дѣлателей, а пуще да знаютъ истину и исповѣдуютъ ее, если только чужды сатанинской неключимости и упорства! Думаю, что другіе члены нашего Отдѣленія [19]) едвали будутъ имѣть время пробѣжать что-либо изъ этихъ разсужденій. Причиной тому—самый объемъ ихъ, который, однакоже, должно было сломить и одолѣть вполнѣ, по крайности мнѣ, какъ главному отвѣтчику тутъ. Право, Степанъ Петровичъ, любо трудиться намъ среди такихъ воспріимчивыхъ и смѣтливыхъ слушателей, которые, сидя еще за лавкой, опережаютъ во многомъ каѳедральныхъ. Давай Богъ ихъ побольше и больше!...

23-го Мая,
1846 г.
Четвергъ въ 1/29-го вечера.

1.

31 Декабря 1846. Вторникъ въ 4 ч. вечера.

Сейчасъ я говорилъ съ *** о томъ, о семъ, и между прочимъ онъ спросилъ меня, читалъ ли я разсужденіе Аксакова? [20]) «Да», отвѣ-

---

[18]) Это было, если не ошибаемся, разсужденіе Евгенія Петровича Новикова (нынѣ посла нашего въ Австріи) о Лужицкихъ нарѣчіяхъ.

[19]) Т. е. Словеснаго Отдѣленія, коего С. П. Шевыревъ былъ тогда деканомъ.

[20]) Это была магистерская диссертація К. С. Аксакова: «Ломоносовъ въ исторіи Русской литературы и Русскаго языка». Разсужденіе это нынѣ появилось въ полномъ своемъ видѣ во 2-мъ томѣ Сочиненій К. С. Аксакова, М. 1875. Вотъ это мѣсто, возбудившее тогда такую опасливость въ представителяхъ университетской власти: «Столицею нашею сталъ городъ съ чужимъ именемъ, на берегахъ чуждыхъ, не связанный съ Россіею никакими историческими воспоминаніями».

тилъ я. «И вы подписали?» «Да», снова. «Ну, одолжили же вы всѣ меня», подхватилъ онъ, «здѣсь просто (въ самомъ началѣ Разсужденія) проступокъ противъ первыхъ 3-хъ пунктовъ». (Чего? Устава цензурнаго, думаю). Какъ это вы меня компрометировали!» Я спросилъ его: «не о Петрѣ-ли В. и его Питерѣ рѣчь?» «Да, да!» сказалъ онъ. «Такъ, сколько помню, и Степанъ Петровичъ и я отмѣтили эти мѣста въ подлинникѣ карандашемъ и говорили декану о нихъ, какъ о назначенныхъ, по нашему мнѣнію, къ исключенію; а если онъ пропустилъ ихъ, то въ томъ онъ виноватъ, а не мы: онъ читалъ послѣднюю коректуру и подписывалъ къ печатанію».—«Ну, такъ мы еще поговоримъ о томъ послѣ завтра вечеромъ». Теперь пока что будетъ, Степанъ Петровичъ, да вѣсте, яже бысть; только, пожалуйста, чтобы до Четверга вечеромъ ни одна душа не знала о томъ, что вамъ теперь пишу. Быть можетъ, это у него только первое впечатлѣніе, а еще скорѣе быть можетъ, мнѣ удастся его разувѣрить или ослабить. Во всякомъ случаѣ, да вѣсте о чемъ идетъ дѣло и будьте готовы, на случай до того встрѣтитесь съ нимъ. Если точно дѣло таково, какъ онъ говоритъ (потому что я еще не успѣлъ прочесть статью и пишу вамъ сейчасъ по возвращеніи отъ него), то вся отвѣтственность падаетъ больше всего на предшественника вашего по деканству [21]). Кто вѣсть, можетъ быть это одна изъ его многочисленныхъ штукъ, намѣренно подпущенныхъ съ расчетомъ и разстановкою. Дѣло можно будетъ послѣ Четверга объяснить справкою въ самомъ подлинникѣ; но дотолѣ не надо, по моему, поднимать шума: пусть это между нами двумя пока.

3.

26 Октября 1848. Четвергъ, въ 7 час. утра.

Министру въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ заграничныхъ не хотѣлось бы снова попасться съ Славянской каѳедрой, особливо у насъ, въ то положеніе, въ какомъ онъ уже разъ былъ по неосторожности, или чему другому, прошлогодичныхъ весеннихъ разбитныхъ парней, какъ ихъ нѣкоторые называютъ. Вотъ онъ и самъ, не зная, что дѣлать, то къ той, то къ другой мѣрѣ прибѣгаетъ, не удастся ли какъ заблаговременно, на всякій случай, оградить себя, по крайности словами предполагаемаго преступника, и тѣмъ выказать, съ одной стороны, свою предусмотрительность, а съ другой и мѣры противъ грядущаго зла выказать передъ судьей. Такая заботливость слишкомъ явно сама себя обличаетъ и прямо говоритъ, чего хотятъ. Скажите откровенно, безъ всякихъ обиняковъ и пощады меня, безъ всякихъ прелюдій, которыя, вмѣсто своего назначенія, обыкновенно производятъ противное дѣйствіе, что вамъ извѣстно положительно объ этомъ дѣлѣ? Коли министру нужна каѳедра для чего нибудь, для собственнаго-ли покоя, изъ предосторожности по шатости времени, или для чего бы то ни было—я больше не сижу на ней; но проходить подобныя мытарства, и притомъ занимая столько лѣтъ ее, подвергаться Измайловскимъ истязаніямъ, въ которыхъ пожалуй, съ горячки, или съ дуру, и проговоришься, я не въ состояніи, я не могу принудить себя. Лучше безъ хлопотъ и затянуть: «Я въ пустыню удаляюсь!» Кромѣ того, мнѣ бы хотѣлось ус-

---

[21]) Деканомъ Словеснаго Отдѣленія былъ передъ С. П. Шевыревымъ И. И. Давыдовъ.

лышать отъ васъ, если только вы будете такъ добры: кто вамъ поручилъ сказать мнѣ доставить свое исповѣданіе Славянской вѣры? Министръ, попечитель, ректоръ? Нѣтъ, почтеннѣйшій и добрѣйшій Степанъ Петровичъ, послѣ этого вамъ и прочимъ сотоварищамъ моимъ расти, а мнѣ малитися.

4.

11 Ноября 1848. Суббота, въ 7 час. вечера.

Какъ вы думаете, слѣдуетъ-ли мнѣ самому явиться къ министру, прежде нежели онъ станетъ посѣщать насъ и извиниться передъ нимъ въ томъ, что по сю пору не могъ доставить ему своего конспекта, или же передать это посредничеству попечителя? Потому что я, начавши на другой день послѣ посѣщенія вашего (26 Августа), по сю пору не могу окончить своей работы, между тѣмъ какъ тружусь по 10 и болѣе часовъ въ день, даже очень рѣдко бываю отъ того въ типографіи. Цѣлыхъ 15 листовъ уже исписалъ, а только едва перешагнулъ за половину. Пожалуйста надоумьте меня, какъ лучше сдѣлать: вы хороши съ министромъ, знаете его коротко, а я ничего этого не имѣю. Я вовсе не прочь, какъ видите, отъ удовлетворенія его: но что же дѣлать, что обширность каѳедры не позволяетъ никакъ съежиться? При томъ пожалуй съежишься, а онъ подумаетъ съ намѣреніемъ. Впрочемъ, если я уже упустилъ надлежащее время—такъ тому и быть.

5.

14 Ноября 1848. Вторникъ, въ 5 час. по полудни.

Отъ всей души благодарю васъ за вѣсть о намѣреніи министра побывать у меня на лекціи. Хоть и ждалъ я его каждый разъ, тѣмъ не менѣе отъ васъ первыхъ узнаю опредѣленно о томъ. Постараюсь, какъ совѣтуете, высказаться. Одно только не знаю, въ которомъ часу будетъ онъ? У меня завтра двѣ лекціи, въ 12 часу по исторіи Чешской Словесности (внизу) и въ 1-мъ по языку Чешскому; послѣдняя мало представляетъ простора къ цѣльности, сжатости и стройности. Впрочемъ авось найдется что нибудь годное. Еще: читать-ли по тетради, или же напротивъ?

IX. В. И. ДАЛЯ.

(1842).

.... Библіотека пошла въ руки новаго промышленника, отставнаго курьера Ольхина. Онъ ѣдетъ въ Москву основать свою контору, вѣрно будетъ и у васъ. Брамбеусъ дожилъ таки до того, что никто не даетъ ему своихъ статей и, передавая журналъ, даетъ росписку, что не смѣетъ болѣе мудрить и переправлять статьи.

Смирдина съѣли совсѣмъ; любопытно послушать его съ часикъ, какъ, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, Полевой, Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій перебрали у него удивительно ловко сотни тысячъ и посадили на мель.

.... Вы не знаете службы нашей и моего положенія [22]. Я сытъ и одѣтъ и житейскимъ доволенъ; но все это дается мнѣ именно съ тѣмъ,

[22]) В. И. Даль управлялъ тогда канцеляріею министра внутреннихъ дѣлъ, графа Л. А. Перовскаго.

чтобы я дѣлалъ свое дѣло, а по сторонамъ не глядѣлъ и не въ свое дѣло не мѣшался. У насъ дѣлаютъ обыкновенно такъ: чтобы отдѣлаться отъ ходатаевъ и просителей, обѣщаютъ двусмысленными словами сдѣлать что можно, и предоставляютъ дѣло на волю Божію. Если конецъ выльется годный, то приписываютъ это ходатайству и бываютъ весьма признательны; если же нѣтъ—то покровитель говоритъ: «что же дѣлать, никакъ нельзя было». Я разъ на всегда положилъ себѣ за правило не брать этого грѣха на душу и не вводить никого въ надежды и сомнѣнія голословными, обязательными обѣщаніями. Мнѣ часто не вѣрятъ и говорятъ: «не хочетъ, а еслибъ захотѣлъ, такъ бы сдѣлалъ». Пусть лучше такъ говорятъ, пусть лучше пѣняютъ въ началѣ дѣла чѣмъ въ концѣ, когда уже и другими путями и средствами пособить ему нельзя.

Я полагаю, что газета [23]) не встрѣтитъ затрудненія, но положительно не знаю ничего. Двери къ т. министру открыты во всякое время и всякому, безъ изъятія; но обходить ихъ опасно, если нельзя миновать вовсе.

Жизнь моя однообразная, томительная и скучная. Я бы желалъ жизнь подальше отсюда — на Волгѣ, на Украйнѣ, или хотя бы въ Москвѣ. Вы живете для себя; у васъ есть день, есть ночь, есть наконецъ счетъ днямъ и времени года; у насъ нѣтъ ничего этого. У насъ есть только часы: время идти на службу, время обѣда, время сна. Бѣлка въ колесѣ—гербъ нашъ. Орѣхи будутъ, когда зубовъ не станетъ; волю дадутъ, когда хрящи въ суставахъ сростутся и ноги одеревенѣютъ. Это не жалоба, это просто разсказъ о томъ, что и какъ есть. Писать бумаги мы называемъ дѣло дѣлать; а оно-то промежъ бумаги и проскакиваетъ, и мы его не видимъ въ глаза. Еслибъ иной, послѣ усердной 35-ти лѣтней работы, которая скрючила его въ [24]), увидалъ настоящее, истинное дѣло на дѣлѣ, а не на бумагѣ—такъ бы онъ, можетъ статься, обошелъ его кругомъ, какъ подмосковный крестьянинъ присланнаго изъ Персіи слона и сказалъ бы: Ну, виноватъ, слона-то я и не замѣтилъ!

Одинъ въ полѣ не воинъ, и головня одна въ чистомъ полѣ гаснетъ, а сложи костеръ, будетъ горѣть. Что можетъ сдѣлать одинъ—хоть будь онъ разминистръ? Такая видно до времени судьба наша; надо вѣрить съ Калмыками, что-де «что нибудь да будетъ, такъ не будетъ, ничего не будетъ, а что нибудь да будетъ».

29 Января 1846.

X. ЗАПИСКА

О ВВЕДЕНІИ ПРЕПОДАВАНІЯ НОВОГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА ВЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМЪ ФАКУЛЬТЕТѢ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ уничтожено было преподаваніе Эллино-греческаго языка въ гимназіяхъ, подвѣдомыхъ Московскому учебному округу, за исключеніемъ одной, нельзя было не замѣтить ослабленія этого важнаго предмета въ ряду историко-филологическихъ наукъ, не

---

[23]) С.-П. Шевыревъ и М. П. Погодинъ намѣревались издавать политическую газету: «Кремлевскій Часовой», и программа ея, написанная С. П. Шевыревымъ, сохранилась.

[24]) Неразобранное слово.

смотря на то, что мы имѣемъ весьма достойныхъ ученыхъ, образованныхъ для него въ новое время благодѣтельными попеченіями правительства. Языкъ древній, на которомъ выразилъ даровитый язычникъ все то, что могъ онъ самъ изобрѣсти безъ помощи Откровенія, языкъ, на которомъ первоначально возвѣщена людямъ истина Христіанства Евангелистами, проповѣдана Апостолами и объяснена Отцами Церкви всему міру, упалъ у насъ ниже чѣмъ на вторую степень въ ряду познаній университетскихъ. Нельзя признать этого явленія за шагъ впередъ въ просвѣщеніи Русскомъ; нельзя не предвидѣть не совсѣмъ безвредныхъ послѣдствій въ упадкѣ знанія столько значительнаго. Наладивъ изученіе этого языка на основаніи Эллиногреческой филологіи, какъ она процвѣтаетъ въ Германскихъ университетахъ, казалось, слѣдовало не останавливать его, а дать только этой отрасли знаній другое направленіе, болѣе согласное съ христіанскими началами нашей жизни и обратить ее также къ изученію Отцевъ Церкви и Византійскихъ источниковъ Русской Исторіи. Это и предпринималъ профессоръ Греческой словесности Менщиковъ въ Московскомъ университетѣ, получивъ на то разрѣшеніе и митрополита Московскаго.

Однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ къ усиленію возстановленнаго изученія Эллино-греческаго языка, полагаю, было бы введеніе преподаванія Новогреческаго языка въ историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, не обязательно для всѣхъ, но для желающихъ. Замѣчательно, что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомыхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, за исключеніемъ развѣ Одесскаго округа, нѣтъ ни одного, гдѣ бы можно было выучиться Новогреческому языку. А между тѣмъ политическія обстоятельства времени, какъ думаю, вызываютъ необходимость такого изученія. Народъ, имъ говорящій и пишущій, стоитъ въ ряду тѣхъ единовѣрныхъ намъ народовъ, за которыхъ идетъ теперь борьба великая. Каѳедры Славянскихъ нарѣчій у насъ существуютъ, а каѳедра Новогреческаго языка въ Университетѣ отсутствуетъ.

Преподаваніе этого языка, по моему мнѣнію, должно быть необязательно для всѣхъ студентовъ историко-филологическаго факультета, но предложено для желающихъ студентовъ всѣхъ факультетовъ и въ такіе часы, когда они отъ другихъ лекцій бываютъ свободны. Поручить же это преподаваніе слѣдовало бы особому лектору, природному Греку или Болгарину, православнаго исповѣданія, извѣстному своими мнѣніями нашему правительству.

Думаю, что введеніе этой каѳедры много будетъ содѣйствовать оживленію каѳедры древняго языка. Филологическое изученіе Эллиногреческой словесности слилось бы нѣкоторымъ образомъ съ цѣлью практическаго, а въ Россіи, по особенному смыслу народнаго ума, такое приложеніе всегда оказывается полезнымъ.

Соотвѣтствуетъ ли по времени видамъ правительства такое предположеніе, рѣшить этотъ вопросъ дѣло не мое, а тѣхъ, кому ближе извѣстны его виды. Я же взглянулъ на этотъ предметъ съ точки зрѣнія, связующей его съ родственнымъ ему предметомъ, какъ однимъ изъ важнѣйшихъ знаній въ историко-филологическомъ факультетѣ, которое въ настоящую минуту требуетъ подкрѣпленія.

XI. СТИХИ С. П. ШЕВЫРЕВА ПО ПОВОДУ СТРАСТИ ГОВОРИТЬ РѢЧИ ЗА ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБѢДАМИ (1858).

Съ кулебякой во рту
И съ бокаломъ въ рукахъ
Мужика-сироту,
Арестанта въ цѣпяхъ
Я готовъ защищать,
И къ свободѣ вести:
Дайте мнѣ пожевать,
Дайте силы найти!
Вотъ мнѣ подали супъ;
Но голодный я глупъ,
Говорить не готовъ:
Дайте мнѣ пирожковъ!
Хоть я голодъ заѣлъ,
Но еще не поспѣлъ,
Не въ жару, не въ огнѣ:
Дайте стерляди мнѣ!
Безподобный меню!
Я тебя сохраню:
Супъ à la liberté,
Truffles à la charité,
Une pureé de marons,
A l'émancipation.
Какъ жаркаго поѣлъ,
Я въ свободу прозрѣлъ;
Какъ Аи полилось,
Ретивое зажглось.
Я Шампанское пилъ,
Слезы теплыя лилъ
Въ свой холодный бокалъ
И красно разсуждалъ,
Говорилъ отъ души:
Вѣдь за мной ни души!

XII. СТИХИ С. П. ШЕВЫРЕВА ПЕРЕДЪ УВОЛЬНЕНІЕМЪ КРЕСТЬЯНЪ ОТЪ КРѢПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ.

Юрьевъ день настань!
Юрьевъ день проглянь!
О безумная
Скройся ночи тѣнь,
И взойди какъ день
    Воля умная!
О Егорій, гой!
Помолись объ насъ,

О землѣ родной,
Чтобы въ добрый часъ
Воля къ намъ сошла,
Что̀ звѣзда свѣтла,
Божьей лѣстницей
Отъ небесъ святыхъ,
Провозвѣстницей
Чистыхъ дѣлъ благихъ;
Утѣшителемъ
Высшей благости,
Облегчителемъ
Нашей тягости!
Чтобъ росла добромъ
По отечеству
И святымъ плодомъ
Человѣчеству.
Юрьевъ день настань!
Юрьевъ день проглянь
О безумная
Скройся ночи тѣнь,
И взойди какъ день
Воля умная!

XIII. ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ С. П. ШЕВЫРЕВА ОТЪ МОСКВЫ ДО ФЛОРЕНЦІИ.

(1860).

Брестъ-Литовское шоссе, соединяющее Москву съ Варшавою, есть произведеніе современнаго намъ инженернаго искусства въ Россіи. Замѣчательно, что на 1189 верстахъ, отдѣляющихъ Варшаву отъ Москвы, эта дорога не соединила съ ними ни одного губернскаго города. Скажутъ, стратегическія и покорныя имъ инженерныя соображенія имѣли въ виду одну только прямую линію; но взгляните на карту: Смоленскъ и Минскъ или Могилевъ не помѣшали бы прямизнѣ стратегической линіи, а между тѣмъ такая дорога могла бы вывести Могилевъ съ его губерніею изъ его безпомощной бѣдности и предложить Смоленску богатыя средства для торговли и промышленности. Что̀ ужъ говорить о селахъ и деревняхъ? Если губернскіе города большая дорога миновала, то села и подавно: она побросала ихъ съ себя долой, какъ вещь совершенно для нея ненужную. На всемъ обширномъ пространствѣ 1200 верстъ ихъ почти не видишь. Мнѣ припоминаются только Александровскій Хуторъ, принадлежащій какой-то Русской богатой помѣщицѣ княжескаго рода, да мѣстечко Кричевъ на берегу рѣки Соши, гдѣ красуются великолѣпныя палаты Польскаго пана. Дорога круто поворачиваетъ въ лѣво; здѣсь уже ясно видно, что въ Варшавскомъ шоссе виновата не одна стратегія, а скорѣе инженерная цивилизація, преобразующая наше отечество. На другихъ шоссейныхъ трактахъ, гдѣ не могло и быть никакихъ стратегическихъ соображеній, не тоже ли самое мы видимъ? По Ярославскому шоссе куда дѣвались тѣ огромныя, величественныя села, которыми прежде увивалась большая дорога? По Тульско-Орловскому

мнѣ помнится только одно большое село Сергіевское, принадлежащее какому-то Петербургскому вельможѣ, село, въ которомъ нашъ повѣствователь Тургеневъ открылъ славныхъ народныхъ пѣвцовъ, отличающихся голосами и мастерствомъ своего пѣнія.

Нѣтъ, инженерная цивилизація наша, проводя дороги по всѣмъ концамъ любезнаго отечества, не признаётъ, по обыкновенію своему, ни города губернскаго, ни уѣзднаго, ни села, ни деревни; она признаетъ только болото, ровъ и гору.

Въ этомъ прежде всего участвуетъ ложная мысль, что она дорогами своими должна преобразовать старую или правильнѣе создать новую Россію. Она не только про себя, но даже публично говорила: построются новые города, новыя села и деревни, вдоль по моимъ дорогамъ. Старыхъ не нужно съ ихъ патріархальными обычаями и преданіями; лучше имъ навсегда исчезнуть и не существовать. Но что же видимъ мы на дѣлѣ? Многолѣтній опытъ доказалъ, что новыя дороги не создали не только ни одного новаго города или села, но даже ни одной порядочной деревни. Нѣтъ и намека на такое созданіе. Выстраиваются только отдѣльные хутора, постоялые дворы, трактиры, а всего болѣе кабаки, увеселяющіе странниковъ большой дороги. Но вотъ что̀ еще удивительнѣе: города, которые соединило шоссе, нисколько не поправились. Тяжелое впечатлѣніе производятъ на Русскаго путника Медынь, Юхновъ, Рославль, Чериковъ, Рогачевъ, которые остались на большой дорогѣ. Сколько домовъ развалившихся, не говоря уже о сгорѣвшихъ, благодаря пожарному состоянію нашего отечества. Что за лавки! Что за гостинные дворы! Грустно, тошно и больно Русскому сердцу! Первая страница Мертвыхъ Душъ въ лицахъ такъ и вертитъ въ очью! Но какая же тому причина? Почему же эти города не процвѣли отъ шоссейнаго пути, ихъ пощадившаго? Конечно, главная причина заключается въ томъ, что обижены села и деревни, сброшенныя съ большой дороги. Городъ цвѣтетъ не самъ собою, а ими. Въ бѣдности городовъ отзывается бѣдность земли и сельскаго ея населенія. Городъ питается и цвѣтетъ деревнею, и взаимно деревня городомъ; но разорите деревню, и города не будетъ.

Вотъ къ чему привела инженерная цивилизація, не уважающая преданій. Другая слабая сторона этой преобразующей цивилизаціи есть ея страсть къ болотамъ. Какъ свою страсть къ преобразованіямъ, такъ и страсть къ болотамъ, она думала наслѣдовать отъ великаго преобразователя, построившаго Петербургъ. Смотря по тому, какъ выбираетъ она, помимо городовъ и селъ, самыя топкія и болотистыя урочища, невольно заключишь, что не инженерное искусство существуетъ для проведенія большой дороги, а дорога для инженернаго искусства. Оно, задавая себѣ труднѣйшія задачи, кажется, такъ и лѣзетъ въ поэзію искусства свободнаго отъ всякой практической цѣли. Повидимому, инженеры наши между собою только и соревнуютъ о томъ, кто поглубже выберетъ болото для того, чтобы на немъ изумить проѣзжающаго своимъ искусствомъ. Иногда выбираются и другаго рода препятствія: рвы для великолѣпныхъ мостовъ и горы для срытія, по которымъ шоссе гнется и извивается какъ удавъ, поглощающій на пути своемъ все живое, всякую жизнь народную, и признающій одно только: камень и воду.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что если бы инженерная цивилизація уважала историческія преданія и не презирала нашихъ городовъ, селъ

и деревень, проводя дороги свои не для существующаго теперь въ нихъ народонаселенія, а для какого-то мнимаго будущаго, существующаго въ ея неистощимой фантазіи,—менѣе встрѣчала бы она болотныхъ и горныхъ препятствій, и дешевле обходились бы государству дороги, принося больше пользы. Народъ первоначально селился, слѣдуя инстинктамъ человѣческой, еще неискаженной природы и избиралъ, конечно, лучшія, болѣе здоровыя и прочныя мѣста для своихъ поселеній. Какъ же не уважить этихъ преданій! Какъ идти совершенно на перекоръ здравому смыслу всей народной жизни и извращать всю географическую карту народа, эту живую, первоначальную лѣтопись его исторіи, въ силу одного фантастическаго своего произвола! Конечно, иной кривой обходъ, который принялъ бы цвѣтущее село въ объятія великаго пути, потребовалъ бы, при большей пользѣ, гораздо меньшихъ издержекъ, нежели иная многоверстная топь, стоившая милліонной насыпи, или многосаженный ровъ, гордящійся великолѣпнымъ мостомъ, требующимъ неистощимой починки.

Въ Варшавѣ, у графа П. Д. Киселева, я встрѣтился съ г. Колиньономъ, славнымъ Французскимъ инженеромъ и строителемъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, и сообщилъ ему мои замѣчанія относительно того пренебреженія, съ какимъ у насъ минуютъ города, села и деревни, проводя шоссе и желѣзныя дороги. Г. Колиньонъ совершенно согласился съ истиною этого замѣчанія и прибавилъ: «Такого рода явленія только въ вашей землѣ и встрѣчаются; вездѣ дорожатъ такими указаніями (indications), какія далъ народъ въ первоначальныхъ своихъ поселеніяхъ, избирая земли твердыя и лучшія; и если бы у васъ ими дорожили, то дороги, принося больше пользы народу, обходились бы гораздо дешевле». Въ Италіи не только шоссе, но и желѣзныя дороги уважаютъ самые малые городки.

Какъ бы любопытно было узнать: что̀ сталось съ нашими селами и деревнями съ тѣхъ поръ, какъ ихъ оттолкнула отъ себя большая дорога? Куда дѣвалась ихъ жизнь, ихъ промышленность? Какую физіономію представляютъ теперь эти несчастные выброски общественной жизни, не принятые внутрь жилъ Россіи, какими должны быть ея дороги? О какъ бы замѣчательна была ихъ исторія, вѣроятно, самая плачевная, со времени этого незаслуженнаго изгнанія ихъ изъ среды общественнаго движенія земли Русской! Чтобы кому нибудь изъ повѣствователей Русскихъ, наблюдающихъ жизнь отечества, разсказать такую исторію? Кому же неизвѣстно: большія дороги, со времени Римлянъ, которые первые ихъ проводили, соединяли людей, просвѣщали, обогащали; у насъ же большая дорога разъединяетъ, мрачитъ и разоряетъ. Вотъ что значитъ проводить дороги для одной стратегіи и инженернаго искусства, не уважая преданій исторіи, географіи народной и презирая союзъ человѣчества, для котораго дороги единственно и служатъ.

По Брестъ-Литовскому шоссе всего болѣе поражаютъ вниманіе ваше болота. Ихъ непрерывная цѣпь еще поразительнѣе бываетъ осенью, обдавая васъ вѣчнымъ туманомъ и влажною сыростью. Но нигдѣ такъ не отличилось инженерное искусство, побѣждая ихъ, какъ подъ городомъ Рославлемъ: что за насыпи, что за безконечные мосты по озерамъ!

Замѣчательное совпаденіе явленій: страсть къ преобразованію въ своихъ крайностяхъ, въ какой бы сферѣ ни являлась, всегда любитъ

нарушенія законовъ природы. Возьмите повѣствовательную нашу литературу въ ея современныхъ явленіяхъ. Ее одолѣла также страсть къ преобразованію. Она задала теперь задачу преобразованія Русской женщины. Что же мы прежде всего видимъ въ новомъ ея идеалѣ, который повѣсть съ такою любовію изображаетъ? Нарушеніе самыхъ простыхъ законовъ женской природы. Первоначальный инстинктъ женщины—стыдливость и чувство дѣвственности: это понималъ и язычникъ Клеоменъ, ваяя рѣзцомъ своимъ Венеру Медицейскую. Но этого не понимаетъ у насъ авторъ повѣстей: Первая Любовь и Наканунѣ. Его Елена готова упасть въ обморокъ при видѣ всякой птички страдающей и пожертвовать жизнію за муху, чтобы спасти ее отъ паука, но вовсе равнодушна къ своему отцу и къ своей матери, подъ тѣмъ предлогомъ, что первый своимъ поведеніемъ, вторая своею апатіей не заслужили любви дочерней, какъ будто бы любовь дочери должна быть наградою родителямъ за ихъ нравственныя качества, какъ будто бы это не есть чистый огонь души, зажигаемый въ сердцѣ женщины свѣтомъ любви божественной, безъ всякихъ разсчетовъ и корысти. Такъ непонята природа женская писателемъ, который задумалъ преобразовать ее въ своемъ отечествѣ, такъ искаженъ у него законъ природы, и ничѣмъ столько не грѣшитъ новая преобразующая повѣсть какъ неестественностью. Она стоитъ на ходуляхъ. Елена, не во гнѣвъ нашимъ критикамъ, похожа на выставленную куклу Кузнецкаго моста, а не на существо чисто-женское.

Таковъ вездѣ страстный преобразователь. Онъ прежде всего нарушаетъ законъ природы. Онъ одинаковъ у насъ и въ инженерномъ искусствѣ, и въ Русской повѣсти, которая стóитъ головоломной Одиссеи Брестъ-Литовскаго шоссе. Не по городамъ, селамъ и деревнямъ проводитъ онъ путь, слѣдуя указаніямъ народной жизни, располагавшей свои селитьбы согласно съ удобствами мѣстной природы; нѣтъ, онъ проводитъ его по болотамъ, по лягушачьимъ царствамъ, нарушая безпрерывно законъ естества, покоряясь не природѣ и нуждамъ человѣка, съ нею согласнымъ, а дѣйствуя совершенно имъ на перекоръ, поодаль отъ людей и разъединяя ихъ своимъ отвлеченнымъ искусствомъ.

Но нарушеніе законовъ природы никогда не обходится даромъ человѣку и не остается безъ заслуженнаго наказанія. Это доказываетъ и Брестъ-Литовское шоссе. Починкамъ его конца нѣтъ, и одинъ Богъ вѣдаетъ, чего они стоятъ и чего будутъ еще стоить государству. По пагубной страсти, господствующей у насъ, чинить дороги осенью, бѣдные путешественники бываютъ жертвою этихъ починокъ. Верстъ на пять, а иногда и болѣе, пролагаются объѣзды по грязи, по водѣ, по канавамъ. Избави васъ Боже отправляться по нимъ въ темную осеннюю ночь. Немудрено пролежать въ канавѣ нѣсколько часовъ.

На станціи Любенцахъ намъ въ первый и единственный разъ по всей дорогѣ отказали въ лошадяхъ. Причиною былъ дилижансъ, котораго ждали изъ Варшавы и который запоздалъ цѣлыми сутками. Онъ, выѣхавъ въ Пятницу, долженъ былъ вечеромъ въ Воскресенье проѣхать черезъ станцію Любенцы, а вмѣсто того въ 12-мъ часу утра въ Понедѣльникъ его еще не было. Сторожа и извощики предполагали, что онъ гдѣ нибудь ночью нѣсколько часовъ пролежалъ въ канавѣ. Хороша перспектива для путешественниковъ, которые, выѣз-

жая изъ Россіи черезъ Польшу, ввѣрялись этимъ несчастнымъ дилижансамъ. Какъ благословлялъ я счастливую мысль ѣхать въ своемъ собственномъ экипажѣ и не ввѣрять себя съ семействомъ такой злополучной участи. Случалось, что съ ближайшихъ станцій высылали лошадей и людей съ фонарями на помощь опрокинутымъ каретамъ и дилижансамъ.

На объѣздахъ припрягаютъ вамъ лишнюю пару лошадей, обязывая васъ платить за нее; а если не хотите, не припрягутъ, но вы за то просидите въ какой нибудь вымоинѣ и поплатитесь гораздо хуже. При починкѣ шоссе есть еще преварварскій обычай усыпать его свѣжею щебенкой такъ высоко, что лошади экипажа стащить не могутъ. Вмѣсто того, чтобы укатать щебенку катками, предоставляютъ укатывать ее колесамъ вашего экипажа. Но для этой многотрудной операціи, которая можетъ служить отличнымъ пробнымъ камнемъ для шинъ и колесъ, необходимо заложить вамъ лишнихъ лошадей и заплатить за нихъ. Иначе вы можете также завязнуть на щебенкѣ, какъ въ вымоинѣ, и принуждены будете съ середины дороги посылать за лошадьми, что кромѣ непріятностей будетъ вамъ стоить вдвое дороже. На одной станціи запрягли намъ восемь лошадей въ легкую коляску, ровно вдвое противъ числа, которымъ везли насъ обыкновенно, и мы благодарили еще станціоннаго смотрителя за полезный совѣтъ, безъ котораго пришлось бы намъ очень плохо на щебенкѣ, этомъ щедромъ дарѣ господъ инженеровъ, чинившихъ дорогу.

А между тѣмъ за шоссе вы заплатили деньги отъ Москвы до Брестъ-Литовска, и ни на одной шоссейной заставѣ вамъ не возвратили денегъ ни за объѣзды, ни за щебенку, за которые, конечно, не слѣдовало бы платить; вездѣ, напротивъ, строго требовали Московскаго ярлыка, какъ будто бы подъ вами дѣйствительно катилось одно сплошное безпорочное шоссе! А что ужъ говорить о убыткахъ, о двойныхъ прогонахъ, о порчѣ экипажа, въ которые васъ оно вводило, объ опасностяхъ, какимъ вы подвергались въ теченіи дороги! Упоминая о сихъ послѣднихъ, нельзя не передать одного сильнаго ощущенія подъ Рогачевымъ. Мы подъѣзжали къ Днѣпру; на всемъ побережьи Днѣпровскомъ накинуто множество мостовъ. Каково же ощущеніе ѣхать по нимъ въ темный осенній вечеръ и слышать, какъ мосты накинутые рукою смѣлыхъ инженеровъ по болотамъ приднѣпровскимъ, такъ и трещатъ подъ вами. Съ нами сила крестная! Вотъ одно спасеніе.

Почтовыя гостинницы, построенныя на каждой станціи, предлагаютъ единственное убѣжище для путниковъ, которые боятся подвергать жизнь свою опасностямъ ночнаго пути. У каждой изъ нихъ по два дерева, какъ безсмѣнные часовые, стоятъ при входѣ. Даже и растительное царство подвергается у насъ необходимой участи стоять на часахъ. Гостинницы раздѣляются на три разряда. Къ первому относятся тѣ, въ которыхъ есть царскія комнаты, для всѣхъ запертыя, кромѣ господъ инженеровъ, и трактиръ со столомъ и виномъ; ко второму гостинницы со столомъ и виномъ, но безъ царскихъ комнатъ; къ третьему гостинницы съ самоваромъ. Всѣ онѣ строены по одному плану. Постояли въ одной изъ гостинницъ какого нибудь разряда, узнали и всѣ. Тюфяковъ и матрасовъ не найдете ни въ одной, за исключеніемъ одного Рославля, а во всѣхъ другихъ довольствуйтесь жесткими диванами или сѣномъ. Чтобы, кажется, сдѣлать сплошные диваны Турецкіе съ подушками? Они бы обошлись дешевле

и были бы мягче и спокойнѣе для членовъ путника, особенно утомленнаго щебенкой, объѣздами и пріятностями трескучихъ мостовъ. Нѣтъ, вездѣ диваны дубовые, съ высокими спинками, обитые какою-то жесткою щетиной, которая вся выбилась и врѣзается въ ваше тѣло. А для чего эти огромныя зеркала, почти въ каждой комнатѣ? Кто въ нихъ смотрится? По обычаю чинить и красить все въ глубокую осень, случалось иногда, что вамъ не отводятъ покойныхъ комнатъ, потому что въ нихъ идетъ починка и все воняетъ свѣжей краской, которая осенью нескоро сохнетъ. Встрѣчались иногда и комнаты въ Октябрѣ нетопленыя, потому что содержатель гостинницы не запасся еще дровами, находя, что они слишкомъ дороги.

Но спасибо, по крайней мѣрѣ, гостинницамъ за ихъ хлѣбъ-соль. По Брестъ-Литовскому шоссе не умрешь съ голоду и вездѣ найдешь здоровую и вкусную пищу.

А всего лучше смотрители! Они мирятъ васъ со всѣми неудобствами дороги и внушаютъ вамъ вѣру въ успѣхъ нравственной природы Русскаго человѣка, когда онъ гражданскимъ обществомъ поставленъ въ благородное и независимое положеніе. Прежній смотритель, взяточникъ, лгунъ, прижимала, низкій передъ важнымъ чиномъ и дерзкій со всякимъ другимъ, покажется вамъ какимъ-то непостижимымъ, допотопнымъ существомъ, когда вы познакомитесь съ теперешними смотрителями Брестъ-Литовскаго шоссе, начиная съ перваго изъ нихъ, г. Малинина, на Бирюлевской станціи, воспитанника Московской семинаріи. Они вѣжливы, предупредительны, одинаково благородны со всѣми; не подумайте дать имъ денегъ: вы ихъ тѣмъ оскорбите.

Не могу не передать одного случая. Переѣхавъ по Днѣпру на паромѣ, мы поздно пріѣхали въ Рогачевъ. Всѣ мѣста въ почтовой гостинницѣ были уже заняты. Ѣхать въ темную ночь далѣе по объѣздамъ и по трескучимъ мостамъ, которые ожидали насъ впереди, было небезопасно; но провести ночь негдѣ. Положеніе пренепріятное. Съ живѣйшимъ участіемъ вошелъ въ него г. смотритель Рогачевской станціи, В. П. Ястршемскій. Онъ употребилъ всѣ средства отъ него зависѣвшія, чтобы дать намъ ночной пріютъ: пригласилъ двухъ молодыхъ людей, которые прежде насъ заняли двѣ комнаты въ почтовой гостинницѣ, уступить намъ ихъ и помѣстилъ ихъ у себя, стѣснивъ тѣмъ и себя, и свое семейство. Мы обязаны были ему спокойствіемъ ночи и безопасностію пути, который благополучно совершили при свѣтѣ дня. Такія услуги не забываются. Ихъ умѣетъ цѣнить особенно семейный путникъ и отвѣчаетъ на нихъ благодарнымъ воспоминаніемъ отъ такой же души, отъ какой предложена была услуга.

Имена почтовыхъ станцій иногда заимствованы отъ ближнихъ селеній, а иногда принадлежатъ фантазіи господъ инженеровъ, строившихъ дорогу: таковы, напримѣръ, Шумовка и Звенчатка. О чемъ шумятъ и звенятъ онѣ? Страсть противорѣчить всему прежнему заставляла инженеровъ въ городахъ откидывать почтовыя станціи на большое отъ нихъ разстояніе. Это влечетъ за собою, разумѣется, большія неудобства. Вамъ нужно починить винтъ, поднять экипажъ, посылайте за кузнецами въ городъ; хотите купить что нибудь, запастись хлѣбомъ, бутылкой вина въ дорогу, отправить письмо—посылайте въ городъ. Сторожамъ гостинницъ письмо не всегда можно ввѣрить. Въ Рославлѣ служитъ сторожемъ плѣнный крещеный Турокъ. Я

сначала, по его Русскому языку, никакъ не могъ узнать, какой онъ націи? Жидъ не Жидъ, Нѣмецъ не Нѣмецъ, Цыганъ не Цыганъ. Оказалось, что это Турокъ; въ прошлую войну въ плѣнъ попалъ, крестился и женился на Русской.—Ну что, хорошо ли въ Россіи? спросилъ я его. Ничего, слава Богу! отвѣчалъ онъ. А писемъ, ему отданныхъ, на почту не отнесъ крещенный Турокъ, не знаю уже въ силу какой вѣры, прежней или новой, которую принялъ.

Отдаленіе станцій отъ деревень ведетъ также къ большимъ неудобствамъ. Ѣхалъ одинъ подполковникъ въ Варшаву въ маленькой, парной кибиточкѣ, которую дешево купилъ по дорогѣ; сломалось у него колесо; за двѣ версты надобно было везти колесо для починки, да и кузнецъ, безъ конкуренціи, заломилъ за починку въ три-дорога.

Бѣда съ мелочью по всей дорогѣ. Я не испыталъ ея, потому что запасся мелкими деньгами, хотя и съ большимъ трудомъ, въ Москвѣ; могъ даже осчастливить одного спутника, размѣнявъ ему рублевую ассигнацію на мѣдныя копѣйки. Жиды-корчмари дерутъ по двугривенному съ рубля за промѣнъ, да и то еще радъ проѣзжающій, какъ и за двугривенный размѣняютъ; а не то и вовсе нѣтъ мелкихъ. Смотрители даютъ сдачи ярлыками, прося въ нихъ своихъ товарищей на слѣдующихъ станціяхъ принимать ихъ за ходячую между ними ассигнацію.

Изо всѣхъ городовъ по дорогѣ только Малоярославецъ да Слуцкъ, славящійся своею гимназіею, похожи на города. Слуцкъ былъ бы еще красивѣе, еслибы глубокая грязь не мѣшала тому. Жиды своею навязчивостью становятся здѣсь несносны; Жидъ проситъ за все, и за то что вошелъ въ комнату, поговорилъ съ вами и далъ совѣтъ, по его мнѣнію, полезный.

Еще двѣ крѣпости поразятъ васъ на дорогѣ: Бобруйскъ, величаво и грозно поднявшійся на берегу Березины, и Брестъ Литовскій на берегу Буга. Это двѣ фортификаціонныя поэмы, чрезвычайно сложныя и неприступныя. Чтобы взять ихъ, надобно истратить безчисленное войско и столько же убить лѣтъ на осаду ихъ, сколько Греки убили на Трою; но вотъ почему, конечно, никакой завоеватель никогда не будетъ брать ихъ, и не дождаться имъ своего Гомера.

Въ Брестской крѣпости строится великолѣпный мостъ новой архитектуры; ея стиль подражаетъ стройнымъ пирамидальнымъ тополямъ, украшающимъ здѣшнюю растительность.

Въ Варшавѣ должны были съѣхаться многіе принцы. Въ Брестѣ я распрашивалъ: что̀ слышно, много ли ихъ съѣхалось, и не слишкомъ ли заняты гостинницы?—«О Нѣмецкихъ принцахъ не заботьтесь», отвѣчали мнѣ простые люди. «Ихъ съѣдется, говорятъ, 30 душъ. Гостинницъ они не займутъ, а всѣ помѣстятся въ Лазенкахъ на Русскій счетъ, сколько бы ихъ ни было. Про всѣхъ готовы и комнаты, и кухни, и всѣ припасы».

Огромные тополи разныхъ родовъ, переселенцы изъ дальнихъ странъ, еще зеленые, еще не обронившіе своихъ листьевъ, покрывали Варшавское шоссе своею тѣнью. Бѣлая и розовая акація густою зеленью убирала входы и окна почтовой станціи. Другая природа зачиналась здѣсь, и замѣтно было больше заботы о томъ, чтобы сдѣлать ее еще прекраснѣе, чѣмъ она есть, и переселить сюда растенія, какихъ здѣшняя сама не производитъ. Крестьяне убирали

картофель съ полей. Мѣстами курилось курево—одинъ изъ способовъ здѣшняго удобренія земли. Нивы были вспаханы не по нашему бороздами, а словно грядами, для стока воды, чего, конечно, требуетъ глинистая почва. День былъ ясный и теплый. Лучи западнаго грѣющаго солнца обдавали чѣмъ-то живымъ и веселымъ.

Много измѣнилось Варшавское шоссе спустя 20 лѣтъ, какъ я не проѣзжалъ по немъ. Въ 1840 году оно, казалась, высоко пролегало надъ Польскою землею, и путешественникъ видѣлъ только одно превосходное шоссе, нисколько не замѣчая самой Польши. Теперь уже совсѣмъ другое. Шоссе какъ будто бы опустилось, и поднялась земля. Кустарникъ, лежавшій низко, выросъ лѣсомъ и пріятно осѣнилъ дорогу. Мѣстечки и городки обстроились, поднялись, ожили.

Но вотъ объ чемъ пожалѣешь. Куда дѣвались красивые Польскіе почтари, ловко одѣтые, съ ихъ рожками и кларнетами, съ прелестною музыкою, которою они услаждали вамъ дорогу? Ихъ ужъ нѣтъ. Намѣсто ихъ васъ везутъ мальчики, довольно неловкіе, одѣтые неопрятно, въ плащахъ съ откиднымъ воротникомъ, съ рожкомъ за плечами, но уже безъ всякаго искусства играть на немъ. Вся музыкальная поэзія прежней почтовой ѣзды по Варшавскому шоссе уже не существуетъ. А между тѣмъ гражданское положеніе почтовыхъ извощиковъ Польши, какъ слышно, улучшилось. Имъ даютъ пенсію по окончаніи 25 лѣтъ безпорочной службы, считая и ночи этой службы за дни, слѣдовательно черезъ 12 съ половиною лѣтъ. Но за то они начинаютъ службу свою мальчиками, еще нисколько негодными въ извощики, и человѣколюбивое постановленіе, какъ видно, нечуждо злоупотребленій.

У Варшавской заставы отбираютъ у васъ паспортъ, чтобы возвратить вамъ его черезъ полицію. На мосту живомъ черезъ Вислу экипажи всякаго рода и фуры тѣснятся такъ у въѣзда на мостъ, что трудно бываетъ разъѣхаться. Мѣстная полиція даетъ преимущество фурамъ передъ экипажами, которые везетъ почта.

Варшава такъ измѣнилась къ лучшему въ теченіи 20-ти лѣтъ, что ее узнать нельзя. Широта улицъ, изящная архитектура домовъ, великолѣпіе гостинницъ, блескъ и роскошь магазиновъ—все поразительно и свидѣтельствуетъ въ пользу ея торговли и промышленности. Изъ магазиновъ особенно поражаетъ разнообразіемъ товаровъ магазинъ Лессера. Вечеромъ сто газовыхъ лампъ его освѣщаютъ. Онъ ведетъ торговлю со всѣми странами міра: Западная Европа, Азія, Америка доставляютъ ему свои товары. У насъ въ Москвѣ нѣтъ ничего подобнаго.

Черезъ Вислу строится новый мостъ. Строитель инженеръ Кербедзъ. Это будетъ чудо новаго строительнаго искусства. Закладка его происходила 9-го Октября. Свѣтлый солнечный день освѣщалъ многочисленное стеченіе народа.

Прекрасная опера привлекаетъ общество въ Варшавскій театръ и народнымъ характеромъ музыки, и звучными голосами тенора Каминскаго, пѣвицъ Грущинской и Ходовецкой, и забавною игрою комика Жолковскаго. Давали оперу Графиня (Hrabina): слова Вольскаго, а музыка извѣстнаго Польскаго композитора, Станислава Монюшки.

Борьба народнаго Польскаго элемента съ свѣтскимъ Французскимъ давно уже одушевила Польскую драму, и вносителемъ этой идеи, основанной на историческихъ данныхъ, сколько мнѣ кажется, былъ

славный Польскій драматургъ, Корженевскій. Его извѣстная комедія: Усы и Парикъ, есть самое блестящее и живое олицетвореніе этой мысли. Я хотѣлъ изъявить личное мое уваженіе славному ветерану Польской драмы, О. В. Корженевскому. А. Г. Плеве ввелъ меня къ нему. Тонкія черты глубокаго наблюдателя нравовъ поражаютъ съ перваго раза въ его физіономіи. Въ разговорѣ со мною онъ вспомнилъ о князѣ Шаховскомъ. Отдавая всю справедливость блестящему сценическому таланту нашего плодовитаго драматурга, онъ справедливо замѣтилъ, что Шаховской много повредилъ себѣ Французскимъ вліяніемъ, которому слишкомъ покорился. Недуги старости заставили Корженевскаго положить навсегда перо драматурга. Послѣднія комедіи его: Сплетникъ и Пустыня, писаны стихами.

Я отъискалъ нашего великаго Славянскаго правовѣда, Мацѣевскаго, въ его ученомъ уединеніи. Время на него не дѣйствуетъ, и онъ по прежнему дѣятеленъ. Исторія Славянскихъ законодательствъ выходитъ вторымъ изданіемъ. 1-й, 2-й, 3-й и 6-й томы уже вышли; 4-й печатается, за нимъ послѣдуетъ пятый. Его изслѣдованія о Тацитовыхъ Свеонахъ, въ которыхъ онъ видитъ Славянъ, въ послѣднее время нашли сильную опору въ мнѣніяхъ Якова Гримма, ученыхъ Нѣмцевъ Штоббе и Клемма, Дрезденскаго археолога. Въ пергаменной рукописи VI вѣка, содержащей Греческое сочиненіе Діоскорида, писателя, современнаго Августу, Мацѣевскій нашелъ 40 ботаническихъ названій, обличающихъ Славянское происхожденіе. Свѣжесть и бодрость блистаютъ на лицѣ нашего славнаго ученаго дѣятеля.

Я возобновилъ, послѣ долгой разлуки, дружескія связи, которыя соединяли меня съ А. Г. Плеве и И. И. Паплонскимъ, бывшими моими студентами. Время не изгладило меня изъ ихъ благородной памяти. Они привѣтствовали меня добрымъ словомъ въ Варшавскомъ «Курьерѣ». Въ ихъ бесѣдѣ, въ ихъ вниманіи, въ радушныхъ заботахъ обо мнѣ и моемъ семействѣ, я нашелъ много отрады сердцу.

А. Г. Плеве повелъ меня въ школу живописи, которою управляетъ тоже старый знакомый по Риму, профессоръ Кс. Каневскій. Здѣсь я увидѣлъ вновь прекрасную его копію съ одного изъ погибающихъ фресковъ Рафаэля въ залахъ Ватикана: Атилла, пораженный воздушнымъ явленіемъ Апостоловъ Петра и Павла. Эта копія будетъ всегда вѣрно напоминать объ оригиналѣ, котораго сильно коснулась уже рука времени. Въ натурномъ классѣ я замѣтилъ рисунокъ ученика Дерковскаго, который обѣщаетъ дарованіе.

Лучшіе плоды этой школы показалъ мнѣ мой просвѣщенный вожатай на художественной выставкѣ, которая познакомила меня съ развитіемъ живописи въ Польшѣ. Двѣ картины особенно поражали вниманіе зрителя и возбудили сильное участіе въ Корженевскомъ, который мнѣ говорилъ объ нихъ. Первая принадлежитъ художнику Зимлеру. Она изображаетъ смерть королевы Варвары и заказана родомъ Радзивиловъ, къ которымъ королева принадлежала. Фигура умирающей поразительна, но не безъ недостатковъ, когда въ нее всмотришься. Руки уже умерли, но голова принадлежитъ не умирающей, а спящей, какъ справедливо замѣчали критики. Умирающіе не опускаютъ головы на бокъ, какъ спящіе, а лежатъ прямо, чтобы схватить послѣднюю дань воздуха передъ смертію. Но фигура короля Сигизмунда, убитаго горемъ и сидящаго на одрѣ умирающей, превосходна и стилемъ своимъ напоминаетъ много кисть Дюссельдорфскаго живописца, Лессинга.

Другая картина дышетъ живою народною стихіею и принадлежитъ Лёфлеру. Во Львовѣ семейство Поляковъ смотритъ на развалины жилищъ своихъ послѣ Татарскаго разгрома. Что за лица! Что за жизнь въ нихъ! Какіе типы народные! Старикъ и возлѣ него ребенокъ; при нихъ собака, сочувствующая ихъ грусти; юноша, соскочившій съ лошади и рвущій на себѣ волосы съ отчаянія; женщины, находящія одно прибѣжище въ горѣ—молитву! Чѣмъ взяла эта картина? Чѣмъ говоритъ она сильно душѣ? Можетъ быть, въ ней есть и недостатки, какъ напримѣръ неестественный по ширинѣ шагъ старика, замѣченный знатокомъ, критикомъ. Но она взяла народною стихіею, какъ теперь беретъ и все искусство. Безъ жизни народа нѣтъ идеи, нѣтъ силы, нѣтъ души. Таковъ вѣкъ, таковы сильнѣйшія его явленія, поражающія современное человѣчество.

Портретъ Каневскаго, директора школы, писанный имъ самимъ, поразителенъ сходствомъ и мастерствомъ кисти. Замѣчателенъ своею дѣятельностію и множествомъ даровитыхъ произведеній художникъ, уже давно пользующійся заслуженною славою, Суходольскій. Его переходъ черезъ Березину отличается изобиліемъ группъ значительныхъ: картина оживленная! Фарисъ изъ Мицкевича, его же, блещетъ смѣлостью кисти и огнемъ чудеснаго колорита. Видъ на берегу озера Гардскаго показываетъ все разнообразіе кисти даровитаго художника.

Апоѳеоза Мицкевича, Теппа, какъ замѣчали, была удачнѣе въ рисункѣ, нежели въ картинѣ. Трупъ славнаго поэта несомъ воздушно разными лицами изъ его поэтическихъ произведеній, на спинѣ у плачущей Музы. Странная мысль! Поэта, никогда не умирающаго, живущаго безсмертною жизнію въ устахъ и въ душѣ своего народа, изобразить трупомъ! Лицо, по всему вѣроятію, срисовано съ маски, снятой съ мертваго. Носъ и профиль нисколько не напоминаютъ Мицкевича, но уста поэта имѣютъ поразительное сходство, сколько я ихъ помню.

Выставка художественная Варшавы приноситъ честь ея художникамъ. Видно, что живопись цвѣтетъ на берегахъ Вислы и что племена Славянскія идутъ быстро и въ музыкѣ, и въ искусствахъ образованныхъ въ слѣдъ западнымъ своимъ учителямъ.

Послѣднимъ моимъ впечатлѣніемъ въ Варшавѣ была волшебная иллюминація въ Лазенкахъ. Я не видалъ ничего ей подобнаго. Огромныя перистили, аркады и шпалеры изъ огней вели къ озерамъ, окаймленнымъ также разноцвѣтными огнями. Острова въ видѣ радужныхъ купъ поднимались изъ водъ освѣщеннаго озера и отражаясь опрокидывались въ нихъ. Лебеди, пробужденные необычайнымъ свѣтомъ и шумомъ, въ испугѣ плавали въ разныя стороны. Собіесскій на мосту пылалъ огнями. Остряки говорили, что славный защитникъ Вѣны не даромъ являлся въ такомъ великолѣпномъ освѣщеніи.

Но иллюминація, какъ бы ни была хороша, всегда подъ конецъ утомляетъ, потому что, ослѣпивъ глаза, не насытитъ души. Таково и всякое пышное зрѣлище. Это все одинъ и тотъ же парадъ, только выраженный огнями.

Нѣсколько разъ любовался я бронзовымъ памятникомъ Копернику, который Поляки воздвигли своему славному собрату, измѣрившему звѣздное небо смѣлою мыслію. Превосходное произведеніе Торвальдсена! Великая, но спокойная мысль блещетъ на челѣ ученаго, со-

зерцающаго небо; глобусъ и циркуль въ рукахъ знаменуютъ великое дѣло его на землѣ.

*

Огромнѣйшій вагонъ съ хвостомъ нескончаемымъ принялъ насъ въ свои объятія и повезъ въ Вѣну. Хвостъ его по дорогѣ все росъ болѣе и болѣе и выходилъ далеко изъ подмостокъ дебаркадера такъ, что надобно было карабкаться въ его двери, словно на пароходъ. Полный Австрійскій кондукторъ довольно грубо принималъ новыхъ гостей и мало заботился о ихъ размѣщеніи. Вагоны совсѣмъ не такъ спокойны и удобны какъ Польскіе.

Ночью сосѣдство шумной компаніи Австрійскихъ офицеровъ было вовсе некстати для пассажировъ, желавшихъ покоя. Смѣхъ и грубыя шутки тревожили сонъ и возмущали чувство приличія. Судя по нѣкоторымъ словамъ замѣтно было, что Австрійскіе офицеры водились и съ Русскими солдатами, но выучились у нихъ не тому чтò надобно. Все матеріальное воспитаніе Австрійскаго воина такъ и отзывалось всякою грубостію отъ этой пылкой офицерской ватаги, наполнявшей сосѣднее отдѣленіе. Никакого чувства приличія, ни благороднаго стыда, ни вниманія къ своимъ сосѣдямъ: безобразно до дикости! Въ шесть часовъ утра мы пріѣхали въ Вѣну. Чиновники городской таможни вздумали было опять придираться къ тѣмъ мѣшкамъ съ которыхъ слетѣли Австрійскіе орлы Щаковской таможни; имъ хотѣлось взять взятку, но не удалось. Австрійскій чиновникъ также привязчивъ какъ пограничный Жидъ, съ тою притомъ еще разницею, что онъ грубѣе.

14-го Октября, въ Вѣнѣ, мнѣ суждено было услышать горькую вѣсть о кончинѣ А. С. Хомякова. Ее передалъ мнѣ нашъ священникъ М. Ѳ. Раевскій, предполагая, что я уже все знаю, и поразилъ меня ею, какъ громомъ. На другой день онъ служилъ для насъ заупокойную обѣдню и панихиду по незамѣнимомъ покойникѣ. Это было въ Субботу, 15-го Октября, въ тотъ самый день, какъ Московскіе друзья и почитатели Хомякова хоронили его въ Даниловѣ монастырѣ. О какъ было горько и тошно принять на чужбинѣ такую ужасную вѣсть!

Вотъ то, что я прежде сказалъ уже о Хомяковѣ, какъ поэтѣ, въ Исторіи Русской Словесности, написанной на Итальянскомъ языкѣ вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ и другомъ Рубини. «Изо всѣхъ поэтовъ живущихъ въ Россіи, Хомяковъ, другъ и сверстникъ Веневитинова, сохранилъ въ наибольшемъ совершенствѣ искусство лирическаго стиха, завѣщаннаго Русской поэзіи Пушкинымъ и Языковымъ. Хомяковъ сберегъ тайну его поэтической красоты въ ея неприкосновенной цѣлости. Писатели Русскіе умѣли признать въ немъ эту заслугу и единогласно избрали его въ 1858 году предсѣдателемъ возобновленнаго въ Москвѣ Общества Любителей Россійской Словесности. Прекрасны его стихотворенія, внушенныя ему вѣрою и отечествомъ. Хомяковъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ лириковъ, которые любятъ воспѣвать свои личныя чувства, или туманно оплакивать разочарованіе своей жизни. Всегда возвышенная идея одушевляетъ лиру Хомякова, и когда онъ ея касается, то кажется жрецомъ входящимъ въ святилище, или прорицателемъ, который для народа своего снимаетъ покровъ съ его будущаго. Поэзія для Хомякова была не простымъ искусствомъ, но посланіемъ свыше, дѣйствіемъ вѣры, долгомъ

жизни. Человѣкъ энциклопедическій, онъ не довольствуется поэзіею, но занимается многими науками и языками, владѣя на письмѣ Англійскимъ и Французскимъ какъ своимъ собственнымъ. Въ мірѣ Европейскомъ онъ извѣстенъ произведеніями богословской полемики, писанными пофранцузски и переведенными на Нѣмецкій языкъ. Хомяковъ стоитъ въ главѣ того движенія, которое у насъ въ наукѣ и словесности извѣстно подъ именемъ Славянскаго».

Святыя, пророчественныя думы о Россіи, о томъ, что̀ она хранитъ въ себѣ завѣтнаго и лучшаго, ни въ чемъ такъ не выражены, какъ въ его стихотвореніи: «Ключъ».

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключъ:
Онъ также воды льетъ живыя,
Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.
И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу, да Его святымъ.
Но водоема въ тѣсной чашѣ
Не вѣчно будетъ заключенъ;
Нѣтъ, съ каждымъ днемъ живѣй и краше
И глубже будетъ литься онъ.
И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.
Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!
Смотрите, мчатся черезъ волны
Съ богатствомъ мыслей корабли,
Любимцы неба, силы полны,
Плодотворители земли!
И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіянъ весь міръ лучами
Любви, святыни, тишины.

Мысль, здѣсь выраженная, есть истина, въ которой заключено все великое будущее Россіи. Это пророческое видѣніе души чистой и высокой, неизмѣнно любившей свое отечество и вѣровавшей въ его святое назначеніе. Когда вникаешь во всю духовную силу этого стихотворенія, тогда при мысли о смерти поэта, будутъ особенно поразительны двѣ другія строфы изъ его «Сна»:

Но часъ насталъ. Меня во гробъ сокрыли;
Мои уста могильный хладъ сковалъ;
Но изъ могильной тьмы, изъ хладной пыли
Гремѣла пѣснь, и сладкій гласъ звучалъ.
Вѣка прошли, и племена другія
Покрыли край, гдѣ прахъ пѣвца лежалъ;
Но не замолкли струны золотыя,
И сладкій гласъ по прежнему звучалъ...

Хомяковъ принадлежитъ не одной Русской поэзіи, но и Русской наукѣ. Онъ стоитъ въ той эпохѣ нашей жизни, когда поэзія начала уже уступать мѣсто наукѣ, и чувство истины, замѣняя чувство красоты, вызывало насъ въ міръ знанія. Хомяковъ, какъ поэтъ по призванію, былъ особенно богатъ въ наукѣ такими мыслями, которыя, такъ сказать, творятся и составляютъ первоначальный синтезъ науки, образуя въ ней первый проблескъ, общее предшествующее воззрѣніе. Объ немъ можно было тоже сказать, что Гейне сказалъ о Ж. П. Рихтерѣ: «онъ даетъ вамъ сѣмена кедровъ, дубовъ, сосенъ, вообще деревьевъ огромныхъ; только развивайте ихъ». Таковъ былъ и Хомяковъ. Онъ оживлялъ всѣхъ его окружавшихъ своею неистощимою мыслію, которая касалась всѣхъ вопросовъ жизни.

При несчастномъ устройствѣ нашего общества и нашей литературы, не уважающихъ ни одной замѣчательной личности, Хомяковъ проходилъ для насъ почти даромъ. Духомъ своимъ, мыслію и словомъ онъ существовалъ для немногихъ. Когда голосъ избранныхъ призвалъ его на мѣсто предсѣдателя Общества Любителей Р. Словесности, и тутъ нашлись такіе изъ литературной нашей черни, которые стали бросать въ него комьями своей грязи и брали его на прокатъ для карикатуръ своихъ; потому что надобно же было имъ взять кого нибудь позначительнѣе и побезопаснѣе, а то вѣдь другихъ пожалуй и взяли бы, да нельзя безъ оглядки—товарищи отомстятъ. Оно и благородно, и великодушно. Можно ли отъ такихъ людей ожидать хоть малѣйшей искры живаго огня и свѣта? Это мнимыя искры гнилушекъ, или блудящій огонь болота, свѣтящій только бѣсамъ и вѣдьмамъ на литературномъ шабашѣ нашей журналистики.

Грусть наполняла душу. Сѣрое небо Вѣны и горные туманы, покрывавшіе всю атмосферу, еще болѣе ее умножали. Отрадно было увидѣть братьевъ Славянъ на вечерѣ у К. С. и И. С. Аксаковыхъ [25]). Они вѣрнѣе Славянской мысли и дѣлу, чѣмъ мы Русскіе. Нѣмецкія цѣпи на ихъ рукахъ плодотворнѣе дѣйствуютъ на ихъ народное чувство, чѣмъ наша государственная самостоятельность.

При грустномъ настроеніи души кстати было взглянуть на надгробный памятникъ эрцгерцогинѣ Христинѣ, воздвигнутый Кановою. Какъ здѣсь во всякой чертѣ лица, во всякомъ движеніи тѣла, во всякой складкѣ платья, выражена грусть души! Искусство прекрасной формы, кажется, тутъ дошло до крайняго предѣла своего выраженія и покорило бездушный мраморъ самому живому чувству скорби.

Ни въ чемъ такъ не обозначился весь матеріализмъ Вѣнской жизни, какъ въ нескончаемомъ множествѣ ея магазиновъ. Весь такъ называ-

[25]) Изъ Вѣны доктора послали К. С. Аксакова на островъ Зантъ, гдѣ онъ и кончилъ чистую, высокую жизнь свою 7 Декабря того же 1860 года.

емый городъ (Stadt) есть одинъ безконечный магазинъ, простирающійся даже и на предмѣстія. Какъ совершенно потонулъ въ этомъ матеріализмѣ соборъ Св. Стефана, этотъ превосходный памятникъ готическаго зодчества! Его такъ осадила со всѣхъ сторонъ мелочная торговля моды и праздной роскоши, что въ ней почти исчезаетъ великая мысль строителя, олицетворенная въ храмѣ. Пошлость жизни мертвитъ и религію, и искусство, ею вдохновенное.

Странныя явленія поражаютъ въ Вѣнѣ путешественника, ее наблюдающаго. Памятники государямъ Австрійскимъ возвдигнуты по большой части не на народныхъ площадяхъ, а во внутреннихъ дворахъ императорскаго дворца. Это памятники не государственные и всенародные, а придворные и домашніе. Въ церкви Августинскаго ордена показываютъ сквозь щелочку сердца всѣхъ государей Австрійскихъ въ особенныхъ сосудахъ, и женщина, ихъ показывающая, замѣчаетъ притомъ, что сердце Маріи Терезы есть самое большое, разумѣется, по урнѣ, въ которую вложено. Нашъ чичероне хотѣлъ непремѣнно показать намъ императорскій дворецъ и употребилъ для того всевозможныя хитрости. Надобно было дожидаться цѣлыхъ три четверти часа, пока отворились двери. И то я еще попросилъ одного Австрійскаго офицера ускорить эту церемонію. Смотритель дворца, получающій доходъ съ этого показыванья, вводя посѣтителей въ каждую комнату, останавливается важно по серединѣ и повторяетъ однажды навсегда затверженный урокъ точно такимъ же тономъ, какимъ у насъ Нижегородскіе крестьяне показываютъ ученыхъ медвѣдей. Гобелены, покрывающіе стѣны двухъ залъ, изображаютъ битвы Австріи, которая любила завоеванія и пріобрѣтенія. Среди воспоминаній военной славы, соединенной съ человѣкоубійствомъ, ни одного воспоминанія славы мирной, законодательной, просвѣтительной. Колонны главной дворцовой залы сдѣланы изъ фальшиваго мрамора. Es ist aber kein Marmor, замѣтилъ я необыкновенно-гордому своимъ дворцомъ смотрителю. Dast ist Kunstmarmor [26]), возразилъ онъ, сохраняя ненарушимую важность вида и походки и засунувъ обѣ руки въ карманъ нижняго платья.

Поразило меня въ Вѣнскомъ выговорѣ Нѣмецкаго языка употребленіе буквы *о* вмѣсто *а*: Mohl вмѣсто Mahl, Sporkasse вмѣсто Sparkasse. Совершенная противоположность нашему Московскому выговору, который *о* превращаетъ въ *а*. Видно ужъ такъ во всемъ намъ суждено противорѣчить Австрійцамъ и не любить ихъ даже въ звукахъ ихъ голоса, враждебныхъ нашему уху.

Конституція, данная императоромъ Австрійскимъ передъ отъѣздомъ въ Варшаву, обозначилась въ Вѣнѣ свободою паспортовъ отъ надзора и штемпеля Вѣнской полиціи. Но эта свобода не простерлась однако до границы Австрійской и нисколько не коснулась Венеціи.

Прислушиваясь къ говору и мнѣнію народному, я замѣтилъ, что Австрійцы нисколько не стоятъ за Венецію и готовы бы были выгодно продать ее за хорошія деньги, лишь бы только избѣжать войны гибельной и разорительной для народа и государства. Венеція давно уже не имѣетъ торговаго значенія, благодаря политикѣ Австріи, которая прежде устроила вольную гавань въ Тріестѣ, чѣмъ въ Венеціи, и тѣмъ подорвала ея торговлю. Венеція есть памятникъ, развалины, благодаря той же дѣятельности Австріи, которая никогда не

[26]) Но это не мраморъ.—Это искусственный мраморъ.

хотѣла или боялась ее поддерживать; памятникъ историческій и художественный, дорогой для Италіи, но для Австріи не имѣющій ровно никакого значенія. Какая же охота превратить Венецію въ вѣчное яблоко раздора между Австріею и соединенною Италіей, которая всѣми силами своей огненной крови и души будетъ выручать свою морскую красавицу и рано или поздно выручитъ ее, во что бы то ни стало! Не лучше ли получить за нее хорошія деньги безъ потери крови съ той и другой стороны? А вѣдь деньги Австріи необходимо нужны.

Теперь Австрійское правительство выдало ассигнацій на 30 милліоновъ гульденовъ для размѣна крупныхъ денегъ на мелкія; бумажки начинаются съ десяти крейцеровъ. Въ Австріи вся и мѣдь пропала. Какъ же тутъ воевать и спасать Венецію? Не лучше ли взять за нее деньги и набить потуже опустѣлый карманъ? Это мнѣніе самого народа въ Австріи, который, конечно, себѣ добра желаетъ. Жаль, если не послушается народнаго мнѣнія правительство и затѣетъ войну кровавую и непримиримую. Успѣху тутъ не быть, потому что образъ мыслей всѣхъ значительныхъ правительствъ и особенно самихъ народовъ, включая и Австрійскій, противъ этой войны.

Я видѣлся съ Миклошичемъ въ Вѣнской библіотекѣ и выразилъ ему лично уваженіе мое за его неистощимое трудолюбіе и дѣятельность, съ какими движетъ онъ свои филологическія изданія. Онъ показалъ мнѣ замѣчательнѣйшія Славянскія рукописи, между которыми древній Октоихъ по языку и письму, и Патерикъ, писанный на Аѳонѣ, особенно заслуживаютъ вниманія. Мы остановились съ славнымъ филологомъ на сербизмахъ языка въ нѣкоторыхъ рукописяхъ. Я жаловался Миклошичу, что теперь Славянская филологія, возсоздавъ древнюю граматику Славянскаго языка, подводитъ подъ ея уровень всѣ древнія рукописи въ печатныхъ изданіяхъ и стираетъ всѣ живыя краски разнообразныхъ Славянскихъ нарѣчій, эти драгоцѣнные остатки жизни, оживляющіе мертвую букву рукописей. Такимъ образомъ наука вредитъ жизни и уничтожаетъ ее въ древнихъ памятникахъ; а какъ важно, чтобы она понимала свое къ ней отношеніе въ филологіи и во всѣхъ наукахъ! Знаменитый филологъ совершенно со мною согласился и вторилъ моимъ словамъ, хотя самъ нерѣдко приноситъ живые слѣды Славянскихъ нарѣчій, встрѣчающихся въ рукописяхъ, въ жертву древней, допотопной Слявянской граматикѣ, которая едва ли когда нибудь существовала въ своей отвлеченной цѣлости.

Послѣднимъ впечатлѣніемъ моимъ въ Вѣнѣ былъ Шенбруннъ. Великолѣпны архитектурные размѣры этого сада. Деревья въ осеннемъ уборѣ еще ярче выставляли свое исполинское величіе. Но никогда великолѣпіе природы не наводило на меня такой безвыходной скуки. Густые облака и туманъ осѣняли все какимъ-то мрачнымъ покровомъ. Даже звѣри, оставшіеся въ звѣринцѣ, бѣлые медвѣди, буйволы, выдры, были печальны и наводили тоску. Въ этотъ самый день императоръ Австрійскій возвратился изъ Варшавы въ Шенбруннскій дворецъ.

*

Дорога изъ Вѣны ведетъ черезъ отроги Норическихъ и Юлійскихъ Альпъ и быстро подымается вверхъ, вертясь улиткой, проходя мосты, смѣло накинутые черезъ бездны шумящихъ потоковъ и пронзая

нѣдра горъ на довольно большомъ разстояніи. Самая высокая вершина горъ, съ которой начинается уже спускъ, Зёммерингъ. Тутъ мы видѣли то малое пространство, на которомъ выстроена станція, а кругомъ туманъ, густо застилавшій бездны и горы. Для темныхъ подземныхъ коридоровъ зажигались въ вагонахъ лампы. Изрѣдка мелькалъ свѣтъ въ отдушинахъ, проведенныхъ для воздуха. Встрѣчали мы въ нихъ и другіе вагоны, ѣхавшіе въ Вѣну. Гулъ удвоивался подъ сводами земли. Виды изъ оконъ вагона по всей дорогѣ чудные на горы, на бездны, на долины, на потоки, на мосты кинутые черезъ нихъ, на стада, на городки, на села, на храмы, на древніе замки, на человѣка, который, кажется, ползетъ муравьемъ въ этихъ горахъ и такъ высокъ своею мыслію, теперь уже въ дѣйствительности уносящею его черезъ горы и бездны, подъ самое небо.

Никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвелъ на меня переѣздъ черезъ Альпы. Лишь только перемахнули мы за вершину Зёммеринга, какъ вдругъ въ одну минуту, разсѣялись густые туманы, растворилось ясное голубое небо, и теплое солнце за-альпійскихъ странъ насъ обдало и обогрѣло своими лучами. Мы уже предвкушали Италію. Но это было не надолго. Скоро послѣ, особенно къ вечеру, новые туманы заволокли небо и землю. Ночью незамѣтно спустились мы въ долины Славянской Италіи, и утро застало насъ въ Набрезинѣ, гдѣ приняли насъ новые вагоны, чтобы везти прямо въ Венецію.

Здѣсь Славянскій и Итальянскій элементы сходятся дружно, но оба гнететъ съ одинаковой силою Австрія. Это замѣтно даже въ именахъ. Итальянцы сохранили Набрезину, Горицы, имя которое и у насъ встрѣчается, но Нѣмцы Пѣсницу (вѣроятно такъ названную отъ пѣсенъ, столько любимыхъ Славянскимъ племенемъ) съумѣли превратить въ Пёзницъ.

Отъ Набрезины мы уже увидѣли Адріатическое море. Въ Горицахъ, два племени, Итальянское и Славянское, такъ сходятся, что проповѣдь народу совершается на томъ и на другомъ языкахъ, какъ сказали намъ два духовные спутника, сидѣвшіе въ одномъ съ нами вагонѣ. Отъ Набрезины до Горицъ оба элемента, Славянскій и Итальянскій, виднѣются ясно и въ лицахъ народа. Русый и голубоокій Славянинъ работаетъ на дорогѣ вмѣстѣ съ черноволосымъ и черноглазымъ Итальянцемъ. Рѣчь въ Славянскомъ племени здѣсь Словеньская, которой лексиконъ и граматику издалъ Фрелихъ, переведшій свое имя и пославянски: Веселичъ. Я имѣю его изданія въ своей Московской библіотекѣ [27]).

Почти отъ Местра начинается мостъ черезъ море, ведущій желѣзную дорогу къ Венеціи. Чудное впечатлѣніе! Но, кажется, съ тѣхъ поръ какъ чугунка прошла черезъ море, оно уступаетъ права свои землѣ. Его дно, все покрытое морскими растеніями, видно насквозь изъ оконъ вагона.

Венеція съ куполомъ Св. Марка, съ своими храмами, дворцами, островами, арсеналомъ, дворцомъ дожей, встаетъ передъ вами во всей древней и печальной красѣ своей. Никогда, безъ какого-то сладкаго трепета, нельзя было подъѣзжать къ этому городу, воспѣ-

---

[27]) Превосходная библіотека С. П. Шевырева нынѣ пріобрѣтена Нѣжинскимъ Лицеемъ.

тому столькими славными поэтами и у насъ, и по всему міру! Но теперь, въ это время, и сильная грусть, и великая мысль сливаются въ одно полное созвучіе, когда издали завидишь этотъ городъ.

Умы, сердца, глаза всей Италіи обращены на нее, на эту красавицу моря, на эту вдовицу славныхъ дожей, на мать великихъ художниковъ и писателей. Вмѣстѣ съ Италіею обращены сюда взоры всего мыслящаго и любящаго человѣчества. Что, совершится ли великодушная уступка, или нѣтъ? Восторжествуютъ ли когда нибудь разумъ и любовь въ Европейской политикѣ надъ властолюбіемъ, малодушіемъ и завистью? Или кровь человѣчества обагритъ эти воды, и огненный пиръ войны закипитъ вокругъ Венеціи, и бомбы полетятъ въ ея памятники, храмы и картины? О какъ бы Австрія выиграла въ мнѣніи народовъ, если бы согласилась на сдѣлку и отвела бы денежнымъ разсчетомъ нескончаемое человѣкоубійство! Но увы, желанія лучшихъ людей сбываются не иначе, какъ путемъ жертвъ и страданій! О если бы хотя па этотъ разъ сбылось такъ, и исторія могла вписать въ свои скрижали хотя одно истинно-великодушное дѣло политики, какъ достопамятное исключеніе!

Вагоны остановились у дебаркадера. Все пріѣхавшее населеніе хлынуло въ одну дверь и столпилось въ одной передней. Вольная Венеціянская гавань не осматриваетъ вещей при въѣздѣ, но за то содержитъ строгую Австрійскую таможню на людей. Безъ паспорта и безъ личнаго осмотра нельзя войти въ рай окованной Венеціи. Дверь этого рая чрезвычайно узка. У нея стоитъ усатый и сердитый солдатъ, который вмѣсто цѣпи то поднимаетъ руку свою, чтобы немилосердо отодвинуть наступающую толпу, то опускаетъ ее, чтобы дать ей взойти для предъявленія паспорта. Дамы, младенцы, дѣти, люди обоего пола, всякаго званія и всѣхъ возрастовъ, тѣснятся къ желанному входу. Эта сцена напомнила мнѣ что-то въ родѣ сценъ изъ Дантова Ада, особенно Харона, принимающаго души умершихъ въ свою лодку и отталкивающаго излишнихъ, которыхъ не могла бы вмѣстить она. Дантъ, современный намъ, перенесъ бы эту сцену непремѣнно въ свою поэму.

Вотъ наконецъ мы на берегу большаго канала, у траурныхъ гондолъ Венеціи, изъ которыхъ двѣ приняли насъ съ нашими пожитками и повезли въ гостинницу Св. Марка. Но прежде чѣмъ мы отчалили, надобно было подать милостыню бѣдному rampino, который крюкомъ придерживаетъ къ берегу барку, пока вы въ нее садитесь. Rampino—чисто Венеціанское явленіе. Тысячи стариковъ, морскихъ инвалидовъ, разставшихся съ бурями моря, не имѣютъ другаго промысла, какъ этотъ крюкъ (rampino), придерживающій гондолу, какъ вы въ нее садитесь или изъ нея выходите.

*

Всякому, кто дорожитъ достоинствомъ и благородствомъ слова политическаго и общественнаго, какимъ должны быть современные журналы и газеты, непремѣнно полюбится ежедневная литература Италіи во всѣхъ столичныхъ городахъ ея, гдѣ только новый духъ гражданской свободы одушевилъ и развязалъ это слово. Оно отличается, по большей части, всюду характеромъ обдуманности, зрѣлости, основательности. Не страсть личная писателей, но духъ отечества внушаетъ его. Глубокое изученіе наукъ политическихъ, юридическихъ, историческихъ, издавна пустившее корни во всей Италіи,

предлагаетъ ему твердыя основы, почву незыблемую. Философія Данта, Вико, Джіоберти, озаряетъ его общими свѣтлыми мыслями. Наконецъ искусство и вкусъ предлагаютъ ему формы изящныя, привлекательныя.

Наканунѣ втораго Ноября мы пріѣхали въ Миланъ. Этотъ день Римско-католическая церковь посвящаетъ поминовенію мертвыхъ. Истинныя чувства, выраженныя въ этотъ день газетою Perseveranza въ честь погибшихъ защитниковъ освобожденнаго отечества, соотвѣтствуютъ благоговѣйному обряду церкви, поминающей 2-го Ноября мертвыхъ.

Мы были въ Миланѣ въ самую счастливую минуту. Получена была телеграфическая депеша о побѣдѣ, одержанной королемъ Викторомъ Эмануиломъ, по ту сторону рѣки Гарильано. Капуа сдалась, и гарнизонъ ея, состоявшій изъ 11,000 слишкомъ человѣкъ, взятъ въ плѣнъ, конечно, добровольный. Неаполь и Сицилія присоединились къ Италіи. Въ это же время получены были телеграфическія извѣстія изъ Перуджіи и Анконы о томъ, что Умбрія и обѣ Марки сдѣлали тоже. Въ Перуджіи всѣ граждане, раздѣлившись на сотни, съ знаменемъ національнымъ, надписавши на шляпахъ Si (да), при крикахъ: да здравствуетъ король! спѣшили класть свободные голоса свои въ сосудъ народнаго мнѣнія въ пользу соединенной Италіи.

Былъ день Карла Борромея, святаго мужа, въ которомъ Миланцы чтутъ благодѣтеля народа. Я нарочно довольно рано пошелъ въ церковь, ему посвященную, на Корсо Витторіо, и въ Миланскій соборъ. Множество народа въ обоихъ храмахъ приносило свои молитвы, въ томъ числѣ и воины—защитники отечества. Въ соборѣ покоятся мощи святаго; онѣ были въ этотъ день выставлены въ углубленіи посереди собора и освѣщены лампадами. Народъ тѣснился около нихъ.

Особеннымъ религіознымъ характеромъ отличается переворотъ, совершающійся теперь въ Италіи. Народъ весьма благоразумно умѣетъ различать злоупотребленія духовной власти отъ самой религіи, которой онъ былъ всегда преданъ. Въ тяжкія минуты бѣдствій своихъ и при свѣтломъ началѣ своего возрожденія, онъ еще болѣе чѣмъ когда нибудь чувствуетъ потребность въ вѣрѣ, въ утѣшеніяхъ, ею предлагаемыхъ, въ разумѣ вѣчной истины, которую она содержитъ и которой свѣтъ долженъ озарить новое дѣло гражданской свободы. Итальянцы понимаютъ, что, будучи раздѣлены политически внѣшнимъ образомъ, они всегда хранили внутреннее свое единство и тѣмъ обязаны были религіи, искусству ею вдохновенному, и литературѣ, взятой въ обширномъ смыслѣ. Сохранивъ въ самихъ себѣ это духовное единство, какъ народное сокровище, они получили силы возвратить и единство внѣшнее политическое, которое могло быть только вѣрнымъ результатомъ единства внутренняго.

Толпы молельщиковъ, приходившихъ въ храмъ и выходившихъ изъ него, мнѣ явно свидѣтельствовали о томъ, какъ сильна религія въ этомъ народѣ и какую потребность въ ней онъ ощущаетъ. Но меня поражало теперь сильнѣе одно явленіе, которое и прежде я замѣчалъ въ религіозной жизни Италіи: въ этомъ приливѣ и отливѣ людей, отдѣльно молящихся, я не видалъ стремленія ихъ слиться въ одно цѣлое, составить одну церковь въ самомъ обрядѣ богослуженія, и это, конечно, зависитъ отъ самаго обряда, совершаемаго или глухо священниками про себя, не сообщая таинства словомъ, или открыто, всенародно, но на Латинскомъ языкѣ, для народа непонятномъ. Одинъ

только органъ соединяетъ еще народъ Итальянскій въ храмѣ въ одно молящееся цѣлое; но музыка не слово, а вѣра требуетъ не одного чувства, но и участія мысли въ молитвѣ. Чувство можетъ выразиться звуками, но для мысли нужно слово опредѣленное.

Соборъ Миланскій, когда я нынѣшній разъ вошелъ въ него, произвелъ весьма стѣснительное впечатлѣніе па меня. Я почувствовалъ какое-то внутреннее утомленіе, безсиліе души, тягость нервическую. Таково дѣйствіе готическаго зодчества. Я и прежде ощущалъ его, но не въ такой степени. Огромность и темнота храма подавляютъ духъ, и потребно его усиліе въ молитвѣ, чтобы вознестись надъ мракомъ и осилить первое трудное впечатлѣніе. Тутъ необходимъ органъ, помогающій душѣ совершить это внутреннее дѣйствіе. Музыка даетъ ей крылья, возноситъ ее надъ этимъ мракомъ и открываетъ ей внутренній міръ, для нея созданный. Но органа не было, и я не могъ настроить души своей къ подобному дѣйствію.

Готическіе храмы, какъ Св. Стефана въ Вѣнѣ и соборъ Миланскій, напомнили мнѣ о томъ таинственномъ ужасѣ лѣсовъ, который обожали древніе Германцы по свидѣтельству Тацита, видя въ этомъ ужасѣ внѣшнее явленіе божества.

Но въ нашихъ древнихъ храмахъ, особенно если строены они объ одной главѣ, нѣтъ этого ужасающаго мрака, и отсутствуетъ подавляющее съ перваго раза впечатлѣніе. Лучи свѣта, проходя черезъ продольныя окна шеи купола, съ неба обливаютъ свѣтомъ всю церковь и особенно все духовное христіанское небо иконостаса, и четыре столпа храма, изображающіе мучениковъ, исповѣдниковъ и воиновъ христіанства. Это первое впечатлѣніе свободно переноситъ духъ вашъ въ небо, и Богъ принимаетъ васъ съ любовію въ своемъ домѣ и съ открытыми объятіями Отца, устремляя мысль вашу прежде всего къ основной истинѣ христіанства, къ довѣчному рожденію Сына отъ Отца, къ дѣйствію высочайшей любви Своей, которое есть вмѣстѣ и дѣйствіе Его верховной премудрости, а за тѣмъ къ воплощенію Сына земному, къ лону Его Матери, откуда истекло ваше спасеніе, и любовь предвѣчная стала любовью совѣчною всѣмъ вамъ, въ нее вѣрующимъ. Куда же скрылась эта основная истина христіанской церкви въ храмахъ готическихъ? Какъ отъискать ее въ этихъ потьмахъ, васъ окружающихъ? Какъ подняться до Бога сквозь этотъ мракъ? Онъ открываетъ Себя вамъ не свободно, но какъ будто требуетъ, чтобы вы прошли черезъ таинственное ярмо Его гнѣва и ужаса и чтобъ вы дѣйствіемъ такого униженія стяжали свободу Его верховной любви и истины.

Впрочемъ, всѣ пути ведутъ вѣрующаго къ Богу, и пожелаемъ, чтобы человѣчество этими разнообразными путями дошло къ Нему въ своей жизни и у престола Его соединилось въ любовь взаимную, которая одна только могла бы запечатлѣть безъ страха явленіе его свободы.

(Продолженіе будетъ).

Воспоминанія доктора Зейдлица

о турецкомъ походѣ 1829 года [1]).

III.

Адріанополь.—Отъ Адріанополя до Константинополя.

Въ Буюкъ-Дербентѣ, въ 40 верстахъ до Адріанополя, пришелъ я въ себя. Здѣсь надо было устроить госпиталь, такъ какъ въ Главной Квартирѣ состояло 800 больныхъ. Ихъ оставили въ Буюкъ-Дербентѣ подъ надзоромъ доктора Сахарова. По отзыву Даля, между ними было нѣсколько случаевъ дисентеріи, большая же часть страдала перемежающейся лихорадкой, которая, тотчасъ по вступленіи войскъ въ басейнъ Румеліи, приняла злокачественный характеръ, оказавшійся гибельнымъ для нашей арміи. Къ довершенію тревоги, въ Камчатскомъ резервномъ полку, пришедшемъ вслѣдъ за нами изъ гавани Зицболья, показались на больныхъ признаки чумы. Они вышли оттуда здоровые, присоединились къ Главной Квартирѣ 5 Августа, были подвергнуты строгому осмотру, и тутъ-то 5 человѣкъ оказалось съ подозрительными признаками болѣзни. Тотчасъ ихъ и еще 14 человѣкъ, имѣвшихъ съ ними сношенія, отдѣлили и оставили въ Буюкъ-Дербентѣ. Полкъ оцѣпили, и такъ онъ дошелъ до Адріанополя, гдѣ и выдержалъ благополучно карантинъ. Также и тѣ 19 больныхъ, оставленные въ Дербентѣ, выздоровѣли и впослѣдствіи вернулись въ Адріанополь, гдѣ ихъ однако помѣстили въ отдаленныхъ палаткахъ и продержали подъ строгимъ надзоромъ до Октября. Но и помимо чумы, стоянка въ Адріанополѣ была для насъ тягостна, а впослѣдствіи и гибельна. Мы такъ радовались, что пойдемъ впередъ за корпусомъ Рота и что еще дня два, и наша кавалерія, уланы и казаки, будутъ поить коней въ «Прѣсныхъ водахъ» Константинополя, и вдругъ всѣ наши надежды рушились! Въ Луле-Бургасѣ Ротъ получилъ приказаніе остановиться. А между тѣмъ бѣгущіе Турки въ смятеніи уже готовы были сжечь свою временную столицу и переселиться въ Скутари; тогда на этой tabula rasa возникла бы новая Византія! Вмѣсто того, благодаря дипломатіи, изо всѣхъ силъ старавшейся препятствовать нашему дальнѣйшему движенію, наши храбрыя войска были осуждены на жестокую участь: въ мирное время въ Румеліи болѣзни сгубили пятую часть изъ нихъ! Три мѣсяца прожили мы въ полнѣйшей неизвѣстности насчетъ того, что будетъ

---

[1]) См. первую книгу Русскаго Архива сего года, стр. 412.

завтра—пойдемъ ли мы впередъ, или вернемся въ Россію; благодаря этой неизвѣстности, всѣ мѣры и распоряженія имѣли въ виду только ближайшее будущее. Когда же наконецъ былъ объявленъ обратный походъ въ Россію, у насъ на рукахъ оказалось 5000 больныхъ, съ которыми мы не знали что дѣлать: за отсутствіемъ дорогъ, ихъ нельзя было ни перевезти, ни принять необходимыхъ мѣръ для защиты ихъ отъ наступившихъ холодовъ.

Хотя въ Буюкъ-Дербентѣ осталось 800 больныхъ, но когда мы 12 Августа пришли въ Адріанополь, въ походномъ госпиталѣ при Главной Квартирѣ было всего 26 больныхъ офицеровъ и 226 рядовыхъ. Мы тотчасъ же заняли часть новыхъ Турецкихъ казармъ и устроили постоянный госпиталь, въ которомъ я былъ главнымъ докторомъ до самаго отъѣзда моего въ Константинополь съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ, нашимъ чрезвычайнымъ посломъ. Представьте себѣ продолговатое двухъ-этажное, квадратное зданіе, выстроенное за городомъ, на отлогомъ холмѣ. На продольной сторонѣ 150 окошекъ, на поперечной 100; въ восточной части возвышается стройный минаретъ; передъ зданіемъ разстилается огромная лужайка, а за ней чинаровая роща, сады и кладбища. Городъ выстроенъ амфитеатромъ, среди зелени мелькаютъ плоскія крыши домовъ; стройные минареты мечетей, краше которыхъ нѣтъ нигдѣ на Востокѣ, высятся къ небу. Прибавьте еще, что 15,000 регулярнаго Турецкаго войска, которому надоѣла война, спѣшатъ положить или, лучше сказать, побросать оружіе, чтобы дать мѣсто народу; толпы выходятъ къ намъ на встрѣчу съ хлѣбомъ, плодами, виномъ. Нашъ въѣздъ походилъ на торжество. Кто же могъ предполагать, что именно здѣсь, гдѣ все смотрѣло такъ привѣтливо, мы потеряемъ больше людей, чѣмъ стоила бы намъ осада Константинополя? 17 Августа у насъ уже было 1,616 больныхъ, 27 Авг. 3,666; 1 Сентября уже 4,641, тогда какъ у насъ всего войска было 13,000 чел.; слѣдовательно черезъ 18 дней третья часть лежала въ лёжку. Намъ присылали больныхъ отовсюду, а между тѣмъ мы могли только дать имъ пріютъ и обыкновенную пищу. Да и тутъ иногда встрѣчались затрудненія, потому что нельзя было запасать всего надолго. Докторовъ было довольно, но работать приходилось свыше силъ человѣческихъ: надо было самимъ готовить лекарства, самимъ давать ихъ больнымъ; не было ни фельдшеровъ, ни больничной прислуги. Постоянное пребываніе въ госпиталѣ и усиленная дѣятельность наконецъ оказались не подъ силу самымъ ретивымъ. Тогда устроили очередь: одна половина отдыхала, покуда другая работала и, благодаря этому, изъ тридцати докторовъ, за все время до Ноября умеръ только одинъ. Впослѣдствіи, когда часть докторовъ отправилась вмѣстѣ съ войскомъ въ Болгарію, у насъ оказался въ нихъ недостатокъ; къ тому же въ Адріанополѣ появилась чума, и тамъ, какъ и вездѣ, они первые сдѣлались ея жертвами.

Адріанополь лежитъ на песчаныхъ и глинистыхъ холмахъ по лѣвому берегу Марицы. Эта довольно многоводная рѣка образовалась изъ слiянiя двухъ рѣкъ—Тунджы и Арды. При соединеніи ихъ, а также и на всемъ правомъ берегу, почва низменная, плоская и болотистая; за 2,500 шаговъ далѣе поднимается нѣсколько отлогихъ холмовъ; на нихъ расположены двѣ или три деревни и нашъ госпиталь, который отдѣлялся отъ города низкой равниной; въ восточной ея части лежитъ Эски-Серай, а западная занята садами и предмѣстьями. Между городомъ и Эски-Сераемъ два рукава рѣки образуютъ

низкій островъ, заросшій великолѣпными чинарами [2]); тутъ расположились лагеремъ Главная Квартира и войска. Передъ госпиталемъ стояла часть артилеріи; солдаты помѣщались въ зданіи госпиталя, но скоро имъ пришлось уступить мѣсто больнымъ, которые все прибывали.

Между рѣкою и холмами, на которыхъ построенъ городъ, тянется узкая полоса земли, составляющая продолженіе города: тутъ живутъ Болгары и Евреи. Весною вода заливаетъ всю эту мѣстность. По ту сторону Адріанополя снова песчаная плоскость; только на Востокѣ виднѣется возвышеніе, гдѣ добываютъ мраморъ. Въ городѣ 80,000 жит., изъ которыхъ половина христіане. Въ серединѣ города за старыми стѣнами идутъ узкія, кривыя улицы; выдающіяся надстройки домовъ сходятся наверху и образуютъ въ иныхъ мѣстахъ родъ сплошной крыши. Внѣ ея улицы шире, много товарныхъ амбаровъ, складовъ, кое-гдѣ попадаются сады въ перемежку съ домами; есть также торговые ряды крытые и некрытые, но площадей нѣтъ ни одной. Дома большею частью деревянные; благодаря неровной почвѣ, улицы то поднимаются, то спускаются; мостовыя крайне плохи; послѣ дождя грязь вездѣ непроходимая. Въ городѣ множество фонтановъ съ свѣжей хорошей водой, проведенной издалека; въ Марицѣ же вода зеленоватая, мутная и для питья не годится, потому что въ нее спускаютъ всѣ городскія нечистоты. За городомъ, внизу, у самой рѣки, расположены кожевенные заводы, красильни и бойни. Всѣ другія мастерства находятся въ самомъ городѣ и производятся обыкновенно на улицахъ. На рѣкѣ стоитъ нѣсколько водяныхъ мельницъ. Кругомъ города есть пашни, огороды; воздѣлываются фруктовыя и тутовыя деревья, виноградъ и хлопчатая бумага; овцы и рогатый скотъ въ изобиліи; хлѣбъ плохъ. Вино здѣсь во всеобщемъ употребленіи, но не хорошо: въ красное подмѣшиваютъ для цвѣта сандалъ, а для крѣпости Capsicum. Рыбы мало, и она невкусна, оттого что живетъ въ мутной водѣ. Турки составляютъ только третью часть всего населенія; остальные жители—Греки, Болгары и Евреи. Болгары отличаются сильнымъ и красивымъ сложеніемъ; они трудолюбивы и очень общительны. Кладбища находятся къ Югу отъ города, также на правомъ берегу Марицы, между городомъ и казармами, гдѣ мы помѣщались и дальше за казармами. Наши казармы выстроены на старомъ кладбищѣ; на дворѣ у насъ изъ подъ земли всюду выглядывали кости. Зимою, когда недоставало дровъ, солдаты стали ихъ употреблять на топливо. Почва глинистая на известковой подпочвѣ; лѣсовъ по близости совсѣмъ нѣтъ.

Казармы, въ которыхъ помѣстился нашъ госпиталь, стоятъ на 1,500 шаговъ къ Сѣверо-востоку отъ города и предназначались нынѣшнимъ султаномъ для регулярныхъ войскъ. Каменная массивная постройка состоитъ изъ четырехъ корпусовъ, соединенныхъ подъ прямыми углами такимъ образомъ, что въ серединѣ образуется дворъ въ 600 шаговъ длиною и 350 шириною. По угламъ двора фонтаны съ двѣнадцатью кранами; пятый стоитъ передъ восточнымъ корпусомъ, въ которомъ мечеть. Къ внѣшней сторонѣ западнаго корпуса примыкаетъ боковой дворъ, гдѣ находятся кухни и Турецкая баня. Въ этомъ корпусѣ мы помѣстили своихъ больныхъ. Вдоль всего зда-

---

[2]) Деревьевъ этихъ уже не существуетъ болѣе! Зимой, когда недоставало дровъ для госпиталя, Турки позволили вырубить свою рощу.

нія съ надворной стороны идетъ двухъ-этажная открытая галерея. Посреди южнаго корпуса надъ главными воротами находятся комнаты визиря, а угловыя помѣщенія назначены для штабъ-офицеровъ; комнаты же для оберъ-офицеровъ находятся между комнатами для рядовыхъ. Тутъ же рядомъ устроены отхожія мѣста, одно на 4 комнаты; всѣхъ 32, не считая тѣхъ, которыя при штабъ-офицерскихъ квартирахъ. Сообщаются они посредствомъ отверстій въ полу съ нижнимъ клоакомъ. Подъ домомъ проведены каналы для стока нечистотъ, но трубы всѣ были засорены. Двери всѣхъ помѣщеній выходятъ въ коридоръ. Полъ вездѣ кирпичный; въ жилыхъ комнатахъ устроены вдоль стѣнъ деревянныя нары на высотѣ 6 дюймовъ. Въ маленькихъ комнатахъ помѣщалось человѣкъ 20 больныхъ, въ другихъ больше, 40—60; въ иныхъ лежало до 100 чел. Такъ какъ сѣна и соломы у насъ не было, то вмѣсто матрацовъ мы употребляли разрѣзанныя на куски Турецкія палатки; ранцы клались подъ голову вмѣсто подушекъ, а одѣялами служили шинели. Въ кухняхъ и въ банѣ устроены особые водопроводы; какъ извѣстно, бани въ Турціи нагрѣваются посредствомъ трубъ, проходящихъ подъ поломъ. Здѣсь въ казармахъ баня мраморная и отличается своимъ изящнымъ устройствомъ.

Казалось, лучше подобнаго помѣщенія для больныхъ нельзя было и найти въ мѣстности, гдѣ нѣтъ деревень. Но къ несчастію въ комнатахъ было невообразимо грязно; отхожія мѣста, которыхъ было множество, заражали воздухъ зловоніемъ. Въ большей части оконъ не было стеколъ; иныя были даже безъ рамъ; ни одна дверь не затворялась плотно. Никто не ожидалъ, что придется тутъ провести осень, а еще менѣе зиму, потому и не позаботились о необходимыхъ поправкахъ; когда же наконецъ рѣшено было, что больные зазимуютъ тутъ, уже было поздно. Самое большое зло составляли неудобныя отхожія мѣста, не имѣвшія стока и которыя нельзя было чистить. Они были неудобны и для здоровыхъ; для больныхъ же, еле державшихся на ногахъ, никуда не годились. Между тѣмъ, у насъ было 5000 больныхъ, изъ которыхъ половина страдала дисентеріей, и хотя 50 человѣкъ рабочихъ постоянно заняты были уборкою нечистотъ, все - таки въ короткое время вся казарма заразилась отвратительнѣйшимъ запахомъ. Въ довершеніе бѣдъ, осенью потекло со стѣнъ и съ потолка, и въ нижнемъ этажѣ земляная настилка подъ поломъ превратилась въ болото. Сквозь двери и окна проникалъ холодъ и свободно разгуливалъ по нетопленнымъ комнатамъ. Всего этого было болѣе чѣмъ достаточно для появленія чумы при первомъ возможномъ случаѣ. Три мѣсяца прожили мы такимъ образомъ. Больные наши большею частію страдали поносами, дисентеріями, лихорадками, водянками и вообще болѣзнями брюшныхъ органовъ. Лихорадки обыкновенно оказывались смертельны, особенно же когда въ Октябрѣ онѣ начали появляться въ сопровожденіи дисентеріи. Во всей арміи, можетъ быть, было человѣкъ 500, избѣжавшихъ этой болѣзни, да и изъ этихъ счастливцевъ многіе вдругъ заболѣвали тѣмъ же по возвращеніи въ Россію, и въ такомъ случаѣ болѣзнь принимала упорный характеръ, такъ что слѣды ея долго еще гибельно отзывались на многихъ, побывавшихъ въ Турціи.

Конечно, при отдѣльныхъ случаяхъ заболѣванія, врачебная наука въ соединеніи съ хорошимъ уходомъ могла еще облегчить страданія и даже спасти жизнь, но когда эпидемія постигаетъ цѣлую армію, и

больные сотнями скучены въ одномъ госпиталѣ, тогда передъ зломъ безсильны всякія средства. Тутъ дѣло не въ лекарствахъ, а въ уходѣ за больными, чувствующими страшную слабость, равнодушіе къ жизни, и притомъ требующими постояннаго поддержанія чистоты вокругъ себя. Тутъ необходимо имѣть почти столько же прислуги, сколько больныхъ, и огромный запасъ бѣлья; необходимо, чтобъ воздухъ безпрестанно очищался, чтобъ не скоплялись ни испаренія, ни нечистоты, а при такомъ громадномъ количествѣ больныхъ никакія дезинфекціонныя средства не могли помочь злу. Вдыханіе зараженнаго воздуха поддерживаетъ уже развившуюся болѣзнь и отравляетъ кровь здоровыхъ людей. Въ Сентябрѣ всѣ лихорадки перемежающіяся и ослабляющіяся начали переходить въ дисентерію, кончавшуюся смертію; всѣ выздоравливающіе заболѣвали тѣмъ же. Въ Октябрѣ отъ этой болѣзни умерло 1300 больныхъ, вслѣдствіе того, что въ Адріанопольскій госпиталь прислали изъ Кирклиссы 1500 больныхъ дисентеріей. Я неоднократно протестовалъ противъ подобныхъ перемѣщеній безнадежно-больныхъ, но все напрасно: мнѣ отвѣчали, что «войскамъ приказано отступить назадъ съ передовыхъ позицій, и при этомъ, конечно, невозможно забирать съ собою больныхъ». Изъ немобилизированныхъ еще полковъ приходили всякій день 150—200 человѣкъ, больныхъ дисентеріей; они были такъ слабы, что еле-еле могли дотащиться до госпиталя. Весь Октябрь мѣсяцъ стояла отвратительная, сырая, холодная погода, и наши больные, не имѣвшіе теплой одежды [3]), жестоко страдали отъ холода въ нетопленныхъ комнатахъ. При двухъ или даже четырехъ градусахъ тепла они уже мерзли, какъ мухи осенью. Въ лагерѣ отъ постоянныхъ дождей почва превратилась въ болото, гдѣ ноги вязнули по колѣно, и никакія подстилки изъ сѣна или камыша не могли защитить отъ сырости въ палаткахъ. Отсутствіе теплаго ночлега и баней были самымъ чувствительнымъ лишеніемъ для нашихъ солдатъ. Сапогъ они не снимали ни днемъ, ни ночью, такъ сильно у нихъ болѣли пальцы на ногахъ и лодыжки; когда же наконецъ 16-го Октября былъ сдѣланъ осмотръ, мы были поражены: на пальцахъ была гангрена, и это не у одного или двухъ, а у двадцати или тридцати человѣкъ; и такъ всякій день. Тоже самое явленіе повторилось и на больныхъ въ госпиталѣ. Такъ какъ я насмотрѣлся на ужасы чумы по ту сторону Балканъ, то и распорядился, чтобъ помѣстить въ отдѣльную комнату всѣхъ больныхъ, у которыхъ послѣ лихорадки появились опухоли околоушныхъ железъ или вообще какіе нибудь нарывы. Лѣченіе было поручено моему помощнику, штабъ лекарю Леконту, и къ комнатѣ была приставлена стража. Ему было вмѣнено въ обязанность всѣхъ вновь прибывающихъ больныхъ подвергать тщательному осмотру и, при малѣйшемъ сомнительномъ признакѣ, помѣщать отдѣльно отъ другихъ. Въ срединѣ Октября пріѣхалъ къ намъ Иконниковъ, подъ вѣдѣніемъ котораго находились еще въ 1828 г. чумные госпитали въ Валахіи; онъ прожилъ при нашемъ госпиталѣ пять дней, осмотрѣлъ всѣхъ больныхъ и не нашелъ ни на одномъ признаковъ чумы. Главный докторъ Румелійскихъ госпиталей, Аммонъ, пріѣхавшій къ намъ 22-го Октября, былъ того же мнѣнія. Между тѣмъ въ Айдосѣ, Ахіолѣ, Мисим-

---

[3]) Благодаря дурнымъ дорогамъ и чумѣ, открывшейся между вощиками, транспортъ съ бѣльемъ и полушубками на 2000 чел. пришелъ изъ Ахіоля въ Адріанополь только въ Декабрѣ.

вріи, Бургасѣ, вездѣ неудержимо свирѣпствовала чума, и нельзя было далѣе надѣяться, что зло минуетъ большой Адріанопольскій госпиталь. Безпорядки въ хозяйственной части управленія дошли до такой степени, что я сталъ просить докт. Витта объ увольненіи, потому что силъ нашихъ не хватало болѣе: на 5000 больныхъ было 28 докторовъ. Но Виттъ, хлопоча самъ объ отставкѣ, никакъ не хотѣлъ отпустить меня; я продолжалъ настаивать. Тогда отъ Дибича пришло мнѣ приказаніе ѣхать въ Константинополь съ чрезвычайнымъ посломъ нашимъ, графомъ Орловымъ. 29-го Октября сложилъ я съ себя званіе и тяжелую отвѣтственность главнаго доктора и передалъ все въ руки своего товарища Леконта. Помощникомъ былъ сдѣланъ Ринкъ, комендантомъ генералъ Коленъ, а главный надзоръ надъ госпиталемъ былъ порученъ докт. Аммону. Мирный договоръ съ Турками былъ наконецъ заключенъ, и войска получили приказъ отправляться на зимнія квартиры въ Бургасъ. Транспортировать больныхъ по испортившимся въ конецъ дорогамъ было невозможно: въ Адріанополѣ, въ тѣхъ же зараженныхъ казармахъ, осталось 4700 больныхъ и 400 чел. больничныхъ служителей подъ защитою одного батальона 36-го егерскаго полка, съ тѣмъ чтобъ по мѣрѣ выздоровленія или-же весной переправить ихъ въ Бургасъ.

Въ Декабрѣ было отослано въ полки около 300 выздоровѣвшихъ, да 6 Мая 1830 года еще 170 человѣкъ больныхъ, и человѣкъ 400 здоровыхъ отправлено въ Бургасъ. Вотъ какова сила всякой заразительной болѣзни, если развитію ея способствуютъ мѣстныя условія! Даль получилъ приказъ сопровождать генерала Ридигера въ Бухарестъ, Паукера перевели въ летучій госпиталь при Главной Квартирѣ, отправлявшейся въ Бургасъ. Такимъ образомъ судьба разорвала нашъ медицинскій кружокъ! Жалко было разставаться, но мы рады были уѣхать.

Отъѣздъ Орлова въ Константинополь, а также и переѣздъ Главной Квартиры въ Бургасъ были отложены до 8 Ноября, такъ какъ ждали передачи крѣпости Журжева или, можетъ быть, пріѣзда посланника Бутенева. 7 Ноября обошелъ я въ послѣдній разъ несчастныхъ, заподозрѣнныхъ въ чумной заразѣ. Они принадлежали къ 62 ротѣ инвалидовъ, пришедшей изъ Бургаса, помѣщались, въ дождливую погоду, внѣ стѣнъ госпиталя, въ простой палаткѣ и лежали на размокшей землѣ. Изъ комнаты № 83 перевели 2 Ноября больнаго, страдавшаго перемежающейся лихорадкой въ другую палату № 55; здѣсь показался на немъ чумный нарывъ; тотчасъ же его перевели изъ госпиталя въ отдѣленіе для чумныхъ на Тунджѣ, гдѣ онъ черезъ 3 дня померъ. Остальные обитатели № 55 благополучно перенесли свой карантинъ. Но въ № 83 черезъ 10 дней еще на 4 больныхъ показались нарывы и карбункулы; они и всѣ лежавшіе въ той же комнатѣ померли, какъ только ихъ перевели въ отдѣленіе для чумныхъ. Комата эта находилась въ нижнемъ этажѣ, была очень дурно устроена: она сдѣлалась разсадникомъ чумы. И такъ первая сцена страшной Адріанопольской трагедіи разыгралась еще при мнѣ.

8 Ноября утромъ пріѣхалъ я въ городъ въ своей повозкѣ съ деньщикомъ и багажемъ. Я обѣщалъ капитану Коцебу [1]) захватить съ собой его людей и вещи, но онъ еще не былъ готовъ. Орловъ уже уѣхалъ впередъ; мы же должны были ѣхать на Гафсу, Эскибабу, Луле-Бургасъ,

---

[1]) Нынѣ графу Павлу Евстафіевичу.

въ Родосто. Въ Главной Квартирѣ сумятица была страшная: всѣ, сломя голову, спѣшили выбраться изъ проклятаго болота. Люди и лошади барахтались въ грязи по колѣно. Крики, ругань, удары, проклятія, все мѣшалось въ неумолкаемый гулъ. Докторъ Паукеръ добылъ себѣ громадные Болгарскіе сапоги и съ трудомъ вытаскивалъ ноги: онъ былъ въ грязи съ головы до ногъ. Наконецъ ему удалось найти мѣстечко въ аптекарскомъ фургонѣ, и такимъ образомъ онъ доѣхалъ до Бургаса. Потомъ онъ писалъ мнѣ въ Константинополь, что они ѣхали 140 верстъ 23 дня!

Наконецъ въ 11 часовъ выѣхалъ и я съ своимъ караваномъ, состоявшимъ изъ повозки, 4 деньщиковъ, одного Грека-погонщика (суруджи) и 9 лошадей. На дорогу я купилъ себѣ Турецкій кожаный, дорожный мѣшокъ, сахару и баранины. Цѣлый часъ ѣхали мы по сквернѣйшему шоссе въ южной низкой части города, наконецъ выѣхали на песчаную дорогу, въ одномъ мѣстѣ представлявшую сплошную, громадную лужу. Я благополучно проѣхалъ верхомъ, но Трофима угораздило попасть въ яму: лошади ни съ мѣста. Мимо проѣзжалъ караванъ Турокъ на буйволахъ; я былъ готовъ заплатить какія угодно деньги, лишь бы только вылѣзть изъ лужи, но они даже и не отвѣчали на мои предложенія и проѣхали мимо. Наконецъ небо сжалилось надъ нами и послало на выручку трехъ молодцовъ Болгаръ, которые, внявъ моимъ уговорамъ, вошли въ воду, разгрузили повозку и съ помощію моей прислуги вытащили экипажъ изъ ямы. Жалко мнѣ было Трофима, у котораго только два дня тому назадъ прекратилась лихорадка, а теперь ему пришлось ради совершеннаго излѣченія простоять цѣлый часъ въ водѣ. Наконецъ мы тронулись впередъ. Черезъ пять верстъ—новое препятствіе: Турки, отступая, уничтожили мостъ черезъ рѣку. Правда, въ одномъ мѣстѣ тутъ былъ бродъ, но отъ дождей вода такъ поднялась, что и думать объ этомъ было нельзя. Съ того берега Русскій солдатъ закричалъ намъ, чтобы мы не пробовали, потому что тутъ недавно провалилась коляска его барина и съ лошадьми, и до сихъ поръ лежитъ на днѣ рѣки. Пришлось искать другой переправы повыше; наконецъ у Скендеръ-Кіойя нашелся мостъ, и мы благополучно переѣхали на другой берегъ. Однако мы сдѣлали крюкъ и потеряли два часа; уже стемнѣло, а до Гафсы еще оставалось 12 верстъ, по крайней мѣрѣ на три часа. Дорога шла по глиняному грунту, совершенно размягшему отъ дождей, лошади совсѣмъ измучились, тѣмъ болѣе, что онѣ ничего не ѣли съ 6 часовъ утра. Немудрено, что черезъ полчаса мы опять стали. На этотъ разъ положеніе наше было дѣйствительно критическое: темно было, хоть глазъ выколи, и никакого жилья вокругъ. Между тѣмъ поднялся рѣзкій вѣтеръ, небо заволокло снѣговыми тучами. Вдругъ послышался скрипъ немазаныхъ колесъ—о какая небесная музыка! Это ѣхали изъ Гафсы Болгары въ телѣгѣ, запряженной 4 волами, которыхъ мы сейчасъ же сочли законной добычей, посылаемой намъ самимъ небомъ. Поднялись долгіе толки: Болгары не понимали насъ, мы не понимали Болгаръ; наконецъ я наугадъ закричалъ «да» въ отвѣтъ на длинную рѣчь Болгарина, въ которой, мнѣ казалось, заключался вопросъ. Тотчасъ же они впрягли въ повозку двухъ воловъ и вытащили насъ изъ вязкой глины. Медленнымъ, но ровнымъ шагомъ поѣхали мы снова,—на этотъ разъ уже съ твердою увѣренностію, что доберемся часа черезъ два до ночлега. Тщетная надежда! Несчастная наша звѣзда все еще была надъ нами, хотя и за обла-

комъ. Волы, лошади и повозка, все снова очутилось въ ложбинѣ. Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ выкарабкаться оттуда, я наконецъ рѣшился оставить двухъ деньщиковъ при повозкѣ, а съ двумя другими ѣхать въ Гафсу и оттуда прислать людей на помощь. Мы были ближе къ деревнѣ, чѣмъ я предполагалъ: черезъ полчаса въ темнотѣ замелькалъ огонекъ, мы пріѣхали въ Гафсу и остановились прямо у освѣщеннаго дома, который оказался каравансараемъ, гостинницей для путешественниковъ. Единственная жилая комната хозяйская была скорѣе похожа на собачью конуру, а хозяинъ глядѣлъ бандитомъ. Люди мои отправились въ сарай, гдѣ уже помѣстились на ночь Сербскіе купцы съ товарами и лошадьми; я же вошелъ въ комнату. Вокругъ потухавшей жаровни сидѣло нѣсколько человѣкъ оборванныхъ Турокъ, покуривали трубочки и изрѣдка перебрасывались короткими словцами. Еслибы я желалъ получить право присѣсть въ этомъ интересномъ обществѣ, мнѣ бы слѣдовало тотчасъ спросить себѣ кофею, такъ какъ инаго яства или питія достать здѣсь было нельзя. Но мнѣ прежде всего нужна была помощь для моихъ людей и лошадей, оставшихся въ лужѣ. Отъ Турокъ я ничего не могъ добиться, кромѣ «і о к ъ» (нѣтъ); тогда я обратился къ Сербскимъ купцамъ, которые еще не спали. Одинъ изъ нихъ, говорившій порусски, принялъ во мнѣ большое участіе, но сдѣлать ничего не могъ: Турки ни за какія деньги не соглашались двинуться съ мѣста, говоря, что завтра будетъ время, а теперь слишкомъ холодно. Пришлось поневолѣ покориться своей участи. Я вернулся въ комнату и къ изумленію Турокъ выпилъ полдюжины чашекъ кофею, величиною съ половину яичной скорлупы, закусывая хлѣбомъ съ сыромъ, который мнѣ далъ Иванчичъ (такъ звали Сербскаго купца). Кончивъ ужинъ, я растянулся на полу, но спать не могъ: я безпокоился о своихъ людяхъ, все время стоявшихъ въ водѣ; да и Турки своимъ говоромъ, напоминавшимъ хрюканье, не дали мнѣ уснуть до 12 час. ночи. Наконецъ и они полегли, но въ $3^1/_2$ часа утра уже встали; я думалъ, идутъ на работу, но они опять усѣлись, поджавши ноги вокругъ жаровни и закурили трубки. Долга показалась мнѣ эта ночь! Разъ десять вставалъ я смотрѣть въ окошко, не разсвѣтаетъ ли наконецъ, но ничего не видѣлъ кромѣ снѣга, который подъ 41^0 сѣверной широты выпалъ въ эту ночь. Въ 8 часовъ проснулись и купцы; я сталъ приставать къ нимъ, чтобъ они наняли людей и буйволовъ. Поднялись безконечные переговоры; наконецъ одинъ Болгаринъ, взявъ съ меня 18 піастровъ, рѣшился съ парой буйволовъ отправиться на помощь къ моимъ людямъ. Между тѣмъ Иванчичъ передалъ мнѣ, что онъ видѣлъ дорогой нѣсколько колясокъ въ сопровожденіи казаковъ, гусаровъ и т. д., и всѣ они направлялись на Узункопри (длинный мостъ). Должно быть, это былъ графъ Орловъ, который, узнавъ, что дорога въ Гафсу такъ дурна, предпочелъ ѣхать западнѣе, вдоль Марицы.

Только къ 9 часамъ собрались мы наконецъ выѣхать. Когда мы прибыли къ злополучному мѣсту, я увидалъ, что деньщики мои, прождавъ меня довольно долго, выпрягли лошадей, отвели ихъ на берегъ, задали имъ овса, а сами завернулись въ одѣяла и цыновки, чтобъ согрѣться. Съ торжествомъ въѣхалъ я въ караванъ-серай. Можно было бы тотчасъ же отправляться далѣе, такъ какъ лошади уже отдохнули, но мнѣ хотѣлось угостить людей: я далъ имъ бутылку рому. Черезъ 5 минутъ Трофимъ былъ пьянъ; потомъ принесли

мнѣ извѣстіе, что по дорогѣ въ Эски-бабу Турки разрушили еще одинъ мостъ, и что теперь нужно ждать, пока вода спадетъ, и тогда можно будетъ перебраться. Предвидѣлось пріятное путешествіе, тѣмъ болѣе, что по дорогѣ изъ Адріанополя въ Луле-Бургасъ повстрѣчается ровно 26 большихъ и малыхъ рѣчекъ, стекающихъ съ хребта, который тянется отъ Сливны до Константинополя, и впадающихъ частію въ Марицу, частію въ Эргенэ. Пришлось остаться на цѣлый день въ Гафсѣ. Я подружился съ Сербскими купцами, сталъ ходить по другимъ кофейнямъ (ихъ всѣхъ четыре), и вездѣ-то сидѣла вокругъ жаровни толпа лѣнтяевъ, поджавши ноги, съ трубками въ зубахъ и съ чашкой кофею. Турецкая чашка заключаетъ не болѣе двухъ ложекъ, но Турокъ пьетъ ее цѣлый часъ. Разговоръ между ними шелъ отрывочными фразами, безъ споровъ и шуму. Холодъ, наступившій такъ неожиданно, казалось, былъ имъ не понутру: они все твердили: зоокъ, зоокъ (холодно, холодно). Я не видалъ, чтобъ хозяинъ и гости что нибудь ѣли; по временамъ они выпивали чашку кофею и только. Кофей варился цѣлый день на небольшомъ очагѣ въ углу, но хотя огонь былъ постоянно разведенъ, комната не нагрѣвалась, такъ какъ подъ очагомъ былъ погребъ, и труба шла прямо оттуда на крышу. Сербы не оставляли своихъ лошадей; они въ сараѣ варили себѣ кушанье изъ муки и меда, или изъ рису и бараньяго сала; мои люди послѣдовали ихъ примѣру.

Къ вечеру подошелъ еще караванъ, въ которомъ находился юсбаша (офицеръ) изъ Шумлы, возвращавшійся на родину, и двое купцовъ изъ Адріанополя. Въ эту ночь мы вчетверомъ спали на полу.

На другой день пришло извѣстіе, что можно перебраться черезъ ручей. Мои спутники сейчасъ же собрались и уѣхали. Я же нанялъ пару буйволовъ въ повозку; вдругъ Турокъ объявляетъ, что онъ ѣхать не можетъ, потому что слишкомъ холодно. Нечего дѣлать, пришлось опять впрягать лошадей! Но не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ онѣ начали скользить и падать. Опять отправился я на поиски за буйволами. Турокъ не было возможности сдвинуть съ мѣста: такъ плотно они засѣли у своей жаровни; проклятые лѣнтяи смѣялись мнѣ въ глаза. Наконецъ послѣ долгихъ поисковъ и просьбъ, какой-то Болгаринъ согласился за 32 піастра провезти повозку 24 версты до Эски-бабы, такъ какъ было уже слишкомъ поздно, чтобъ отправляться въ дальнее путешествіе. Я поѣхалъ верхомъ впередъ и на полъ-дорогѣ остановился въ деревнѣ Кулели, чтобъ подождать своихъ. Сижу я въ кофейнѣ и спокойно ѣмъ кусокъ рыбы съ хлѣбомъ, запивая кофеемъ, вдругъ просовывается чья-то голова въ дверь, произноситъ нѣсколько словъ и исчезаетъ. Въ туже минуту всѣ посѣтители вскакиваютъ съ мѣстъ и бросаются вонъ изъ комнаты. Я думалъ, вѣроятно, тотъ человѣкъ обругалъ и оскорбилъ все общество, но вышло иначе. Это проѣзжалъ Галишъ-паша Селиврійскій, назначенный Адріанопольскимъ губернаторомъ, и захотѣлъ остановиться на минуту въ кофейнѣ, потому-то вся сволочь должна была убраться и уступить ему мѣсто. Я, конечно, не пошевелился. Тогда онъ черезъ толмача спросилъ, кто я, куда ѣду и т. д. Когда онъ узналъ, что я докторъ, тотчасъ же протянулъ мнѣ руку, просилъ пощупать пульсъ и сказать, здоровъ ли онъ. Такъ какъ я ему далъ успокоительный отвѣтъ, онъ тотчасъ же приказалъ хозяину подать мнѣ чашку кофею. Маленькій круглый человѣчекъ обошелся очень милостиво съ Русскимъ. Въ свитѣ его находился Ибрагимъ-

паша, недурно говорившій порусски; онъ увѣрялъ, что видѣлъ меня въ Варнѣ, какъ я съ двумя батальонами шелъ противъ Омеръ-Вріоне. Какъ я ни старался его разувѣрить, онъ крѣпко стоялъ на своемъ. Когда высокіе посѣтители уѣхали, прежній людъ снова вернулся и усѣлся вокругъ жаровни.

Между тѣмъ привели моихъ буйволовъ, и мы поѣхали. На дорогѣ намъ попались навстрѣчу всадники и носильщики, составлявшіе свиту паши; мы проѣхали мимо нихъ, не услыхавъ ни одного насмѣшливаго или обиднаго слова. Правда, военная свита паши была не такова, чтобъ могла нанести оскорбленіе Русскому мундиру. Вы не можете представить, что это была за сволочь! Тутъ были только мальчики 12—16 лѣтъ, да сѣдобородые старики. Даже и здѣсь, въ Константинополѣ, гдѣ должно быть отборное войско, на караулѣ иногда стоятъ малые ребята. Къ концу похода, часто случалось, что двое казаковъ загоняли цѣлую толпу подобныхъ храбрецовъ. Куда же дѣвались эти сотни тысячъ, которые, по разсчетамъ иностранныхъ газетъ, должны были явиться по первому призыву на службу, такъ какъ призывались всѣ способные носить оружіе отъ 12 лѣтняго до 60-лѣтняго возраста? Увѣряли даже, что въ Европейской Турціи живетъ по крайней мѣрѣ $2^1/_2$ милл. Турокъ; но дѣло въ томъ, что наша статистика непригодна для этой выродившейся расы. Все имущество паши помѣщалось на 150 вьючныхъ лошадяхъ и мулахъ; прислуги было столько же, такъ какъ всякій день приходилось навьючивать и развьючивать. Перевозки въ экипажахъ тутъ не существуетъ, а потому и нѣтъ большой дороги между обѣими столицами, хотя производится оживленная торговля, и проѣзжаютъ постоянно и знатные люди, и простые смертные, и даже встарину самъ султанъ ѣзжалъ по этой дорогѣ.

Широкая равнина изрѣзана во всѣхъ направленіяхъ дорогами и дорожками, которыя всѣ сходятся у какого нибудь жалкаго мостика черезъ ручей и снова расходятся во всѣ стороны. Вблизи не видно ни домика, ни садика, ни гостинницы, потому что никто не селится близъ дороги, опасаясь чужаго захвата; только въ селахъ и городахъ, гдѣ есть взаимная помощь и защита отъ разбоя, путешественникъ можетъ найти пріютъ, да и то съ трудомъ, при чемъ сила оказывается полезнѣе чѣмъ деньги. Вотъ вамъ и еще доказательство варварскаго состоянія страны! Въ Европѣ дѣлаютъ этотъ упрекъ Русскимъ; а между тѣмъ въ Россіи проѣзжему стоитъ только въ первомъ попавшемся селѣ постучаться въ дверь, и его встрѣтятъ словами: «милости просимъ» и пріютятъ и обогрѣютъ. И нигдѣ, ни въ Турціи, ни въ цивилизованной Европѣ, не услышите вы подобнаго привѣта. Здѣсь варварство и страхъ, тамъ цивилизація и эгоизмъ! Результатъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ-же.

Холодный вѣтеръ, дувшій съ горъ, заставилъ меня скорѣе ѣхать впередъ, чтобъ заранѣе отыскать помѣщеніе въ Эски-бабѣ. Въ городѣ оказалась только одна гостинница, и та была уже занята караваномъ, выѣхавшимъ раньше насъ изъ Гафсы. Къ счастію я встрѣтилъ Иванчича, и онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться прямо къ аяну города и въ качествѣ Русскаго просто-на-просто потребовать, чтобъ отвели мнѣ квартиру. Такъ я и сдѣлалъ. Черезъ толмача я велѣлъ сказать, что принадлежу къ посольству, которое ѣдетъ въ Стамбулъ, что я экимъ-баша (докторъ), важная особа! Черезъ нѣсколько минутъ посланный возвратился и отвелъ насъ на квартиру къ Греку,

которому паша приказалъ помѣстить насъ у себя. Сначала меня съ моимъ караваномъ приняли не очень ласково, но потомъ, когда я сказалъ, что заплачу за все, хозяева стали гораздо любезнѣе и очистили мнѣ мѣсто въ своей комнатѣ, тогда какъ прежде хотѣли помѣстить въ отдѣльной комнатѣ, которую нельзя было топить. Когда же я угостилъ дѣтей сахаромъ и изюмомъ, мать была такъ тронута, что сейчасъ же вытащила припрятанный супъ, принесла молока, хлѣба, меду и приказала своему покорному супругу развести огонь для моихъ людей и выдать овса лошадямъ. Я отправился въ гости къ Гуссейну-пашѣ. Въ большой комнатѣ съ мраморнымъ каминомъ, обставленной вдоль стѣнъ диванами, сидѣлъ Гуссейнъ, видный, красивый мужчина. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ садиться. На противоположной сторонѣ комнаты на диванѣ сидѣли молча, съ трубками въ зубахъ и поджавши ноги, двое почетныхъ лицъ города. Посреди на полу, покрытомъ коврами, стояли двѣ жаровни и высокій мѣдный подсвѣчникъ съ сальной свѣчей. Какъ вы можете себѣ представить, разговоръ нашъ до прихода толмача не отличался оживленіемъ. Мнѣ подали кофею и трубку, въ знакъ мира. Такъ какъ въ Эски-бабѣ прежде стоялъ гренадерскій батальонъ, то Русскіе обычаи были ему нѣсколько знакомы, и паша велѣлъ приготовить мнѣ кофею съ сахаромъ. Кромѣ того кофешенкъ поднесъ мнѣ своими грязными пальцами кусокъ сахару величиною съ орѣхъ. Когда пришелъ толмачъ (старикъ съ сѣдой бородой и шатавшимися зубами), ему позволили сѣсть на полъ и дали чашку кофею. Выслушавъ мою благодарность за конакъ (квартиру), паша сталъ распрашивать объ Адріанополѣ и Главной Квартирѣ и наконецъ попросилъ пощупать пульсъ. Одинъ изъ его служителей уже давно былъ боленъ трехдневной перемежающейся лихорадкой, и паша спросилъ, нѣтъ ли какого лѣкарства отъ этой болѣзни. Одолженіе за одолженіе, я обѣщалъ прислать хинныхъ пилюль и кстати попросилъ его приказать дать мнѣ тройку вьючныхъ лошадей до Луле-Бургаса или до Родосто, гдѣ я надѣялся съѣхаться съ нашимъ посломъ. За лошадей я обязался заплатить и кромѣ того дать на водку. Онъ обѣщалъ исполнить мою просьбу, а я приложилъ правую руку сначала къ подбородку, потомъ ко лбу въ знакъ благодарности, и отправился домой.

Комната, гдѣ жили хозяева и гдѣ помѣстился также и я, имѣла не болѣе 15 фут. въ квадратѣ и была подъ самой крышей; небольшое отверстіе въ крышѣ служило окошкомъ. Семья грѣлась у камина, гдѣ варилось кушанье. Одна треть комнаты была занята ткацкимъ станкомъ, другая—матрацомъ, гдѣ спала вся семья, третья оставалась свободной. Я расположился на полу въ углу у камина, заварилъ чаю и вступилъ въ разговоръ съ оборванцемъ, дядею хозяйки, пришедшимъ въ гости и говорившимъ немного порусски. Мой дорожный мѣшокъ и все, что въ немъ было, возбуждали удивленіе хозяевъ. Послѣ чаю я улегся, а они сѣли ужинать. Къ камину придвинули низенькую скамейку о четырехъ ножкахъ, на нее поставили что-то въ родѣ большаго круглаго деревяннаго подноса, фута три въ діаметрѣ. Всѣ усѣлись на полу вокругъ; хозяйка разрѣзала маисовый хлѣбъ на куски по числу членовъ семьи, разложила ихъ кругомъ на столѣ, а по серединѣ поставила небольшое глиняное блюдо, на которомъ лежало кушанье изъ рыбы, яицъ и масла, но въ такомъ умѣренномъ количествѣ, что я, напившись уже чаю, могъ бы легко съѣсть вдвое больше; а ихъ было шестеро. Старшій въ семьѣ прочелъ мо-

литву, остальные перекрестились и принялись за ѣду. Каждый отламывалъ по кусочку отъ своего ломтя хлѣба, обмакивалъ его въ блюдо, при этомъ захватывалъ указательнымъ пальцемъ кусокъ рыбы и отправлялъ въ ротъ съ большимъ апетитомъ. Скоро все было съѣдено; я ожидалъ, что подадутъ второе блюдо, но вмѣсто того принесли кружку съ водой, и всѣ напились по очереди. Ужинъ напоминалъ трапезы древнихъ. Дѣтей уложили совсѣмъ одѣтыхъ на матрацъ и покрыли шубами, потомъ улеглись и старшіе. Огонь въ каминѣ потухъ, и скоро всѣ заснули.

Утромъ, когда я проснулся, хозяйка уже сидѣла за станкомъ. Въ комнатѣ, и особенно на полу, было очень холодно; я тотчасъ же прибѣгнулъ къ божественному цѣлебному напитку, неоцѣненному кофею. Отъ правительства мы получали жженый, толченый кофей, и я мастерски выучился варить его. Какимъ образомъ могло случиться, что честному Арабскому шейку Шедэли, открывшему драгоцѣнныя свойства бобовъ Мокки, до сихъ поръ еще не воздвигнули статуи? Ньютонъ, какъ извѣстно, лежалъ однажды подъ дубомъ, ему упалъ на носъ желудь, и это обстоятельство послужило ему поводомъ къ открытію законовъ тяготѣнія и движенія небесныхъ тѣлъ. Шейхъ же Шедэли замѣтилъ, что верблюды, ощипавшіе кофейный кустъ, сдѣлались необыкновенно бодры и сильны, и это навело его на мысль, нельзя ли и свое сердце развеселить такимъ же способомъ, тѣмъ болѣе, что Коранъ того не запрещаетъ. Такимъ образомъ Шедэли сдѣлался прародителемъ всѣхъ любителей кофея. Кто же лучше съумѣлъ развеселить сердце человѣка, возбудить въ немъ юморъ, Шедэли или Ньютонъ? Первыя кофейни возникли въ Константинополѣ лишь сто лѣтъ спустя послѣ его завоеванія. Ораторы, военные, политики, остроумные говоруны, особенно же дервиши и вообще мечтатели, люди праздные, начали туда стекаться во множествѣ, чтобъ насладиться новымъ напиткомъ. Кофейни стали называться школами познанія; но, кажется, онѣ немного способствовали распространенію образованія между Турками, хотя онѣ есть вездѣ, даже въ деревняхъ. Правительство сдѣлало изъ кофею монополію и получаетъ большой доходъ, такой же какой христіанскія правительства получаютъ отъ продажи спиртныхъ напитковъ.

Хозяйка моя стала варить къ утреннему завтраку супъ изъ муки и макаронъ, а я пошелъ къ пашѣ отнести обѣщанныя хинныя пилюли, но не засталъ его дома: онъ уѣхалъ къ кому-то въ гости въ Адріанополь. Вернувшись домой, я расплатился съ хозяевами, отдалъ 10 піастровъ за вьючныхъ лошадей и поѣхалъ дальше.

Эски-баба—городъ очень некрасивый; въ немъ двѣ мечети и христіанская молельня. Паша живетъ здѣсь, а въ Гафсѣ управляетъ субаша. У города течетъ рѣчка, черезъ которую построенъ красивый каменный мостъ. Дорога по рыхлому, низкому грунту вымощена на протяженіи одной версты крупнымъ камнемъ, до холма, съ котораго, какъ мнѣ показалось, видно на Югѣ море. На Востокѣ тянутся приморскіе Балканы до Босфора; кругомъ, на 5 часовъ пути вплоть до Луле-Бургаса, идетъ пустынная степь. Дорогой ничего не случилось замѣчательнаго, развѣ только, что намъ попались два мертвыхъ тѣла, да деньщикъ мой Трофимъ самъ чуть-чуть не превратился въ мертвое тѣло. Онъ вздумалъ идти пѣшкомъ, конечно усталъ, прилегъ отдохнуть на дорогѣ и уснулъ. Другой деньщикъ, не видя его, вернулся назадъ; къ счастію, онъ не умеръ, хотя долгая стоянка въ водѣ въ день нашего

отъѣзда изъ Адріанополя и пьянство привели его въ такое жалкое состояніе, что я, не желая, чтобъ онъ безчестилъ свой мундиръ, взялъ его у него и надѣлъ на него Болгарскую шубу.

Луле-Бургасъ лежитъ въ обширной рѣчной долинѣ Карагача и имѣетъ видъ очень привлекательный. На верху склона, по которому мы спустились къ Сѣверозападу, находятся, одна возлѣ другой, двѣ земляныя насыпи въ родѣ холмовъ, и на юговосточной сторонѣ по направленію къ Константинополю тоже двѣ; вѣроятно эти искусственные холмы служили указателями дороги въ степи. Такъ какъ я опять пріѣхалъ впередъ, а въ городѣ не было гостинницы, то тотчасъ же отправился къ аяну и потребовалъ квартиры для себя и своей свиты. Передъ этимъ здѣсь стоялъ Ротъ съ своимъ штабомъ, потому Русскій мундиръ все еще продолжалъ внушать уваженіе, и аянъ тотчасъ же, не говоря лишняго слова, далъ провожатаго и велѣлъ отвести на квартиру къ Греку. На этотъ разъ хозяева, напоминавшіе Филемона и Бавкиду, оказались привѣтливѣе Грековъ въ Эски-бабѣ. Они сейчасъ же отвели мнѣ маленькую комнату, развели огонь, но увѣряли, что у нихъ ничего нѣтъ съѣстнаго. Пріѣхали и мои спутники, и съ ними вмѣстѣ Австрійская почта, при которой было 13 вьючныхъ лошадей. Весь городъ сбѣжался на нихъ смотрѣть; въ толпѣ я увидалъ своего стараго знакомца, Сербскаго купца Иванчича. Благодаря ему, я нашелъ помѣщеніе для повозки и лошадей, такъ какъ у моихъ Грековъ не было никакого сарая. Ужасно надоѣло мнѣ таскать съ собой повозку по размытымъ дорогамъ; ее и безъ клади едва могла стащить пара лошадей. Одинъ изъ почтовыхъ пасажировъ, маленькій черный человѣкъ съ огромными усами и бакенбардами и длинной саблей, болтавшейся сбоку, громко бранился и сердился, что нѣтъ лошадей. Такъ какъ мои вьючныя лошади были также изъ числа почтовыхъ и наняты только до Луле-Бургаса, то я заключилъ, что мое дальнѣйшее путешествіе можетъ, пожалуй, встрѣтить нѣкоторыя препятствія. Я тотчасъ же отправился опять къ аяну въ сопровожденіи молодаго Грека, очень услужливаго и немного говорившаго порусски. Маленькій, непомѣрно толстый аянъ, съ отвисшимъ брюхомъ, изъ подъ котораго выглядывали поджатыя ножки, точно цыплята изъ подъ крыльевъ насѣдки, безпокойно заметался на своемъ диванѣ и объявилъ, что лошадей онъ дать не можетъ, и что пріѣхали сейчасъ два Сербскихъ депутата, которыхъ тоже нужно отправить въ Стамбулъ, а послѣднихъ лошадей уже забрала Австрійская почта. Я вступилъ въ разговоръ съ усатымъ пасажиромъ и узналъ, что онъ баронъ Тэста, служитъ при Австрійскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, теперь везетъ туда золото и думаетъ выѣхать въ полночь. Квартиры онъ себѣ не нашелъ; я пригласилъ его къ себѣ напиться чаю, а самъ покуда пошелъ къ Иванчичу разсказать о своемъ горѣ. Я его засталъ съ товарищами за столомъ, и онъ просилъ меня сдѣлать имъ честь пообѣдать съ ними вмѣстѣ. Караванъ ихъ состоялъ изъ 8 человѣкъ купцовъ, ѣхавшихъ по заключеніи мира въ Константинополь съ товарами. Какъ члена посольства, которое впослѣдствіи могло быть имъ полезнымъ, меня посадили на первое мѣсто и дали салфетку. Мы усѣлись на полу вокругъ низенькаго стола; Иванчичъ самъ готовилъ кушанье—рисовую кашу, пилавъ и мясное блюдо; оба послѣднія были приправлены по всѣмъ правиламъ искусства. За обѣдомъ Сербы, не читавшіе газетъ, завели разговоръ о политикѣ и засыпали меня вопросами. Въ особенности интересовалъ ихъ вопросъ: позволятъ ли имъ по прежнему носить оружіе? По ихъ

словамъ Сербы и Болгары—хорошіе солдаты, но бѣда въ томъ, что у нихъ нѣтъ вождей, которые бы руководили дѣломъ; будь только вождь, и они сами справятся съ Турками. Имъ казалось непонятнымъ и непростительнымъ, что Русскіе, вмѣсто того, чтобъ оставить за собой занятыя ими земли, отступаютъ и снова предаютъ христіанъ въ руки Турецкихъ палачей. Вотъ теперь, говорили они, Галишъ-паша поѣхалъ въ Адріанополь рубить головы тѣмъ, кто слишкомъ дружелюбно относился къ Русскимъ. Я ихъ старался успокоить, представляя имъ, что тамъ еще до сихъ поръ стоятъ наши войска въ казармахъ, и что Государь нашъ, хотя и оказываетъ свое великодушіе побѣжденнымъ Туркамъ, но имѣетъ твердое намѣреніе наблюдать за тѣмъ, чтобъ христіанамъ было хорошо въ Турціи. Они были, казалось, довольны моими объясненіями и просили позволенія посѣщать меня въ Константинополѣ. Я посовѣтовался съ Иванчичемъ, какъ добыть лошадей, и онъ далъ мнѣ мудрый совѣтъ, если не хочу здѣсь просидѣть лишній день, подарить аяну свою повозку. Онъ уговорилъ меня также лучше ѣхать вправо на Родосто, гдѣ я еще могъ застать нашего посла, чѣмъ прямо на Константинополь по большой проѣзжей дорогѣ. Я простился съ нимъ до скораго свиданія, но къ сожалѣнію, здоровый крѣпкій Сербъ умеръ вскорѣ по пріѣздѣ въ Византію. Счастливая звѣзда свела меня съ нимъ въ моемъ злополучномъ странствованіи! Дома я уже засталъ барона Тэсту и сейчасъ же началъ готовить чай. Вечеръ прошелъ незамѣтно въ разговорахъ; прощаясь я просилъ своего гостя, такъ какъ онъ, вѣроятно, раньше меня будетъ въ Константинополѣ, разсказать графу Орлову про мое неудачное путешествіе.

Когда я проснулся на другой день, солнце уже взошло. Я поспѣшилъ къ аяну, чтобъ поскорѣе смягчить его сердце предложеніемъ повозки, и засталъ тамъ барона Тэсту, который долженъ былъ переночевать въ кофейной. Онъ былъ такъ добръ, что взялъ на себя роль переводчика въ нашемъ разговорѣ и передалъ аяну мою просьбу. Иванчичъ оказался правъ. Сейчасъ же отправили слугу на базаръ, и онъ чрезъ полчаса привелъ мнѣ трехъ вьючныхъ лошадей, велѣлъ навьючить мои вещи, и за это отъ имени аяна потребовалъ 22 $^1/_2$ піастра почтовой платы. Я отдалъ ему деньги и кромѣ того еще бакчишъ (на водку). Недоставало только проводника; слуга аяна приказалъ молодому Греку Григоріосу сейчасъ же отправляться со мной въ Родосто и привести потомъ назадъ лошадей. Услыхавъ это, мой Грекъ тотчасъ же сбѣжалъ, не взирая на обѣщанныя деньги на водку. Опять слуга аяна пошелъ на базаръ; тамъ, не долго думая, схватилъ онъ перваго попавшагося Грека и приказалъ ему именемъ аяна отправляться со мной.

Наконецъ мы двинулись въ путь! Погода стала теплѣе, и дорога немного оттаяла. Часа черезъ два доѣхали мы до первой Турецкой деревни, Мусселимъ, а еще часа черезъ четыре въѣхали во вторую деревню Сайджи (Сайкъ), гдѣ расположились ночевать.

Косоглазый Турокъ въ красной одеждѣ, напоминавшій Саміэля въ Фрейшюцѣ, позволилъ намъ остановиться у себя. Скоро вокругъ насъ собралось довольно много Турокъ, которые, повидимому, не чувствовали къ намъ особеннаго расположенія, потому что часто повторяли слово «гяуръ» и поминали о казакахъ, отнявшихъ у нихъ коровъ и овецъ. Чтобъ избавиться отъ этихъ гостей, я спросилъ, гдѣ живетъ субаша; но мнѣ сказали, что его теперь нѣтъ здѣсь. Между тѣмъ, мнѣ казалось, что именно Турокъ въ красномъ и былъ самъ субаша; только онъ скрывалъ это, чтобъ не пришлось быть судьей между

путешественниками, которымъ онъ, по своему званію, обязанъ оказывать покровительство, и своими соотечественниками. Я поставилъ лошадей и свои вещи въ сарай; нѣсколько Турокъ послѣдовали за мною и все продолжали разсуждать. Тогда я воспользовался правомъ хозяина и вытолкалъ ихъ вонъ. Къ счастію, эти люди привыкли съ дѣтства думать, что если кто съ ними грубъ, то, стало быть, имѣетъ на то право. Турки постояли, потолковали передъ дверью и, наконецъ, когда стемнѣло, ушли домой. Съ хозяиномъ также у насъ не поладилось: онъ не хотѣлъ намъ продавать ни молока, ни яицъ, ни овса, а когда мои люди спросили, гдѣ тутъ водопой, Турки сказали, что не знаютъ.

Между тѣмъ мы развели огонь на очагѣ и сварили супъ изъ баранины, привезенной нами изъ Адріанополя; хозяинъ наконецъ принесъ намъ чашку съ медомъ и два хлѣба. Въ сараѣ было очень тепло, теплѣе чѣмъ въ домахъ, гдѣ мнѣ до сихъ поръ приходилось ночевать дорогой.

Я проснулся съ первыми пѣтухами, разбудилъ своихъ спутниковъ, и черезъ полчаса лошади уже стояли навьюченныя и осѣдланныя. Хозяинъ спросилъ за ночлегъ очень умѣренную сумму—100 пара (1 рубль), и съ восходомъ солнца, 13-го Ноября, выѣхали мы изъ деревни. Домики здѣсь стояли всѣ вразбродъ, въ безпорядкѣ; ни улицъ, ни площадокъ не было. Черезъ ручей былъ перекинутъ дрянной мостъ; оттуда дорога въ продолженіи трехъ часовъ все шла въ гору по степи, слегка прикрытой снѣжкомъ. Было уже далеко за полдень, когда мы въѣхали въ глубокую, обширную долину; рыхлая, скользкая почва очень затрудняла нашъ путь: цѣлый часъ взбирались мы наверхъ и наконецъ увидали море и островъ Мармару вдали. Направо тянулся въ юго-западномъ направленіи горный хребетъ, который своей выдающейся косой образуетъ Европейскую грань Дарданеллъ; далеко къ Югу поднимались на горизонтѣ снѣжныя вершины Анатолійскихъ горъ. Отъ Сиркіойя до Арапана дорога шла по долинѣ, заросшей оливковыми деревьями и виноградомъ. Изъ Арапана мы увидали мечеть, находящуюся у самаго Родоста (по Турецки Текисъ-дагъ, царская гора), и наконецъ черезъ часъ въѣхали въ Родосто и отправились прямо къ аяну. У аяна мы застали пропасть народа, и представьте мое удивленіе и радость, когда я вдругъ увидалъ прислугу графа и узналъ, что его экипажи еще не пріѣзжали. Тотчасъ же мнѣ отвели квартиру въ митрополіи, т. е. въ домѣ епископа, гдѣ я нашелъ секретаря при посольствѣ Берга [5]), и Бахметева, принадлежавшаго къ военному конвою графа: они только передо мной пріѣхали.

Здѣсь было еще шумнѣе и оживленнѣе, чѣмъ даже у аяна; люди толпились, приходили, уходили, точно въ домѣ была свадьба. Греки были рады, что часть Русскаго посольства остановилась у нихъ, потому что имъ пріятно чувствовать себя подъ Русскимъ покровительствомъ. Конечно, газетные болтуны на Западѣ говорятъ противное, но это вздоръ: въ отсутствіи нашего посольства, Греки чувствовали себя покинутыми, осиротѣлыми; пріѣздъ Орлова былъ для нихъ праздникомъ.

Покуда Грекъ брилъ меня, женщины готовили обѣдъ, мысль о которомъ, послѣ шестидневнаго голода, доставляла мнѣ большое удовольствіе. По здѣшнему патріархальному обычаю, вмѣсто столовъ

---

[5]) Въ настоящее время состоитъ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Лондонѣ.

употребляютъ скамейки, на которыя ставятся большіе круглые подносы. Въ домѣ однако нашлись ложки, ножи, вилки и тарелки. Съ какимъ наслажденіемъ принялся я за супъ и за вареную и жареную рыбу! Теперь, когда, благодаря отличнымъ обѣдамъ у графа Орлова, я вошелъ въ обычную колею ощущеній, мнѣ совѣстно своей тогдашней жадности; но подумайте, любезные друзья: вѣдь, начиная съ Іюня мѣсяца, я, не смотря на всѣ мои старанія и ухищренія, вынужденъ былъ питаться самой плохой пищей; исключеніе составляли чай и кофей.

И такъ я съ удовольствіемъ предался чревоугодію, тѣмъ болѣе, что епископъ не пожалѣлъ для насъ Греческаго вина, изъ церковнаго погребка, которое было такъ хорошо, что никакой стоицизмъ не въ силахъ бы устоять противъ него.

Послѣ обѣда подали намъ воды, чтобы умыть руки: хотя мы и не обмакивали пальцевъ въ общее блюдо, но епископскій метръ-д'отель еще не возвысился до пониманія значенія ложекъ, ножей и вилокъ. Впрочемъ, я нахожу, что обычай за столомъ мыть руки розовой душистой водой гораздо приличнѣе обыкновенія полоскать зубы по окончаніи обѣда, хотя это и считается высшимъ признакомъ цивилизованной гастрологіи.

Было около 5 час., когда мы явились къ графу. Онъ распросилъ меня о моихъ дорожныхъ приключеніяхъ. У него былъ накрытъ столъ; аянъ желалъ угостить своего высокаго посѣтителя. Меня тоже уговорили попробовать Турецкаго обѣда. И здѣсь также, вмѣсто стола, поставили довольно большую скамейку, на нее круглый подносъ 4 фута въ діаметрѣ, и поевропейски положили ложки, ножи, вилки. Но сидѣть намъ пришлось всѣмъ на полу на диванныхъ подушкахъ, что было очень неудобно. Множество невольниковъ предстояло къ нашимъ услугамъ. Когда мы всѣ сѣли (насъ было 9 человѣкъ), намъ повязали большіе платки, вмѣсто салфетокъ, графу и его двумъ сосѣдямъ справа и слѣва (Бутеневу и Брунову) съ разноцвѣтною вышивкою, а остальнымъ простые бѣлые. Султанъ прислалъ намъ Французскаго вина. Кушанья быстро слѣдовали одно за другимъ, по безъ всякаго разбора. Гастрономъ-Французъ пришелъ бы въ ужасъ отъ этого смѣшенія и безпорядка: послѣ нѣсколькихъ кушаньевъ изъ риса, подали рыбу вареную и печеную, соусы, фрикасе, затѣмъ сладкія блюда, жареное мясо, въ заключеніе шербетъ, плоды и варенья. Мы только отвѣдывали отъ каждаго блюда, но ѣсть много не могли. Всякій разъ какъ подавали новое кушанье, гофмейстеръ объяснялъ, изъ чего оно сдѣлано, а Діодати, толмачъ, переводилъ намъ его слова на Французскій языкъ. По окончаніи обѣда подали розовой воды умыть руки и затѣмъ кофею. Потомъ пришелъ самъ хозяинъ, косоглазый старикъ лѣтъ 80-ти; его поблагодарили, конечно, за прекрасное угощеніе. Убранство комнаты, гдѣ мы сидѣли, было совершенно такое же какъ у паши въ Эски-бабѣ, съ тою разницею, что въ передней ея части стояли шкапы. Аянъ не сѣлъ рядомъ съ графомъ на диванъ, но помѣстился на низенькой подушкѣ около; тутъ же сѣлъ и братъ его, такой же старикъ. Чтобы чѣмъ нибудь занять ихъ, мы стали имъ показывать картинки, литографіи. Они съ почтительнымъ видомъ разсматривали медаль съ выпуклымъ изображеніемъ Государя, но особенное удовольствіе доставилъ имъ эскизъ, рисунокъ князя Салтыкова, на которомъ была представлена Европейская дама. Аянъ даже попросилъ его нарисовать ему одну изъ его молодыхъ женъ, но не иначе какъ покрытую вуалемъ.

Весь слѣдующій день я отдыхалъ, что было очень пріятно. Я долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ со свитой графа сухимъ путемъ, а для Орлова султанъ прислалъ въ Родосто пароходъ, на которомъ капитанъ былъ Англичанинъ, человѣкъ очень умный, судя по лицу, и державшій себя очень спокойно и свободно. Султанъ или, лучше сказать, Высокій Совѣтъ долго не хотѣли слышать о пароходахъ, на томъ основаніи, что отцы ихъ жили же такъ, стало быть и они проживутъ безъ этихъ машинъ. Но наконецъ пароходъ былъ купленъ, и Англичанинъ-капитанъ поступилъ на Турецкую службу. Ему прислали нѣсколько человѣкъ Турокъ, для того чтобъ онъ ихъ обучилъ какъ обращаться съ машиной; они прожили на пароходѣ полгода и ни разу не сошли внизъ, чтобъ посмотрѣть его устройство. Когда они вернулись назадъ, и капуданъ-паша (министръ флота) спросилъ у нихъ: все ли они поняли, они отвѣчали: «если бы мы тамъ остались даже 6 лѣтъ, то и тогда бы ничего не могли понять». Но когда на пароходъ прислали человѣкъ 30 кадетъ для обученія, капитанъ остался ими очень доволенъ. Самъ капуданъ-паша—человѣкъ грубый, необразованный, бывшій ремесломъ башмачникъ, который снискалъ милость султана сочувствіемъ къ его нововведеніямъ. Когда онъ еще занималъ нисшія должности, онъ два раза чуть-чуть не погибъ и спасся только благодаря заступничеству Франкини, нашего драгомана, имѣвшаго много друзей и большое вліяніе въ Портѣ. Капуданъ-паша не забывалъ благодѣяній. Аптекарь въ Константинополѣ, Марко Кочифи, бывшій моимъ путеводителемъ по городу, тоже хвалилъ его за это рѣдкое свойство. Когда капуданъ-паша былъ еще простымъ кавасомъ (полицейскимъ), пришелъ онъ однажды къ нему въ москательную лавку и попросилъ въ подарокъ мускатный орѣхъ; съ тѣхъ поръ онъ, не смотря на свой высокій постъ, всякій разъ ласково кланяется ему и желаетъ добраго дня.

Султанъ прислалъ къ графу Решидъ-бея въ качествѣ михмандара, т. е. онъ долженъ былъ заботиться во все время пути о помѣщеніи и угощеніи высокаго гостя. Вся свита посла должна была совершить путешествіе изъ Адріанополя въ Константинополь на счетъ султана; но я не пользовался этою щедростью, когда ѣхалъ изъ Адріанополя въ Родосто.

Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Родосто, 80 лѣтній аянъ просилъ меня полечить его 22-хъ лѣтнюю жену. Я послалъ ей лекарствъ, но думаю, что пользы они не принесли ей.

15-го Ноября, выѣхали мы большимъ обществомъ изъ Родосто. Дороги испортились отъ дождей, лошадямъ было тяжело. На лугахъ попадались большія стада овецъ и рогатаго скота, но деревьевъ не видать ни одного. Дурная погода мѣшала намъ любоваться Мраморнымъ моремъ, виднѣвшимся впереди. Остановка была назначена въ Туркменли. Мы уже были близко, какъ вдругъ прискакалъ Турокъ съ извѣстіемъ, что всѣ жители отъ страха оставили городъ, и намъ придется остановиться въ ближнемъ селѣ. Дѣлать было нечего. На нашу долю досталась комната, въ которой ничего не было кромѣ стѣнъ; въ отверстіе въ крышѣ, служившее окномъ, лилъ дождикъ, дымъ отъ очага разстилался по всей комнатѣ, потому что трубы не было. Мы должны были уйти оттуда въ другой домъ, гдѣ по крайней мѣрѣ не страдали отъ дыма и дождя и могли спокойно напиться чаю. Къ ужину деревенскій старшина прислалъ намъ пилаву и блиновъ съ творогомъ.

До приморскаго города Геракліи (Эрекли) оставалось 4 часа пути, если ѣхать на Туркменли; но тотъ же самый Турокъ, который наканунѣ выскочилъ къ намъ на встрѣчу, указалъ дорогу въ другую сторону. Вѣроятно, этого мошенника нарочно подослали изъ Туркменли, чтобъ помѣшать намъ въѣхать въ городъ; благодаря ему, мы сдѣлали большой крюкъ и только черезъ 6 час. пріѣхали въ Гераклію. Дорога шла пустынною мѣстностью, намъ попались только двѣ мызы, и даже около самой Геракліи не видно было ни дачъ, ни садовъ, указывающихъ на близость приморскаго города. Онъ расположенъ на южномъ отлогомъ берегу бухты и выдается въ море; сѣверный берегъ образуетъ гавань. Здѣсь я въ первый разъ въ Турціи увидалъ на гребнѣ предгорія 4 большія осьмикрылыя вѣтряныхъ мельницы. Въ гавани находилось до тридцати небольшихъ судовъ, ихъ мокрые паруса сушились на солнцѣ. Все вмѣстѣ придавало городу привлекательный видъ. Старыя полуразвалившіяся городскія стѣны были усѣяны Турками и Греками, которыхъ привлекло любопытство видѣть Русскихъ. Они насъ довольно ласково привѣтствовали. Квартиру намъ опять отвели въ епископскомъ домѣ; къ намъ вышли на встрѣчу два священника, благословили насъ и сейчасъ же повели въ церковь Св. Георгія. Само собою разумѣется, что эти радостныя привѣтствія и почести относились не къ намъ, но Греки теперь радовались возвращенію нашего посольства, потому что надѣялись, что оно ихъ защититъ отъ Турецкихъ насилій и оскорбленій.

Митрополія находится на краю города; домъ для пріюта путешественниковъ стоитъ на обрывѣ утеса, откуда открывается видъ на море и гавань. Маленькая, хорошенькая церковь очень обвѣтшала, такъ какъ Турки не позволяли ее поправлять. Пока намъ готовили ужинъ, старшій священникъ, сосланный сюда изъ Константинополя, водилъ насъ къ развалинамъ стариннаго собора, построеннаго Греческими императорами и увеличеннаго впослѣдствіи Генуэзцами. Отъ него остались только стѣны, своды и погреба. Въ одномъ изъ нихъ, по сказанію, апостолъ Андрей совершалъ обрядъ крещенія; мѣсто это считается священнымъ. Между обломками мрамора, можетъ быть, когда-то составлявшими часть Греческаго храма, сохранился какой-то торсъ колосальныхъ размѣровъ; проводникъ нашъ говорилъ, что это торсъ Аѳины. Въ стѣнахъ, поддерживавшихъ главный сводъ, виднѣлись еще стержни мраморныхъ колоннъ, вдѣланныхъ для прочности. Изъ подъ обвалившейся известковой штукатурки, покрытой живописью, выступали старинныя фрески. Домой мы возвратились вдоль крутаго морскаго берега, гдѣ остатки старыхъ стѣнъ и цѣлый рядъ погребовъ показывали, что когда-то эта возвышенная часть полуострова была заселена, какъ и слѣдуетъ ей быть. Видъ оттуда былъ великолѣпный. Заходящее солнце заливало яркимъ блескомъ море и мелькавшія лодки величиною съ орѣховую скорлупу. На противоположной сторонѣ синѣли вершины Анатолійскихъ горъ, въ сторонѣ Геллеспонта островъ Мармара выдѣлялся яркимъ чернымъ вырѣзкомъ на слегка затуманенномъ дискѣ солнца. И вся эта красота пропадала даромъ! Любоваться было некому: населенная часть города находится на сѣверномъ откосѣ полуострова.

Когда мы вернулись домой, я долженъ былъ прежде заслужить свой ужинъ, подавая медицинскіе совѣты и выдавая лекарства. Супъ, рыба и вино оказались далеко не такого качества, какъ у архіерея въ Родосто. Но голодъ не позволялъ намъ быть разборчивыми; Діодати

потомъ увѣрялъ, что желудокъ его пострадалъ отъ этого ужина. Библіотеки въ митрополіи не было, только у сосланнаго священника нашлось въ комнатѣ нѣсколько Греческихъ классиковъ.

17-го Ноября отправились мы дальше въ Селиврію (Селимбрія); дорога шла по невысокимъ холмамъ, вдоль берега моря. Погода была отличная. По той же дорогѣ шелъ Турецкій регулярный пѣхотный полкъ; но хотя въ немъ замѣтенъ былъ безпорядокъ, мы благополучно проѣхали мимо. Состоялъ онъ большею частію изъ мальчиковъ лѣтъ 12-ти, 15-ти, имѣвшихъ крайне жалкій видъ. Съ ними шелъ Русскій плѣнный, фельдфебель гвардейскаго полка Аладинъ; онъ умолялъ насъ похлопотать въ Константинополѣ объ его освобожденіи. Турки всѣхъ нашихъ солдатъ Татарскаго происхожденія безъ церемоніи записывали въ свои полки; христіанъ же они старались голодомъ и заманчивыми обѣщаніями склонить къ отреченію отъ христіанской вѣры и къ поступленію къ нимъ на службу.

Селиврія находится на длинномъ полуостровѣ, въ одной изъ бухтъ Мраморнаго моря и издали кажется очень живописною. Передъ городомъ лежитъ низменность, черезъ которую еще Сулейманъ Великій построилъ мостъ въ 40 арокъ.

Когда-то Византійскій императоръ, для защиты столицы отъ нападеній варваровъ, велѣлъ воздвигнуть стѣну и насыпать валъ, которые шли прямо отъ Селивріи на Босфорѣ до Деркіойя (Караякіой) на Черномъ морѣ, но теперь отъ нихъ не осталось почти никакого слѣда. Мы и тутъ остановились въ митрополіи; но Діодати, помня вчерашній ужинъ, предпочелъ остаться въ одной изъ кофеенъ. Духовное лицо, хозяинъ, объявилъ намъ, что онъ самъ и есть владыка. Священникъ проводилъ меня въ соборъ, откуда открывался прелестный видъ на Мраморное море. Когда мы вернулись, путеводитель мой показалъ мнѣ свои литературныя сокровища: нѣсколько словарей, Ксенофонта, нѣсколько томовъ Новогреческой энциклопедіи; библіотеки и здѣсь тоже не водилось. Теперешній соборъ стоитъ напротивъ архіерейскаго дома; онъ обветшалъ, малъ и теменъ. Тамъ служили вечерню, когда я вошелъ; я поспѣшилъ уйти, жалѣя свои уши. Въ Селивріи мнѣ тоже пришлось лечить и давать лекарства. Въ домѣ архіерея была молодая больная Гречанка, родственница его, какъ онъ говорилъ. Онъ очень спокойно и обстоятельно объяснилъ мнѣ ея болѣзнь, оказавшуюся очень сложной; лекарства тутъ едва ли могли принести пользу. Къ ужину подали двѣ рыбки, надъ которыми владыка произнесъ благословеніе и прочелъ «Отче Нашъ». За это мы его угостили ромомъ, который произвелъ на него сильное дѣйствіе.

Дорога изъ Селивріи въ Буюкъ-Чекмедже довольно оживлена. По склону горъ, идущихъ вдоль берега, виднѣются Греческія деревни, виноградники, огороды, пашни; съ горы стекаетъ маленькая рѣчка Карасу, которая до впаденія въ море образуетъ широкое, гладкое озеро. Лѣтомъ оно вѣроятно высыхаетъ, но Сулейманъ построилъ здѣсь большой мостъ. Нѣкогда мѣсто это называлось Атирасъ; здѣсь въ половинѣ 5-го столѣтія стоялъ лагеремъ Атила. Теперешній городъ построенъ ниже; на верху видны слѣды прежняго морскаго берега, тамъ стоитъ деревня Архаэбургасъ. Красавицы Гречанки сбѣжались смотрѣть на насъ: для нихъ мы были историческими, давно желанными людьми. Насъ помѣстили въ хорошенькомъ домикѣ у бочара. Умудренные опытомъ послѣднихъ дней, мы дали хозяйкѣ денегъ, велѣли ку-

пить рыбы, молока и еще что нибудь и состряпать намъ что нибудь хорошее. Какъ только люди эти увидали нашу готовность за все платить, такъ стали выказывать крайнюю безсовѣстность и начали требовать платы за все, даже за соль; мы пригрозили, что пожалуемся аяну, и они тотчасъ присмирѣли и стали тише воды, ниже травы. На другой день мы узнали, что отъ аяна были присланы куры и пилавъ для насъ.

Дорога до Кучукъ-Чекмедже (Понте-Пиколо), благодаря отвратительной вѣтряной, дождливой погодѣ и скверному шоссе, показалась намъ очень утомительной. Шоссе вымощено плитами, вѣроятно еще во времена Юстиніана, такъ какъ и тутъ и въ Понте-Гранде было нѣсколько императорскихъ загородныхъ дворцовъ. Кучукъ-Чекмедже, въ древности Регіумъ, лежитъ у озера, истокъ котораго впадаетъ въ море; въ городъ ведетъ короткій мостъ на высокихъ сводахъ. Намъ отвели квартиру въ домѣ ткача.

20-го Ноября 1829 года, въ дождливую и снѣжную погоду, отправились мы, минуя Византію, въ лѣтній дворецъ Русскаго посольства, въ Буюкдере, до котораго было 8 часовъ ѣзды. Хотя мы находились у знаменитой столицы Стамбула, тѣмъ не менѣе вокругъ насъ была пустыня. Даже узкое шоссе, длинной ниточкой тянущееся по равнинѣ, непохоже было на дорогу великаго султана; его устроивали вѣроятно какіе-то Готтентоты. Доѣхавъ до равнины Дуадъ-паша, стариннаго Гебдомона, гдѣ Византійскіе императоры производили смотръ своимъ войскамъ, какъ и въ настоящее время султаны предъ началомъ войны, мы повернули налѣво въ Буюкдере. Дорога шла мимо новыхъ казармъ, мимо Рамишъ-Чифлика, резиденціи султана. Вы можете себѣ представить, съ какимъ любопытствомъ я глядѣлъ на старую зубчатую городскую стѣну съ высокими башнями, на дома, на тонкія какъ громоотводъ, стремящіяся къ небу стрѣлки минаретовъ, на Босфоръ и на гавань. Въ ожиданіи нападенія Русскихъ, всѣ высоты укрѣплены посредствомъ новыхъ шанцевъ. Перерѣзанная множествомъ долинъ мѣстность имѣетъ нестройный характеръ, но она становится красивѣе у Джендере, гдѣ дорога спускается къ мосту, перекинутому черезъ «прѣсныя воды». Это мѣсто было любимой резиденціей султана и всего двора; тутъ настроено слишкомъ сто загородныхъ замковъ; теперь оно посѣщается уже менѣе, хотя все по прежнему красиво и привлекательно. Остальная часть дороги до Буюкдере представляетъ вересковую пустыню, на которой стоятъ какъ великаны водопроводные столбы. Только подъѣзжая къ Буюкдере, у послѣдней лощины, мѣстность близъ Босфора вдругъ поражаетъ красотой, благодаря чему она и сдѣлалась лѣтнимъ мѣстопребываніемъ посланниковъ и другихъ богатыхъ обитателей Перы. Такъ какъ квартира наша въ Перѣ еще не была готова, то мы прожили нѣсколько дней на дачѣ Русскаго посольства, которая стоитъ у самаго Босфора. Красивѣе этого дома нѣтъ во всемъ Буюкдере.

23-го Ноября 1829 года переплыли мы Босфоръ, высадились у Топханэ и съ торжествомъ вступили мы въ узкія улицы Перы.

IV.

Константинополь, Декабрь 1829 года.

Вчера, гуляя въ Перѣ, я дошелъ до башни Галаты и отсюда любовался красивой картиной, открывшейся передъ моими глазами, какъ вдругъ меня окликнули порусски: «здравствуйте, ваше благородіе».

Какой-то незнакомый матросъ призналъ мой Русскій мундиръ. Оказалось, что онъ недѣлю назадъ пріѣхалъ изъ Одессы, гдѣ затвердилъ нѣсколько Русскихъ словъ, и теперь былъ радъ случаю пустить въ ходъ свое знаніе. Вообще, кажется, урокъ, полученный Турками, произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе: султанъ на первой же аудіенціи поспѣшилъ завѣрить графа Орлова, что трактаты будутъ приведены въ исполненіе въ наискорѣйшемъ времени съ величайшею точностію; народъ же и военные, завидя нашъ мундиръ, первые кланяются и привѣтствуютъ насъ. Греки, проходя мимо, тихо говорятъ: «здрасть батушка добръ». На невольничій рынокъ христіанъ здѣсь не пускаютъ, такъ что, когда надсмотрщикъ увидалъ, что мы подходимъ къ этому мѣсту, то пришелъ въ смущеніе и не зналъ какъ быть; впрочемъ кончилъ тѣмъ, что пропустилъ. Христіане не имѣютъ также права покупать въ лавкахъ оружія, и полиція за этимъ строго смотритъ. Капитанъ Коцебу сторговалъ прекрасную Турецкую саблю за 10 червонцевъ, какъ вдругъ явился кавасъ и хотѣлъ помѣшать продажѣ; но ему пригрозили, и сабля осталась у Коцебу. Вообще названія Руссъ и Московляръ надолго останутся въ памяти у всѣхъ, начиная съ нищихъ бѣгавшихъ за нами по Адріанопольскимъ улицамъ и кричавшихъ: Бояръ, Бояръ, дай парички! (денегъ) и кончая министромъ финансовъ султана, у котораго мы въ свою очередь требовали парички. Благодаря Русскимъ, въ Болгарахъ начинаетъ пробуждаться сознаніе, что Турки не полубоги, а такіе же люди, и если эта мысль, подкрѣпленная примѣрами, укоренится въ нихъ, то для Турокъ могутъ возникнуть многія и многія затрудненія; но этимъ самымъ только что возникающимъ сознаніемъ Болгарскаго народа могутъ легко воспользоваться наши завистники и враги, ради собственной наживы. Уже и теперь многіе Болгары и Греки, имѣющіе сношенія съ извѣстными купцами, говорятъ, что «условія мира обманули ихъ надежды, что мы ихъ бросили на произволъ судьбы, тогда какъ они были готовы насъ встрѣтить съ распростертыми объятіями. На будущій разъ они уже не будутъ такъ довѣрчивы!» На будущій разъ?! Гласъ народа—гласъ Божій; я тоже думаю, что наступитъ и «будущій разъ!» Искра будетъ все тлѣться подъ пепломъ: ей не дадутъ потухнуть недовольные нами участники борьбы на Балканскомъ полуостровѣ; и други и недруги будутъ одинаково поддерживать огонекъ. Первые сожалѣютъ о сговорчивости и умѣренности нашего Государя; послѣдніе кричатъ, что мы злоупотребляемъ побѣдой! Что же было бы, еслибъ мы водрузили свое знамя на стрѣлкѣ Сераля, возстановили храмъ св. Софіи, и размѣстили бы свои утомленныя чрезмѣрными трудностями похода войска въ прекрасныхъ Константинопольскихъ казармахъ? Англичане, конечно, уничтожили бы нашъ незначительный, запертый въ Эносѣ флотъ, но при этомъ и сами бы потеряли одинаковое количество кораблей и людей. Вмѣсто того и наши, и ихъ корабли съ экипажемъ остались цѣлы въ бухтѣ; но мы, побѣдители, потеряли на самомъ мѣстѣ побѣды вдвое больше людей! Нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ сюда курьеромъ изъ Бургаса графъ Кутайсовъ; онъ разсказывалъ ужасныя вещи о положеніи нашихъ войскъ, шедшихъ изъ Адріанополя на зимнія квартиры, а также и про больныхъ нашихъ, оставшихся въ Адріанополѣ. 8-го Ноября выѣхала изъ Адріанополя Главная Квартира, а послѣдніе фургоны еще не прибыли въ Бургасъ 26-го. Отъ недостатка корма большая часть лошадей

и быковъ пала дорогой; люди умирали отъ холода и изнуренія; у кого еще были силы, тѣ тащились съ трудомъ какъ могли; но, пройдя нѣсколько миль, тоже не выдерживали и падали. Я разскажу вамъ два случая изъ Адріанопольской жизни, чтобъ вы могли сами судить, насколько основательны мои жалобы на то, что намъ помѣшали продолжать наше тріумфальное шествіе въ Константинополь. За нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ Адріанополя, новое управленіе приказало перевести изъ госпиталя въ такъ называемый карантинъ 30 чел. больныхъ, на которыхъ были найдены сомнительные признаки чумы. Изъ любопытства я отправился съ ними, грязь была ужасная, дождь такъ и поливалъ, а палатки для нихъ были поставлены прямо на размокшей землѣ. Глубоко соболѣзнуя объ ихъ участи, я пошелъ назадъ въ госпиталь. У рѣшетки, окружающей главный подъѣздъ, сидѣлъ солдатъ егерскаго полка, наканунѣ вечеромъ выступившаго въ Бургасъ; онъ прислонился къ рѣшеткѣ, опершись головой на лѣвую руку. Я подошелъ къ нему спросить, что съ нимъ—онъ уже умеръ. Солдаты, стоявшіе на караулѣ, разсказывали мнѣ, что онъ отъ изнуренія не могъ поспѣть за полкомъ, приползъ назадъ, присѣлъ отдохнуть, да тутъ и покончилъ. Другой побрелъ дальше шаговъ на 200 къ стѣнѣ, гдѣ былъ разложенъ огонь, думалъ согрѣть окоченѣлые члены, но совсѣмъ замерзъ и теперь лежитъ мертвый. Если бы въ Августѣ егерскій полкъ размѣстили по казармамъ въ Рамишъ-Чифликѣ или въ Скутари, ничего этого бы не было. А тутъ дипломаты и тактики толкуютъ о томъ, какое счастіе, что войска наконецъ могли остановиться, и что этимъ они обязаны заключенному миру!.

Я разговорился съ вышеупомянутымъ Одесскимъ матросомъ, но не о политикѣ, а о возрастающей дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ. Два года тому назадъ, на той же самой набережной можно было за 20 пара (20 копѣекъ) наѣсться до сыта, теперь для этого требуется по крайней мѣрѣ 60, даже 80 к. Маленькая комнатка, съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугой, стоитъ здѣсь въ Перѣ 100 и 150 піастровъ (40—60 р.), завтракъ съ хлѣбомъ и туземнымъ виномъ 80 и 100 пара, обѣдъ въ Hôtel de Londres 5 піастровъ. Фунтъ печеныхъ каштановъ стоитъ 8 паръ, куриное яйцо столько же, сотня устрицъ 60 и 80 пара. Бѣлый хлѣбъ дешевле чѣмъ у насъ, но во время блокады Дарданеллъ цѣна на него такъ поднялась, что семейство изъ 12 человѣкъ должно было тратить ежедневно на хлѣбъ 20 піастровъ (8 рубл.). Въ молоко здѣсь подмѣшиваютъ воду, какъ вездѣ въ большихъ городахъ и берутъ за штофъ 50, 60 к. О свѣжемъ сливочномъ маслѣ не имѣютъ понятія. Весною иногда оно попадается на рынкахъ, теперь же есть только топленое масло. Вино туземнаго издѣлія недурно и недорого, такъ что можно обойтись и безъ иностраннаго, но здѣсь считается признакомъ хорошаго тона подавать за обѣдомъ Французскія вина. Фонтановъ и колодцевъ великое множество, такъ какъ всякій правовѣрный мусульманинъ считаетъ богоугоднымъ дѣломъ устроить хоть одинъ колодезь; въ этомъ они, конечно, правы, но неправы въ томъ, что не видятъ, что главная причина сонливости и апатіи народа лежитъ въ злоупотребленіи табакомъ и опіумомъ. Вода въ водопроводахъ здѣсь желта и мутна, но въ фонтанахъ чиста какъ кристалъ.

Такъ какъ я уже заговорилъ о дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ, то могу еще пожаловаться, что здѣсь нельзя найти Русскаго чернаго

чаю; есть только Англійскій зеленый, и тотъ продается въ аптекахъ. Въ кофеѣ, конечно, недостатка нѣтъ; фунтъ жженаго и смолотаго кофе Мартиника стоитъ 60 к., фунтъ Мокки 1 р. 20 к. Въ Адріанополѣ онъ былъ лучше и стоилъ дешевле.

*

Если когда нибудь Константинополь перейдетъ въ руки Европейцевъ, то Турецкія кладбища должны быть сохранены въ цѣлости въ память окончанія Турецкаго владычества въ Европѣ. Гдѣ тѣ времена, когда Турки были такъ могущественны? Сгубило ихъ не незнаніе Европейской военной науки, а упадокъ воинственнаго духа; а духъ этотъ убила военная солдатская выправка новѣйшаго времени, которую имъ навязали, и въ которой они не видятъ ни смысла, ни необходимости. Они не понимаютъ, зачѣмъ, если Аллахъ далъ имъ ноги, чтобъ стремительно кидаться на врага, или чтобъ спасаться бѣгствомъ, зачѣмъ нужно маршировать непремѣнно въ три пріема, ружье заряжать во столько-то пріемовъ, стрѣлять, вынимать саблю, все это извѣстнымъ образомъ, а не иначе. Всякій разъ, какъ является возможность свободно дѣйствовать и притомъ на конѣ, они проявляютъ отчаянную, безумную храбрость; напримѣръ, придетъ какому нибудь дэли (сумасшедшему) фантазія снести голову непріятельскому офицеру, или освободить попавшагося въ плѣнъ товарища, будь это на 200—300 шаговъ отъ фронта, или вообще выказать свою храбрость, онъ вдругъ выскакиваетъ изъ рядовъ и мчится на врага, за нимъ скачутъ десять, двадцать, тридцать человѣкъ, и тутъ не поможетъ ни команда, ни сигналы: они всѣ дэли сумасшедшіе! Пѣшій же Турокъ считаетъ себя погибшимъ, защищается плохо и старается спастись бѣгствомъ. Если иногда и случается ему упорно защищаться, то можно навѣрное сказать, что онъ отстаиваетъ свое оружіе или туго набитый кошелекъ, но пользы упорнаго сопротивленія всей массой онъ не признаётъ. Къ тому же онъ считаетъ дисциплину и слѣпое повиновеніе уничиженіемъ для себя, тѣмъ болѣе, что Коранъ повелѣваетъ ему на войнѣ и въ битвѣ съ гяурами неистовствовать какъ его душѣ угодно, а дисциплина нарушаетъ заповѣдь. Для новобранцевъ механизмъ веденія войны кажется только непріятнымъ продолженіемъ казарменнаго ученія, потому что народъ не понимаетъ, зачѣмъ ему драться съ чужими, хорошо обученными солдатами: добычи при этомъ не предвидится никакой, развѣ только носы и уши, чтобъ облегчить себѣ доступъ въ рай. Четыре мѣсяца тому назадъ, когда мы были уже за Балканами, народъ и не подозрѣвалъ грозящей опасности, и только когда мы заняли Адріанополь и Луле-Бургасъ, онъ немного вышелъ изъ апатіи; но при этомъ рѣшался только на одно—переселиться въ Азію въ крайнемъ случаѣ. И теперь они не думаютъ нисколько о жертвахъ, которыя, можетъ быть, придется принести. Даже самъ рейсъ-эффенди, считающійся человѣкомъ образованнымъ, въ иныхъ случаяхъ поражаетъ отсутствіемъ необходимыхъ знаній и невѣроятнымъ равнодушіемъ къ важнымъ вопросамъ. Сербскіе депутаты, которыхъ я встрѣтилъ въ Луле-Бургасѣ, пріѣхали сюда, чтобъ опредѣлить новыя границы своего расширеннаго княжества и получить утвержденіе Порты. Еслибы они хотѣли воспользоваться тѣмъ, что Турки не знаютъ географіи даже своей собственной земли, то имъ было бы легко прирѣзать себѣ какіе угодно участки. Однажды рейсъ-эффенди очень наивно спросилъ, будетъ-ли теперь Нишъ тоже принадлежать Сербіи. Нѣчто

подобное случилось съ Турецкими уполномоченными во время переговоровъ о мирѣ въ Адріанополѣ. Имъ показали на картѣ отдѣльно каждый округъ, который отходилъ къ Россіи. Они бросили бѣглый взглядъ на карту и сказали обычное *пекирръ* (ладно). Потомъ они попросили показать, какое пространство всѣ эти округи составятъ вмѣстѣ, и тогда нашли, что это выходитъ черезъ чуръ много. Имъ на это замѣтили, что они на переговорахъ о каждомъ округѣ отдѣльно изъявили свое согласіе; тогда они махнули рукой и проговорили: *э, пекирръ.*

*

Вчера за завтракомъ у Коцебу я встрѣтилъ одного изъ адъютантовъ султана, молодаго полковника Ауни-бея, который можетъ служить образчикомъ того, въ какой мѣрѣ удались культурные опыты Махмуда. Онъ былъ похожъ на Европейца, насколько это возможно для Турка, не получившаго Европейскаго школьнаго образованія; при этомъ былъ очень добродушенъ и совершенный ребенокъ. Вмѣсто сладкой малаги, которая допускается мусульманами взамѣнъ шербета, онъ пилъ крѣпкую смородинную настойку, находя, что та годится только для женщинъ. Онъ говоритъ пофранцузски съ трудомъ, но понимаетъ все. Смородиновка и Шампанское развязали ему языкъ, такъ что онъ предложилъ даже тостъ за императора Николая; мы, конечно, отвѣчали тостомъ за султана. Судя по его разсказамъ, военныя реформы въ Турціи коснулись только внѣшности, хотя онъ и придавалъ имъ большое значеніе, какъ напр. султанъ пересталъ брить голову, сталъ отращивать волосы и хочетъ уничтожить феску. Галиль-пашѣ, отправленному посломъ въ Петербургъ, приказано не носить тамъ фески, такъ какъ онъ военный; самъ онъ, Ауни, не женатъ еще, потому что такъ лучше для солдата. Мы его звали къ себѣ въ гости въ Петербургъ, но онъ сказалъ, что боится, какъ бы не привыкнуть къ тамошней жизни, а тогда ему ужъ покажутся тяжелы родные обычаи. Послѣ завтрака, онъ предложилъ намъ отправиться вмѣстѣ въ храмъ къ вертящимся дервишамъ, чтобъ посмотрѣть на ихъ обряды. Храмъ находится на улицѣ, ведущей въ Галату и окруженъ золоченой рѣшеткой, за которой виднѣются могилы святыхъ. На рѣшеткѣ висятъ 20 жестяныхъ чашъ, которыя сторожъ постоянно наполняетъ водой изъ находящагося тутъ же колодца, для того чтобы набожные прохожіе могли утолить жажду. Молитвенный круглый залъ находится на дворѣ; вдоль стѣнъ идутъ колонны, поддерживающія хоры и соединенныя рѣшетками, такъ что въ залу кромѣ дервишей никто не можетъ войдти. Въ восточной его части на полу лежитъ подушка для главнаго дервиша, а на противоположной сторонѣ дверь, въ которую входятъ остальные 12 дервишей; входя они низко кланяются и затѣмъ при звукахъ барабана и флейты торжественно, мѣрными, мелкими шагами совершаютъ первый обходъ; поровнявшись съ главнымъ дервишемъ, они ему низко кланяются, потомъ становятся въ кругъ, сбрасываютъ плащи и остаются въ зеленыхъ суконныхъ курткахъ съ широкими, длинными рукавами и въ длинныхъ сапогахъ изъ той же матеріи, крупными складками ниспадающихъ до полу; на головахъ надѣты острыя шапки изъ сѣраго войлока, въ видѣ пирамиды, фута въ два вышиною. Покуда они стоятъ неподвижно, можно разсмотрѣть ихъ блѣдныя лица съ ввалившимися щеками, впалые, тусклые глаза и черныя бороды; но еще минута, и они вытягиваютъ горизонтально руки, закрываютъ глаза и начинаютъ кружиться на одномъ мѣстѣ какъ кубарь. Въ это время юпки

ихъ, съ вшитыми въ подолъ свинцовыми гирьками, развѣваются и образуютъ пирамиду съ широкимъ основаніемъ, изъ подъ котораго виднѣются босыя ноги, быстро движущіяся въ тактъ подъ звуки раздирающаго душу пѣнія. Верченіе это повторяется три раза и продолжается всякій разъ минутъ 8 или 10, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не шатается и не падаетъ. Въ это время главный дервишъ медленно обходитъ вкругъ залы, ставя при этомъ пятку одной ноги прямо къ носку другой, какъ будто желая вымѣрить такимъ образомъ г ю залу; потомъ снова садится и принимаетъ поклоны дервишей. Одѣтъ онъ совершенно также какъ и остальные, но шляпа его въ отличіе отъ другихъ обвязана зеленой лентой.

29-го Декабря 1829.

Въ прошлый Четвергъ былъ концертъ у Австрійскаго посланника, барона фонъ Отенфельса. Съ незапамятныхъ временъ Четвергъ былъ пріемнымъ днемъ въ этомъ посольствѣ, какъ вдругъ другая національность заявила притязанія на этотъ же день. Изъ-за Четверга возгорѣлась борьба, едва не кончившаяся дипломатическимъ разрывомъ; но тутъ война между Россіей и Турціей отвлекла вниманіе враждующихъ и заставила ихъ примириться. Австрія отстояла свой Четвергъ. Общество въ Перѣ отличается такимъ разнообразіемъ элементовъ, что хозяину и хозяйкѣ дома довольно трудно придумать развлеченіе для пестрой толпы гостей. Разумѣется, пестрота эта внутренняя, духовная, а отнюдь не внѣшняя, такъ какъ всѣ мужчины являются въ черномъ, только трое Русскихъ, Бахметевъ, Коцебу и гр. Орловъ, въ военныхъ мундирахъ сверкаютъ какъ кометы. Въ своемъ затруднительномъ положеніи хозяйка прибѣгнула къ отличному средству, къ музыкѣ. Г-нъ фонъ Клетцель прекрасно играетъ на фортепьяно и самъ сочиняетъ, Бахметевъ играетъ на віолончели; къ нимъ присоединили гитариста, нѣсколько пѣвцовъ и пѣвицъ, и такимъ образомъ музыки оказалось больше, чѣмъ сколько требовалось.

Въ концертѣ присутствовали представители различныхъ величествъ; они всѣ сидѣли въ первомъ ряду креселъ. Между ними особенно выдѣлялся ростомъ и дородствомъ Сардинскій посланникъ Гропалло, Геркулесъ, изъ котораго можно бы выкроить по крайней мѣрѣ двухъ обыкновенныхъ дипломатовъ. Онъ сидѣлъ, погруженный въ размышленія, рядомъ съ Датскимъ посланникомъ, барономъ Гюбшемъ, отецъ котораго былъ очень богатъ и игралъ большую роль въ Константинополѣ; къ сожалѣнію сынъ не наслѣдовалъ ни богатства, ни вліянія отца. Онъ очень заботился о нашихъ плѣнныхъ въ Турціи, за что и получилъ отъ Государя Владимірскую звѣзду и 100,000 піастровъ въ подарокъ.

По лѣвую сторону отъ Датскаго посланника сидѣлъ представитель Пруссіи Ройеръ, старый, опытный дипломатъ: безъ его участія въ послѣднія двадцать лѣтъ не заключалось ни одного важнаго мира или трактата въ Европѣ. Ему мы обязаны дѣятельнымъ посредничествомъ при заключеніи Адріанопольскаго мира. Съ графомъ Орловымъ и его свитой онъ обращается очень дружески. Но за то сосѣдъ его, Англійскій посланникъ Гордонъ, не смотря на всѣ усилія, никакъ не можетъ скрыть своего желанія отправить Русскихъ куда нибудь даже подальше Азіи, хоть на сѣверный полюсъ. Онъ даже отростилъ себѣ усы, когда узналъ, что мы въ Адріанополѣ, чтобъ имѣть болѣе воинственный видъ въ случаѣ столкновенія между Англійскимъ флотомъ и нашей небольшой экадрой въ бухтѣ Эносъ.

Австрійскій посланникъ сидѣлъ между нимъ и Русскимъ посломъ, составляя собою какъ бы перегородку между бульдогомъ и полярнымъ медвѣдемъ. Французскій посланникъ не пріѣхалъ по болѣзни.

Послѣ концерта много говорили объ Янычарахъ, не задолго передъ тѣмъ истребленныхъ Махмудомъ. Кажется, что графъ Орловъ первый заговорилъ о нихъ, сравнивъ переворотъ этотъ съ уничтоженіемъ стрѣльцовъ Петромъ Великимъ. Въ семьѣ Орловыхъ, какъ извѣстно, существуетъ преданіе объ ихъ предкѣ стрѣльцѣ, который за свою физическую силу и нравственное мужество былъ помилованъ Царемъ. Онъ уже шелъ на казнь и спокойно, со связанными назадъ руками, подходилъ къ плахѣ, возлѣ которой лежали кучею отрубленныя головы товарищей; у самой плахи лежало тѣло только что казненнаго стрѣльца. Высокій, красивый, бѣлокурый юноша шутя оттолкнулъ ногою трупъ, примолвя: «пусти, товарищъ!» и хотѣлъ уже положить голову, какъ вдругъ Петръ, пораженный его словами, крикнулъ: «Стой, довольно!» Этотъ Орловъ былъ переведенъ въ гвардію, сдѣлался вѣрнымъ товарищемъ Царю, и съ тѣхъ поръ весь родъ ихъ вѣрою и правдою служитъ царской семьѣ, которая въ свою очередь всегда платила имъ милостію.

Россія и Австрія уже давно уговорились съ Турецкимъ правительствомъ, что ихъ посланники не будутъ привозить подарковъ Высокой Портѣ; но графъ Орловъ счелъ долгомъ доставить Сералю и высшимъ должностнымъ лицамъ, по стародавнему обыкновенію—что̀ бы вы думали?—пудъ настоящаго Китайскаго ревеннаго корню. Отлично укупоренное желудочное лекарство было отослано къ обергофмаршалу Турецкаго двора.

Одесскій карантинъ, 1 Іюня 1830 г.

30 Мая прошлаго года выѣхалъ я изъ Петербурга, а нынѣшній день снова ступилъ на родную землю. Двѣ недѣли тому назадъ, 17 (29) Мая размѣнены мирныя ратификаціи. На другой день графъ Орловъ простился съ султаномъ въ Терапіи, въ кіоскѣ, гдѣ стоялъ диванъ покрытый ситцемъ. Султанъ устранилъ всякія околичности, имѣлъ при себѣ одного адъютанта и секретаря и пригласилъ въ кіоскъ обоихъ военныхъ спутниковъ графа Орлова, Коцебу и Бахметева. Секретарь служилъ толмачомъ. Разговоръ продолжался недолго. Султанъ снялъ съ своего пальца драгоцѣнный перстень и собственноручно передалъ его на память графу Орлову: неслыханная милость мусульманскаго падишаха относительно христіанина. Адъютантъ вручилъ спутникамъ графа табакерки осыпанныя брилліантами. 21-го Мая, посольство, во всемъ своемъ составѣ, сѣло въ большую лодку, переправилось въ Буюкдере и тамъ ожидало благопріятнаго вѣтра. Въ 10 часовъ утра, 24 Мая, тяжеловѣсный линейный корабль «Парменъ» бросилъ якорь. Мы имѣли полную возможность разсмотрѣть оба берега въ этой части Босфора. Корабль нашъ прослѣдовалъ мимо батарей въ Черное море. Девять дней плыли мы до Одессы.

Несокрушимое убѣжденіе, вынесенное мною изъ моего странствія, есть неизбѣжность разрушенія Турціи: censeo Turciam delendam esse. Желаю дожить до того [6]).

---

[6]) Мы раздѣляемъ это желаніе автора, которому нѣнѣ 80 лѣтъ отъ роду. *П. Б.*

Русскіе въ Архипелагѣ въ 1771 году.

Имя графа Ванъ-Кринена извѣстно лицамъ, занимающимся классическою археологіею по такъ-называемой гробницѣ Гомера, возбудившей жаркіе споры, которые привели къ тому, что большинство археологовъ признали этотъ открытый Ванъ-Криненомъ памятникъ за поддѣлку, а самаго его за обманщика и авантюриста. Такой рѣзкій приговоръ побудилъ новаго археолога и эпиграфиста, Лудвига Росса, ознакомиться поближе съ личностью Ванъ-Кринена и съ обстоятельствами, которыя сопровождали сдѣланное имъ открытіе. Они изложены въ книгѣ, изданной Ванъ-Криненомъ въ Ливорнѣ въ 1773 году, подъ заглавіемъ: Breve descrizione dell' arcipelago e particolarmente delle diciotto isole sottomesse l'anno 1771 al dominio Russo, del conte Pasch di Krinen (т. е. «Краткое описаніе Архипелага и въ особенности острововъ, находившихся въ 1771 году подъ Русскимъ владычествомъ»). Величайшая рѣдкость и высокій археологическій интересъ этой книги заставили Л. Росса перепечатать ее съ буквальною точностью. Мы представляемъ изъ нея выдержки, въ которыхъ упоминается о Русскихъ, находившихся въ Архипелагѣ во время первой Екатерининской войны съ Турціею.

Осьмнадцать острововъ Архипелага, подчинившіеся въ 1771 году Русскому владычеству, суть (соблюдаемъ порядокъ и правописаніе Ванъ-Кринена): Milo, Argentiera, Pollicandro, Sichino, Nio, Santorini, Amorgo, Naxia, Micconi, Tine, Sira, Andros, Zea, Termia, Serfo, Sifanto, Paros, Antiparos. При описаніи Милоса Ванъ-Криненъ говоритъ, что тамошнее управленіе до войны Россіи съ Турціей было, какъ на всѣхъ прочихъ островахъ, въ рукахъ Турокъ; но въ началѣ 1771 г. адмиралъ Спиридовъ (за отсутствіемъ графа Орлова, командовавшій Русскимъ флотомъ въ Архипелагѣ) распорядился, чтобы на всѣхъ 18 островахъ, подчинившихся Русскому владычеству, было введено народное управленіе, состоявшее изъ выборныхъ на каждомъ островѣ синдиковъ и канцлера (sindaci ed und cancelliere), которые вѣдали бы всѣ общественныя дѣла. Такъ и на Милосѣ были четыре синдика, изъ коихъ два были въ крѣпости, а два, съ канцлеромъ, въ городѣ. Но былъ ли неудаченъ самый выборъ, или были тому какія нибудь иныя причины, почти на всѣхъ 18 островахъ, которые посѣтилъ Ванъ-Криненъ, народъ былъ крайне недоволенъ своими выборными, такъ что когда Ванъ-Криненъ пріѣхалъ на островъ Сифанто, то засталъ

тамъ открытое возстаніе противъ вновь избранныхъ властей, возстаніе, по его замѣчанію, вызванное дѣйствительно - невыносимымъ ихъ управленіемъ (стр. 117).

Описывая затѣмъ (стр. 71) островъ Наксію, Ванъ-Криненъ говоритъ объ изобиліи и вслѣдствіе сего дешевизнѣ жизненныхъ припасовъ; по его словамъ, до нашествія Русскаго флота (l'invasione dell' armata Russa), за одинъ піастръ можно было легко купить шесть курь или 7, 8 паръ цыплятъ; но послѣ того цѣны возрасли, такъ что за піастръ съ трудомъ можно было пріобрѣсти одну курицу или одну пару цыплятъ. Точно также на островѣ Паросѣ, до 1771 года, тысячу апельсиновъ продавали, и то невсегда, за 2½ или 3 піастра, тогда какъ вслѣдствіе близости къ Паросу Русскаго флота, цѣна поднялась на 10 и 15 піастровъ; лимоны вздорожали съ 1 піастра за тысячу до 3 и 4. Переходя затѣмъ (стр. 118) къ описанію острова Пароса, нашъ авторъ замѣчаетъ, что его въ 1770 г. избралъ Русскій флотъ своею главною стоянкою и своимъ арсеналомъ. На Паросѣ лишь три обитаемыхъ мѣстечка, изъ которыхъ первое носитъ названіе Parchia; въ немъ находится прекрасный соборъ въ честь Богородицы, близъ котораго было зданіе; оно принадлежало сперва капуцинамъ, потомъ папскому викарію и разрушено Албанцами, служившими въ Русскомъ флотѣ. Жители помянутаго мѣстечка занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ и разведеніемъ скота; еслибы они съ надлежащею энергіей занимались хозяйствомъ, то могли бы прокормить войско въ четыре раза бóльшее, чѣмъ Русское. Другое обитаемое мѣстечко на Паросѣ называется Naussa, передъ которымъ находится большая гавань, вмѣщавшая въ себѣ весь Русскій флотъ. Мѣстность этого городка крайне нездорова, и онъ въ настоящее время совершенно бы обезлюдѣлъ, еслибы не благоразумныя распоряженія Русскаго адмирала Спиридова, исправившаго дороги и водопроводы. Точно также и въ самой гавани Русскіе выстроили госпитали, магазины, кузницы и другія зданія, а также поставили для защиты сильныя батареи, изъ коихъ три поменьше были расположены на скалахъ, выдающихся внутри порта.

Въ заключеніе, по поводу распущеннаго однимъ Лондонскимъ журналомъ въ 1772 году слуха о томъ, что Ванъ-Криненъ открылъ гробницу Гомера во время своего путешествія по островамъ Архипелага, предпринятаго имъ на счетъ Русскаго правительства, графъ Ванъ-Криненъ нашелъ нужнымъ приложить нѣсколько документовъ, изъ коихъ видно, что онъ путешествовалъ по этимъ мѣстностямъ дважды: первый разъ по порученію Русскаго правительства, второй—на свой счетъ, и что сказанное открытіе сдѣлано имъ во второе путешествіе. Изъ упомянутыхъ документовъ небезъинтересны два первые; оба за подписью полковника Георгія Толя, командовавшаго Шлиссельбургскимъ пѣхотнымъ полкомъ и нерегулярными войсками; одна бумага скрѣплена полковымъ писаремъ Алексѣемъ Фроловымъ, другая секретаремъ Филипомъ Лангодой; обѣ бумаги начинаются словами: по указу и пр. Первая, за № 48, выданная въ Мартѣ 1771 г. въ стоянкѣ порта Наусcы, свидѣтельствуетъ о томъ, что предъявитель

Генрихъ Леонардъ графъ Пашъ, баронъ де-Криненъ отправленъ съ отрядомъ императорскаго Шлиссельбургскаго полка, состоящимъ изъ капитана гренадеръ Карла фонъ-Герсдорфа, лейтенанта Велькена, шести сержантовъ, восьми капраловъ, одного писаря, одного цирульника, двухъ барабанщиковъ, двухъ флейтистовъ и 34 солдатъ, и имѣетъ порученіе набирать, по подчинившимся императорской власти 18-ти островамъ Архипелага, молодыхъ людей изъ Грековъ на службу Ея Императорскому Величеству. Вторая бумага на Французскомъ языкѣ, отъ 6 Августа того же года, изъ селенія Марм... на островѣ Паросѣ, есть удостовѣреніе въ честномъ и безукоризненномъ поведеніи графа Паша въ теченіи 8 мѣсяцевъ, которые онъ провелъ, въ качествѣ волонтера, на Русской службѣ.

И. Помяловскій.

Письмо адмирала Спиридова къ жителямъ острова Сироса.

Переведено съ Греческаго изъ сочиненія Стефаноса (изданнаго въ Аѳинахъ въ 1875 году) о древнихъ надписяхъ, находящихся на островѣ Сиросѣ въ Архипелагѣ.

На островъ Сиру, начальникамъ, синдикамъ, гражданамъ и всему освященному собору желаю здравія и долгоденствія.

Я имѣю свѣдѣніе о томъ, что на вашемъ островѣ Сирѣ, въ старинной крѣпости, представляющейся разрушенною, влѣво отъ церковной двери, находится мраморная доска и другая ей подобная, на которой изображены фіалъ и другіе сосуды древнихъ жрецовъ изъ временъ идолопоклонства.

Такъ какъ эти произведенія и работа древнія, которыя, по повелѣнію благочестивѣйшей нашей великой Государыни всея Россіи, мы должны послать въ Петербургъ, то, получивъ это наше посланіе, пошлите безъ замедленія эти произведенія ко мнѣ сюда въ портъ Аузу, равно какъ и другія древности, которыя нашлись бы на вашемъ островѣ, не щадя при этомъ вашихъ трудовъ.

Пошлите же мнѣ сюда съ вашимъ собственнымъ письмомъ, перечисливъ въ немъ поименно все, вами посылаемое, для того, чтобы я переслалъ оное въ Петербургъ, что будетъ вамъ служить почетомъ, такъ какъ эти вещи найдены на островѣ Сирѣ. Дѣлайте согласно съ нашимъ письмомъ, какъ можно скорѣе, въ чемъ я остаюсь на васъ благонадежнымъ.

Января 25-го 1772 года.

Адмиралъ и кавалеръ Григорій Спиридовъ.
Секретарь Петр...
Драгоманъ высокопревосходительныхъ адмираловъ
Павелъ Павловици.

Желаніе Русскаго адмирала, замѣчаетъ г. Стефаносъ, не было исполнено, и упоминаемый въ его письмѣ барельефъ въ 1849 году былъ перевезенъ въ Гермуполь.

Встрѣча съ Голандскимъ королемъ Людовикомъ Наполеономъ.

(1810).

(Изъ Записокъ А. С. Лашкарева).

[illegible] Іюня (3 Іюля) 1810 года Голандскій король, находившійся въ Гаарлемѣ, неожиданно прибылъ въ Амстердамъ, собралъ свой государственный совѣтъ, отрекся отъ престола и выѣхалъ изъ города— куда? неизвѣстно.

Того же дня, около одинадцати часовъ вечера, отправился я курьеромъ въ Петербургъ.

Въ проѣздъ мой черезъ крѣпость Наарденъ, мнѣ пришло на мысль освѣдомиться: не проѣзжалъ ли передо мною какой нибудь путешественникъ? Мнѣ сказали, что, за нѣсколько часовъ до прибытія моего, дѣйствительно, проскакала изъ Амстердама четвероместная коляска, и что ѣхавшіе въ ней люди были, по словамъ ихъ, купцы, отправлявшіеся въ Гамбургъ.

Отвѣтъ показался мнѣ неудовлетворительнымъ; я поспѣшилъ моимъ отъѣздомъ.

5-го Іюля, прибывъ въ Девентеръ, я узналъ отъ городскаго почтмейстера тѣже вѣсти о четвероместной коляскѣ, отъ которой я былъ довольно близко и могъ нагнать ее, если поѣду шибче. Почтмейстеръ прибавилъ, что, судя по таинственности, которою прикрываются путешественники, можно подозрѣвать....

Я не далъ ему докончить, угадывая истину и, обѣщавъ почтальону щедро наградить его, если онъ нагонитъ коляску, я выѣхалъ изъ города.

Наконецъ, измученный нетерпѣніемъ и усталостію, открылъ я въ Дипенау, за три станціи до Ганновера, передъ почтовымъ дворомъ, ускользнувшую отъ меня коляску.

Войдя въ домъ почтмейстера, я увидѣлъ, по лѣвую сторону комнаты, бывшаго Голандскаго короля въ партикулярномъ сюртукѣ и круглой шляпѣ. Онъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ. По правую сторону комнаты стояли еще два человѣка, которыхъ я сперва не узналъ.

Заказавъ немедленно лошадей, я еще разъ прошелъ по той сторонѣ комнаты, на которой стоялъ король, въ надеждѣ, что онъ узнаетъ меня, и когда я къ нему приблизился, онъ сказалъ: «Узнаете ли вы меня?»

Я отвѣчалъ ему, что узналъ его съ перваго взгляда при входѣ въ комнату, но уважая его молчаніе, боялся огорчить его неумѣстнымъ привѣтомъ. Тогда онъ пригласилъ меня знакомъ слѣдовать за нимъ. Мы вошли въ другую горницу, довольно уединенную, для свободнаго разговора.

И вотъ что̀ мнѣ сказалъ король:

«Мы тотчасъ узнали васъ, когда вы вошли, и я вамъ очень благодаренъ за вашу скромность. Я почти увѣренъ, что вы отправлены въ Петербургъ съ извѣстіемъ о моемъ отреченіи, и не могу не выразить моей радости, что встрѣтился здѣсь съ вами». Потомъ сталъ онъ меня распрашивать, что̀ произошло послѣ отъѣзда, спокоенъ ли

народъ и вступили ли Французы въ Амстердамъ? Я описалъ ему въ точности положеніе города въ минуту моего отъѣзда. «Мнѣ кажется», возразилъ король, «что публика ничего не знаетъ о цѣли моего путешествія и что, благодаря взятымъ мною предосторожностямъ, почтмейстеры городовъ, въ которыхъ перемѣнялъ я лошадей, не могли узнать меня; экипажъ мой вы видѣли сами. Но что̀ подумаетъ императоръ Александръ, когда узнаетъ объ этомъ событіи? [1]) Не назоветъ ли онъ моего поступка необдуманнымъ безразсудствомъ? Надѣюсь, что вы взяли съ собою всѣ акты, которые велѣлъ я обнародовать и которые объясняютъ причины моего отреченія».

Я отвѣчалъ королю, что хотя и не читалъ я депешей Смирнова [2]), но полагаю, что въ нихъ нѣтъ ничего предосудительнаго для особы его величества, прибавивъ, впрочемъ, что если ему нужно сообщить что нибудь Августѣйшему моему Государю и поручить это мнѣ, то я готовъ, съ величайшимъ удовольствіемъ, исполнить его волю.

Послѣ того, король пригласилъ меня подождать нѣсколько часовъ. Разложивъ на столѣ географическую карту мою предъ краснымъ носомъ почтмейстера, я старался всячески продлить съ нимъ любимый разговоръ Нѣмецкихъ почтмейстеровъ о политикѣ, чтобы дать время королю написать письмо. Наконецъ онъ написалъ письмо къ Государю Императору и, поручивъ мнѣ запечатать его въ особый пакетъ, отдалъ мнѣ и отпустилъ меня.

Не успѣлъ я выѣхать со станціи, какъ увидѣлъ вдали, что король, въ той же самой коляскѣ, слѣдитъ меня. Дорога была прескверная, и надобно было ѣхать почти шагомъ. Пока я размышлялъ о случившемся, посматривая на королевскую коляску, вдругъ она опрокидывается... «Стой!» закричалъ я кучеру; лошади остановлены, и я выпрыгнулъ на дорогу. Тотчасъ же бросился я на помощь къ королю. Онъ успѣлъ уже выдти изъ коляски и, стоя подлѣ нея, размышлялъ о своемъ несчастіи и былъ, повидимому, сильно огорченъ. На вопросъ мой: не могу ли быть ему чѣмъ нибудь полезенъ? его величество отвѣчалъ мнѣ, что былъ очень радъ моему предложенію, и какъ, продолжая путь, по такой дурной дорогѣ, въ коляскѣ своей, боится, не случилось бы съ нимъ опять такого же приключенія, то весьма бы охотно пересѣлъ въ мой экипажъ и доѣхалъ въ немъ до первой станціи, если только это не обезпокоитъ меня.

И, такимъ образомъ, мы проѣхали съ нимъ четыре Нѣмецкія мили.

Во все это время, сидя со мною рядомъ и занеся руку свою за мои плеча, его величество разговаривалъ со мною о разныхъ происшествіяхъ своего царствованія и проливалъ слезы. Король сильно жа-

---

[1]) Въ 1808 году императоръ Александръ послалъ королю Людовику Голандскому (1778 † 1846) орденъ св. Андрея Первозваннаго; орденскіе знаки отвозилъ въ Гагу Д. Н. Блудовъ (впослѣдствіи графъ). Король Людовикъ былъ третій братъ Наполеона. Къ Россіи онъ имѣлъ еще то отношеніе, что въ 1801 году Первый Консулъ отправлялъ его въ Петербургъ для личныхъ переговоровъ съ Павломъ Петровичемъ. Людовикъ былъ уже въ Берлинѣ; кончина Государя заставила его возвратиться назадъ. *П. Б.*

[2]) И. И. Смирновъ за отъѣздомъ посланника нашего, кн. Сергѣя Николаевича Долгорукова, на воды, оставался тогда нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Амстердамѣ.

ловался на своего брата (императора Наполеона) и на его обращеніе съ нимъ. Онъ говорилъ:

«Боюсь одного: не стали бы добрые Голандцы мои обвинять меня въ постыдномъ бѣгствѣ. Но, судите сами, прилично ли званію короля оставаться долѣе въ городѣ, занятомъ чужеземными войсками? Подъ видомъ почетной гвардіи, ко мнѣ приставили бы настоящую стражу и стали бы держать меня подъ присмотромъ. Кромѣ того, дальнѣйшее пребываніе мое тамъ принесло бы Голандцамъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы. На меня обратилось бы все негодованіе моего брата. Вмѣсто пособія Голандіи въ ея бѣдствіяхъ, я только бѣ[illegible] усилилъ. Ясно видя, что братъ мой непремѣнно хотѣлъ удалить меня отъ престола, я, добровольно отказавшись отъ него, полагалъ сдѣлать ему угодное, а Голандцамъ принесть существенную пользу, учредивъ регенство, котораго правительницею назначилъ жену мою. Чтобъ отклонить отъ себя всякое оскорбительное подозрѣніе, я, вмѣсто Англіи или Америки, избралъ себѣ убѣжищемъ владѣнія тестя его, императора Австрійскаго. Я намѣренъ поселиться въ Теплицѣ и подъ именемъ графа Сенъ-Ле (St. Leu.)».

Этимъ кончилась важнѣйшая часть бесѣды моей съ королемъ. Послѣ нѣкотораго молчанія, пожелавъ знать имена особъ, сопровождавшихъ короля, я взялъ смѣлость спросить его объ этомъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что то были г-нъ Блоисъ-фанъ-Амстель (Bloys van Aemstel) и генералъ Траверсъ. Первый изъ нихъ, во время поѣздки моей съ королемъ, сидѣлъ на козлахъ съ моимъ почтальономъ, и какъ ни старался я убѣдить короля позволить мнѣ занять его мѣсто, онъ никакъ не дозволилъ мнѣ пересѣсть туда, вѣроятно потому, что примѣтилъ мою усталость.

Въ разговорахъ нашихъ я примѣтилъ нѣкоторый родъ неудовольствія короля противъ разныхъ особъ его двора. Вотъ что сказалъ онъ мнѣ, между прочимъ, о г-нѣ де Роэллѣ, своемъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ: «Я имѣю все право жаловаться на г-на Роэлля, который совершенно покинулъ меня въ то время, когда я въ немъ имѣлъ величайшую нужду. Что жъ касается до маршала Дюмонсо, главнокомандующаго королевскихъ войскъ, бывшій король сказалъ о немъ: «Я столь же мало доволенъ генераломъ Дюмонсо, который, во время предположенной защиты Амстердама, противился всѣми средствами этой мѣрѣ и показалъ себя всѣхъ болѣе преданнымъ сторонѣ Французовъ».

(Изъ Маяка 1840, кн. 2-й).

Преданія о Демидовыхъ и о Демидовскихъ заводахъ.

На Невьянскихъ желѣзныхъ заводахъ, пожалованныхъ Петромъ Первымъ родоначальнику Демидовыхъ, можно еще видѣть усадьбу Никиты Антуфьева, какъ онъ назывался тогда. Сохранилось также много любопытныхъ бумагъ и преданій о знаменитомъ Тульскомъ кузнецѣ. Разсказываютъ, между прочимъ, слѣдующія подробности о первой его встрѣчѣ съ Петромъ.

Одинъ изъ нашихъ вельможъ, ѣздившій за границу, привезъ Петру пистолетъ. Царь очень потѣшался подаркомъ, но къ несчастію сломалъ курокъ.

Не нашлось въ Москвѣ мастера способнаго его починить, и кто-то посовѣтовалъ обратиться въ Тулу, гдѣ кузнецъ Никита Демидовъ Антуфьевъ славился ловкостью и искусствомъ. Петръ, ѣхавшій въ Воронежъ, захватилъ пистолетъ съ собой, остановился въ Тулѣ и приказалъ позвать кузнеца, который объявилъ, что дѣло можно поправить, но что починка потребуетъ времени. Петръ оставилъ ему пистолетъ съ тѣмъ, чтобъ взять его назадъ, когда поѣдетъ обратно въ Москву. Мѣсяца черезъ два Государь прибылъ опять въ Ту[illegible] и спросилъ о своемъ заказѣ. Никита Демидовъ принесъ ему пистолетъ. [illegible]рѣвши его, Петръ похвалилъ кузнеца и прибавилъ: «А пистолетъ-то [illegible] Доживу ли я до того времени, когда у меня на Руси будутъ такъ ра[illegible]!» —«Чтожъ, авось и мы супротивъ Нѣмца постоимъ!» отозвался Никита.

На бѣду Петръ выпилъ лишнюю рюмку анисовки, и эти ненавистныя слова, слышанныя имъ уже столько разъ, взбѣсили его. Онъ не сдержалъ руки и крикнулъ, ударяя въ щеку Антуфьева: «Сперва сдѣлай, мошенникъ, потомъ хвались!»

«А ты, Царь», возразилъ, не смущаясь кузнецъ, «сперва узнай, потомъ дерись!» При этихъ словахъ онъ вынулъ изъ кармана пистолетъ и продолжалъ: «Который у твоей милости, тотъ моей работы, а вотъ твой—заморскій-то»:

Разглядѣвъ пистолеты, обрадованный Петръ подошелъ къ Никитѣ и обнялъ его.

— «Виноватъ я передъ тобой», сказалъ онъ, «и ты, я вижу, малый дѣльный. Ты женатъ?»

— «Женатъ».

— «Такъ ступай же домой и вели своей хозяйкѣ мнѣ приготовить закусить, а я кое-что осмотрю, да часика черезъ два приду къ тебѣ, и мы потолкуемъ».

Кузнецъ, не чуя отъ радости земли подъ ногами, полетѣлъ домой. Жена его не поскупилась, разумѣется, на угощенье, принарядилась и встрѣтила дорогаго гостя съ низкимъ поклономъ. Петръ, отвѣдавъ хлѣба-соли, разговорился съ Антуфьевымъ и спросилъ его, не возмется ли онъ устроить въ Тулѣ ружейный заводъ, о которомъ Царь давно мечталъ, и много ли потребуется денегъ на это предпріятіе.

Антуфьевъ попросилъ пяти тысячъ. Онѣ были ему немедленно выданы изъ казны, и онъ приступилъ къ дѣлу въ добрый часъ. Заводъ былъ выстроенъ, пущенъ и сталъ снабжать ружьями нашу армію. Петръ, довольный распорядительностью Антуфьева, пожаловалъ ему въ Тобольскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ два желѣзные завода на Каменкѣ и на Нейвѣ, которые давали мало дохода за неимѣніемъ искусныхъ управителей. Кузнецъ принялъ это даръ съ большой благодарностью и обязался, въ свою очередь, поставлять ежегодно Царю извѣстное количество военныхъ запасовъ, пушекъ и желѣза.

Петръ слѣдилъ зорко за дѣятельностью Антуфьева и входилъ въ малѣйшія подробности устройства заводовъ. Они были жалованы въ началѣ Марта 1702 года, а въ Декабрѣ думный дьякъ Андрей Виніусъ уже ѣздилъ ихъ осматривать по указу Государя и передалъ его наставленія и приказанія Никитѣ Антуфьеву.

Горнозаводское дѣло мало привлекало крестьянъ, и со дня основанія заводовъ невозможно было добыть работниковъ безъ понудительныхъ мѣръ. Сосѣднія слободы обязаны были поставлять извѣстное число людей на заводъ.

Петръ приказывалъ Антуфьеву содержать ихъ и назначить имъ «удобный и пристойный паекъ». Лѣнивыхъ же Антуфьевъ имѣлъ право наказывать тѣлесно, «но въ такой мѣрѣ, чтобъ тебѣ чрезмѣрною жестокостію ихъ врознь не разогнать, и не навесть бы тебѣ на себя правыхъ слезъ въ томъ и обиднаго воздыханія, и отъ того гораздо остерегаться: для того, что обида, паче убогому человѣку, есть грѣхъ непростительный. Къ тому опасно, чтобъ той ра[illegible]ричины не учали бъ бѣгать, и заводы чтобъ тѣмъ не запустѣли; а охоч[illegible]ли учить, чтобъ исподволь изучась могли себѣ пожиточки работою с[illegible]ажить».

К[illegible]ьяне иныхъ селъ были также обязаны работать на Антуфьева, «въ мѣсяцъ недѣлю, да на годъ всякому человѣку возить на тѣ заводы по возу сѣна и по пяти возовъ соломы». Съ своей стороны Антуфьевъ обязывался платить желѣзомъ, смотря по тогдашней оцѣнкѣ, всѣ поборы и подати за крестьянъ, и не требовать отъ нихъ работы сверхъ ряды.

Государь заботился также о томъ, чтобъ лѣсъ, котораго было при заводахъ «по тридцати верстъ на всѣ стороны», содержать въ порядкѣ и рубить бережно «сряду, чтобъ то мѣсто запустя опять заросло». Онъ запрещалъ держать на заводахъ вино и вообще горячіе напитки, дозволялъ, чтобъ для потребности работниковъ была учреждена безпошлинная ярмарка и приказывалъ обращаться къ нему лично по заводскимъ дѣламъ.

Еще до передачи Антуфьеву заводовъ Царь завелъ на нихъ школы и больницы. Эти заведенія онъ поручилъ попеченію новаго владѣльца. «Дѣткамъ школы, а больнымъ больницы были построены: ихъ кормить и всячески призирать и лѣчить».

Антуфьевъ былъ распорядителенъ, дѣятеленъ и уменъ. Дѣло спорилось и росло подъ его руками. Онъ умножилъ число доменъ, и на заводѣ стучали день и ночь тысячи молотовъ. Мало того, онъ открылъ мѣдную руду на казенной землѣ и просилъ о дозволеніи построить новый еще заводъ. Государь принялъ охотно просьбу, какъ видно изъ указа Бергъ-Коллегіи, отъ Декабря 1720 года:

«Велѣно Тулянину Никитѣ Демидову въ Сибирской губерніи, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, на государевой порожней землѣ, за рѣчкою Высью, гдѣ онъ, Никита Демидовъ, нашелъ мѣдную руду, наономъ мѣстѣ построить ему Демидову мѣдный заводъ на его собственныя деньги и на томъ заводѣ плавить ему мѣдь; и съ того завода десятаго пуда съ него, Демидова, съ даннаго ему его великаго государя указа, два года имать не велѣно, для того, что у него оный заводъ строиться будетъ вновь, а по прошествіи двухъ лѣтъ ему Демидову платить чистой мѣдью десятый пудъ на денежный дворъ въ Москвѣ, и въ артилерію по вся годы безъ доимки. А не отъ прибыли десятый пудъ съ него брать, для того, что ему, Демидову, подъ тотъ заводъ велѣно дать государеву землю и лѣсъ ему велѣно рубить государевъ же».

«Ему, Демидову», сказано дальше о томъ мѣдномъ заводѣ, «велѣно трудиться и тщатися и какъ возможно проискивать, чтобъ то рудное дѣло у него произведено и умножено было съ удовольствіемъ и обнадежить, что оный заводъ не возмется у него и у жены его и у дѣтей и у наслѣдниковъ, покамѣстъ они оный заводъ содержать будутъ въ добромъ состояніи».

Демидовъ не давалъ отдыха себѣ и не терпѣлъ лѣнивыхъ. Ничто не ускользало отъ его зоркаго глаза, а нрава онъ былъ крутаго. Въ своемъ домѣ

онъ устроилъ акустику, дававшую ему возможность слышать все что говорилось за нѣсколько комнатъ. Этотъ домъ существуетъ до сихъ поръ и простоитъ вѣроятно многіе еще десятки лѣтъ. Онъ выстроенъ весь изъ камня, желѣза и дуба; стѣны двухъ-аршинной толщины, и ничто въ немъ не измѣнилось со времени перваго владѣльца. Узкія окна, узкія чугунныя лѣстницы, поставцы въ стѣнахъ, балконы, на которыхъ можетъ стоять одинъ лишь человѣкъ, все напоминаетъ о давно протекшихъ дняхъ [1]).

Заводы процвѣтали, доходы ихъ умножались, и Царь, получавшій е[illegible]) свой запасъ пушекъ, ружей, фузей и желѣза, наградилъ дѣятельност[illegible]-фьева дарованіемъ ему, въ 1720 году, потомственнаго дворянства «под[illegible] миліей Демидова». 28 лѣтъ сряду горнозаводское дѣло усовершенствовалось подъ умнымъ и неусыпнымъ надзоромъ Никиты Демидовича, который умеръ на своей родинѣ, въ Тулѣ, гдѣ можно видѣть его надгробный памятникъ въ Христорождественской церкви.

На Невьянскихъ заводахъ сохранился писанный масляными красками его портретъ. Рѣдко случается видѣть такой характерный типъ. Одною изъ жилистыхъ рукъ бывшій кузнецъ придерживаетъ кожапу (шубу), наброшенную на кафтанъ, другой опирается на костыль. Худощавостью и желтоватымъ цвѣтомъ лица онъ напоминаетъ аскета. Черные глаза впали, губы сжаты, небольшая черная борода спускается на грудь, черепъ обнаженъ, вся физіономія носитъ отпечатокъ ума и силы. Такимъ выраженіемъ природа одаряетъ именно людей, которые завѣщеваютъ свое имя потомкамъ.

Онъ оставилъ трехъ сыновей, которые раздѣлили между собой его имѣніе. Родъ втораго скоро пресѣкся, потомство третьяго, Никиты, здравствуетъ до сихъ поръ; но значительное дѣдовское наслѣдство постепенно дробилось, и богатство, накопленное Никитой Демидовымъ, сохранилось и умножилось лишь въ родѣ старшаго сына его Акинѳія.

Акинѳій Никитичъ къ наслѣдственнымъ заводамъ прибавилъ еще новые: мѣдные, серебряные и золотые. Какъ отецъ его, онъ трудился неусыпно надъ ними въ продолженіе пятнадцати лѣтъ и скончался на пути изъ Казани въ Сибирь, на рѣкѣ Камѣ. По духовному завѣщанію свои деревни и часть движимаго имѣнія онъ оставилъ старшимъ сыновьямъ: Прокопію и Григорію, а заводы доставались сполна меньшему, Никитѣ, такъ какъ отецъ видѣлъ у него болѣе способности къ горнозаводскому дѣлу, нежели у его братьевъ.

Но, не смотря на законность завѣщанія и на отцовскую волю, старшіе братья протестовали. Императрица Елисавета Петровна уничтожила духовную Акинѳія Никитича и приказала его сыновьямъ, для избѣжанія *споровъ и тяжбъ*, приступить къ *полюбовному и безобидному* раздѣлу его наслѣдства на три равныя части, «объявляя, какъ сказано въ оффиціальной бумагѣ, яко о томъ ихъ раздѣлѣ собственною своею персоною разсмотрѣть намѣрены».

Полюбовный раздѣлъ привелъ, разумѣется, къ безконечнымъ раздорамъ. Акинѳій Никитичъ умеръ въ 1745 г., а въ 1759 г. судъ разсматривалъ еще просьбу обиженнаго Никиты, который желалъ исключить изъ раздѣла вещи ему подаренныя, имѣнье купленное ему отцомъ, и наконецъ конторщика

---

1) Этотъ домъ принадлежитъ теперь Василію Никитичу Рукавишникову, одному изъ владѣльцевъ заводовъ жалованныхъ Петромъ. В. Н. Рукавишниковъ снабдилъ меня обязательно документами для составленія этой статьи.

Аѳанасья Яковлева уже *уступленнаго ему изъ единой любви братской*; а Григорій Акинѳіевичъ заявляетъ, въ свою очередь, право на крестьянъ, переведенныхъ на его имя при жизни отца. Наконецъ, по устраненіи всѣхъ спорныхъ пунктовъ, мы видимъ изъ офиціальнаго акта, 12 Декабря 1759 г., что «условились и одногласно по полюбовному братскому раздѣлу положили и утвердили, а аменно: первой части, называемой Невьянской, быть за большимъ брат[illegible] Прокофьемъ, второй—Ревдинской, за среднимъ Григорьемъ, третьей—Ния[illegible]ильской, за меньшимъ Никитою».

Дѣ[illegible]ія богатства раздробились на мелкія части въ родѣ Григорья Акинѳіевича, однако они принесли свою пользу отечеству. Сынъ его, Павелъ Григорьевичъ, основалъ въ Ярославлѣ лицей, носящій его имя. Что касается до Прокофья Акинѳіевича, то онъ оставилъ своимъ дѣтямъ значительные капиталы, которые разошлись также со временемъ по многимъ рукамъ, но заводы свои продалъ. Онъ былъ извѣстенъ какъ человѣкъ добрый и крайній чудакъ. Намъ довелось слышать много разсказовъ о немъ отъ старушки, которая знала его въ своей молодости. Онъ былъ женатъ два раза. Послѣ смерти первой его жены ему понравилась молодая дѣвушка изъ Московскаго общества. Демидовъ, какъ большая часть богачей, избалованный могуществомъ золота, не усомнился, что красавица приметъ его предложеніе. Онъ поѣхалъ въ домъ ея родителей и вошелъ въ кабинетъ отца, сопровождаемый лакеемъ; этотъ послѣдній несъ шкатулку, которую поставилъ на столъ. Демидовъ вынулъ ключъ изъ кармана и отперъ ее. Въ ней лежали великолѣпные бриліанты.

— Хороши?» спросилъ нежданный гость, обращаясь къ хозяину дома.

— «Очень хороши», отвѣчалъ тотъ, взглянувъ на него съ удивленіемъ,— «но позвольте спросить, государь мой, по какому случаю имѣю я честь васъ видѣть у себя?»

— Я пріѣхалъ свататься за вашу дочь: это мой первый подарокъ.

— «Берите его назадъ: я не отдамъ дочери за васъ».

Прокофій Акинѳіевичъ не повѣрилъ ушамъ.

— Какъ! повторялъ онъ, вы не отдадите вашей дочери за меня!

«Не отдамъ», настаивалъ съ своей стороны отецъ, «Богъ съ вами и съ вашими бриліантами».

Вернувшись домой, Демидовъ позвалъ своего конторщика и отдалъ ему слѣдующее приказаніе:

«Напечатать въ газетахъ, что Прокофій Демидовъ сватался и получилъ отказъ [2]).

Разъ къ нему обратилась съ просьбой мелкопомѣстная помѣщица, которая вошла въ неоплатный для нея долгъ,—тысячу рублей. Она умоляла Демидова дать ей взаймы эти деньги, обѣщаясь возвратить ихъ по возможности.

«Хорошо», сказалъ онъ, «только считай ихъ сама».

Черезъ нѣсколько минутъ лакеи внесли въ комнату огромные мѣшки, наполненные мѣдными деньгами.

«Посчитай-ка», повторилъ, смѣясь, Демидовъ, «всѣ ли тутъ сполна».

---

[2]) Не знаю, явилось ли въ газетахъ это оригинальное объявленіе и, къ сожалѣнію, не помню имени честнаго человѣка, котораго не подкупило Демидовское богатство.

Просительница, не позволяя себѣ никакого замѣчанія, сѣла на полъ и стала раскладывать около себя кучки пятаковъ и грошей, а Прокофій Акинѳіевичъ сновалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, задѣвая ихъ ногой, будто по неловкости, и бѣдная женщина принималась опять за свой неблагодарный трудъ. Черезъ нѣсколько часовъ она объявила наконецъ, что 1000 рублей сочтены.

«Да не лучше ли дать тебѣ деньги золотомъ?» спросилъ ее Демидовъ, «а то, пожалуй, не ловко тебѣ будетъ нести эти мѣшки».

— Разумѣется, золотомъ, батюшка, коли милость ваша будетъ, отвѣчала она.

«Такъ давно бы ты сказала; вѣдь мнѣ и въ голову не пришло; а за то, что ты трудилась даромъ, ужъ такъ и быть, бери ихъ безъ отдачи».

Доброта его сердца проглядываетъ въ перепискѣ съ сыновьями, проживавшими на заводахъ, чтобъ учиться горнозаводскому дѣлу. «Пишете», говоритъ онъ въ письмѣ отъ Января 1763 г., «что работные люди, взирая на сосѣднихъ приписныхъ, отъ работъ отказались. О томъ я жалѣю, и хотя они совсѣмъ работать не станутъ, въ томъ ихъ не принуждать и въ канцеляріи просить о нихъ не велѣть; а какъ они проживутся, тогда работать охотно станутъ. Да отъ всемилостивѣйшей Государыни для противниковъ посланъ генералъ, и ежели близко прибудетъ, то прикащикамъ, а когда случится и вамъ, его превосходительство просить, чтобъ съ ними, ежели возможно, до разоренія не доходить, развѣ отъ нихъ какія будутъ безчеловѣчности. Въ такомъ случаѣ просить защищенія, и ежели явится опасность, то и вамъ выѣхать въ Катеринбургъ».

«Не будь лѣнива, самолюбива и жадна», пишетъ онъ дочери своей, «живи умѣренно, не скупо, да и не чливо. Помни, какъ я живу. Вмѣсто роскоши, помогай недостаточнымъ, а другихъ лаской довольствуй».

Демидовъ ѣздилъ въ Голандію, въ Англію, и принималъ самое дѣятельное участіе въ устройствѣ Московскаго Воспитательнаго Дома, выстроилъ самое зданіе на собственный капиталъ и пожертвовалъ на Комерческое Училище двѣсти слишкомъ тысячъ. Благосостояніе этого заведенія сильно его занимало: «Я, мой батюшка», пишетъ онъ къ зятю своему Хозикову, «о моей радости тебѣ доношу, что Богъ меня благословилъ двухъ дѣтей богатыхъ отцевъ въ Комерческое Училище принять. Я думаю, его превосходительство (т. е. Бецкій) на меня гнѣвается; да уже отважился, чтобы было за что. Одинъ 6-ти лѣтъ, а другой 11-ти, который Русскую, Нѣмецкую, Ариѳметикѣ уже выучился, и говоритъ изрядно немного и пофранцузски».

«Меня, государь мой, богатый много порадовалъ. Какъ его сынъ выдетъ и будетъ въ чужихъ краяхъ, отецъ пожелаетъ, чтобъ тамъ Россійская контора завелась. Тогда-то богатые купцы жалѣть будутъ о глупости своей!»

Т. Толычова.

Святое Евангеліе на Малорусскомъ языкѣ.

Библіотекѣ Полтавской Духовной Семинаріи принадлежитъ замѣчательная рукопись: четвероевангеліе въ переводѣ на Малорусскій языкъ такъ называемаго Пересопницкаго извода [1]), вышедшее изъ подъ пера (въ промежутокъ 1556—1561 годовъ) нѣкоего Михаила Васильевича, сына протопопа съ Санока [2]). Переводчикомъ является архимандритъ Пересопницкаго монастыря Григорій. Рукопись четвероевангелія представляетъ большой томъ въ листъ. Она въ дубовыхъ доскахъ, обложенныхъ старымъ зеленымъ бархатомъ. Отъ начала до конца вся написана на очень хорошемъ, тонко выдѣланномъ пергаментѣ. Она вся писана прекраснымъ уставнымъ письмомъ до того поразительно-чистымъ, что для неопытнаго взгляда представляется печатною. Чернила замѣчательно добротны и только лишь на нѣкоторыхъ страницахъ начинаютъ желтѣть. Въ рукописи находятся живописныя украшенія. Первыя страницы каждаго изъ четырехъ евангелій имѣютъ вверху виньетку, надпись, сдѣланную золотою вязью и разноцвѣтную узорчатую рамку; каждая глава начинается красною большою заставкою; заставки первой страницы каждаго изъ евангелій отличаются особенно художественною отдѣлкою и бо̀льшею, сравнительно съ остальными, величиной. Въ рукописи по разнымъ мѣстамъ ея разсѣяны виньетки и разнаго рода бордюры. Кромѣ того въ рукописи сохранились во всей цѣлости четыре изображенія евангелистовъ. Всѣ четыре рисунка сдѣланы по золотому сплошному полю гуашными красками. Краски положены густыми слоями, рукою наторѣлою, художественно и съ чрезвычайною тонкостью. Не смотря на значительный объемъ листовъ подъ рисунками, сіи послѣдніе, по чистотѣ и отчетливости работы, по свѣжести и сочности колеровъ и вообще по художественной красотѣ, не уступаютъ лучшимъ образщикамъ миньятюръ что̀ входятъ въ составъ сокровищъ Императорской Публичной Библіотеки. Пошибъ рисунковъ чисто Византійскій, измѣненный только въ характерѣ бордюровъ, въ которыхъ, съ широкими, своеобразными, кудреватыми, разноцвѣтными завитками, подмѣчается нѣчто особое отъ обыкновеннаго стиля Византійской бордюрографіи. Евангелистъ Матѳей изображенъ во весь ростъ сидящимъ и окруженнымъ грудами книгъ; ангелъ съ выси облаковъ подаетъ ему книгу. Изображеніе евангелиста Марка въ томъ же родѣ, что̀ и Матѳея; подъ ногами у него книга; орелъ съ облаковъ вручаетъ ему книгу. Евангелистъ Лука представленъ черчащимъ на свиткѣ; облачнымъ книгоподателемъ при немъ является телецъ. Рисунокъ послѣдняго евангелиста по экспрессіи лучше остальныхъ: Іоаннъ изображенъ диктующимъ евангеліе ученику Прохору; въ дали—высокія го-

[1]) Пересопница находилась на Волыни, между городами Ровно и Луцкомъ. На мѣстѣ существованія ея стоитъ и понынѣ церковь, остатокъ древняго монастыря. [2]) Санокъ—мѣстечко въ Галиціи на лѣвомъ берегу рѣки Сана, вблизи города Пржемысля.

ры; книгу подаетъ левъ. Каждый рисунокъ сдѣланъ во весь листъ, не менѣе полуаршиннаго объема; но широкій бордюръ и находящаяся подъ каждымъ евангелистомъ подпись захватываютъ немало мѣста, такъ что изображенія собственно евангелистовъ не особенно велики.

Пересопницкое Евангеліе представляетъ собою цѣльный и очень обширный памятникъ южно-русской церковно-народной письменности. Служа для филологовъ источникомъ изслѣдованій, онъ можетъ быть немаловажнымъ матерьяломъ и для исторіи миньятюрнаго искусства.

Иванъ Павл...ій.

Замѣчанія митрополита Филарета на конспектъ Каноническаго права.

(1841).

Сочиненіе о существѣ и характерѣ Каноническаго права говоритъ, что видѣть значеніе Каноническаго права и его отношеніе къ области юриспруденціи можетъ только тотъ, кто знакомъ съ послѣднею во всѣхъ ея явленіяхъ. Не имѣющему сего послѣдняго преимущества поставлена преграда входить въ сужденіе и укрѣплена запоромъ: conditio, sine qua non. Слѣдственно, тутъ нечего и дѣлать. Развѣ, можетъ быть, противоположная необходимость заставитъ сокрушить запоръ и вторгнуться въ заповѣданное сужденіе.

Дабы присвоить юридической университетской каѳедрѣ Каноническое право, сочиненіе говоритъ, что отъ сего права приходитъ освященіе и оживленіе различнымъ отраслямъ юридической жизни. Здѣсь не принято труда различить вліяніе догматическаго и нравственнаго христіанскаго ученія и собственно Каноническаго права. Напримѣръ, освященіе брачному союзу сообщается догматическимъ и нравственнымъ ученіемъ христіанскимъ, а не Каноническимъ правомъ, котораго дѣло состоитъ въ отвращеніи видимыхъ незаконностей. И такъ, если въ составъ юридическихъ наукъ влещи то, чѣмъ христіанство ихъ освящаетъ, то въ составъ сей надлежало бы ввести и догматическое и нравственное христіанское ученіе. Но если сіе неумѣстно, если догматическое и нравственное христіанское ученіе по справедливости имѣетъ особую каѳедру, то сей, а не другой приличнѣе присоединить къ себѣ и Каноническое право.

Сочиненіе говоритъ, что въ Духовныхъ Академіяхъ преимущественно должно излагать церковный элементъ Каноническаго права, куда оно относитъ между прочимъ догматику, а въ Университетахъ преимущественно юридическій, относящійся къ гражданскому быту подъ вліяніемъ канона. Изъ сего раздѣленія слѣдовало бы, что о разныхъ подробностяхъ правилъ, относящихся до брака и развода, надлежитъ преимущественно говорить въ Университетѣ, а не въ Духовной Академіи. Но не преимущественно-ли священнику нужно знать подробности правилъ о бракахъ, которые онъ долженъ совершать? Изъ сего видно, какъ предполагаемая теорія не обѣщаетъ вѣрнаго приложенія къ практикѣ.

Сочиненіе хочетъ преподавать въ Университетѣ Каноническое право общаго содержанія для всѣхъ христіанскихъ вѣроиспо-

вѣданій. Какъ сіе исполнится? Какъ преподастся напримѣръ *общее содержаніе* правилъ о бракѣ, которыя только въ православной церкви сохраняютъ древній общій видъ каѳолическій, а въ Римской измѣнены по своему? Какъ составится общее содержаніе правилъ о разводѣ, который въ православной церкви возможенъ съ тѣмъ, что виновное лицо лишается права на новый бракъ, въ Римской невозможенъ, однако такъ, что тамъ есть браки *законные* и въ тоже время *нетвердые*, въ протестантствѣ такъ легокъ, что виновное лиц подвергается запрещенію новаго брака—на нѣсколько мѣсяцевъ? Имъ *общее содержаніе* не сообщитъ знанія дѣла, или, если сообщитъ знаніе дѣла, то не окажется общаго содержанія. И справедливо ли немногимъ лицамъ терпимаго вѣроисповѣданія угождать наравнѣ съ большинствомъ господствующаго? Если притомъ будутъ опровергать правила неправославныхъ, то ихъ не удовлетворятъ, а оскорбятъ; а если будутъ доказывать, то не соблазнятъ-ли православныхъ?

Сочиненіе говоритъ, что Каноническое право не имѣетъ отдѣльнаго самостоятельнаго быта, особыхъ началъ; что канонъ есть дополненіе къ свѣтскому праву. Полно такъ-ли? Напримѣръ, канонъ Апостольскій: *два или три епископа поставляютъ епископа*, неужели есть только дополненіе къ свѣтскому праву? Неужели онъ не стоялъ отдѣльно, самостоятельно, на собственныхъ началахъ, прежде нежели свѣтское языческое право сдѣлалось христіанскимъ и пришло на помощь канону для его охраненія? Начало Каноническаго права нѣсколько постарѣе началъ права Римскаго: одна изъ старинныхъ статей Каноническаго права есть 18-я глава книги Левитъ, написанная когда Рима еще не было.

Сочиненіе говоритъ, что самые источники суть почти общія для того и другаго права. Посмотримъ. Источники Каноническаго права суть: Св. Писаніе, правила св. Апостоловъ, соборовъ, св. Отцевъ, церковные уставы. Скажетъ ли свѣтское право, что сіи источники суть для него *почти общіе* съ правомъ Каноническимъ?

Отличительнымъ основнымъ началомъ свѣтскаго права поставлено временное и мѣстное осуществленіе идеи вѣчной правды. Но развѣ въ Каноническомъ правѣ не господствуетъ таже идея вѣчной правды, съ опредѣленностями мѣстными и временными?

Характеромъ Каноническаго права полагается *неподвижность*, но притомъ ему приписывается *органическое движеніе*, продолжавшееся девять вѣковъ.

О какихъ это людяхъ говоритъ сочиненіе, *которые не имѣютъ столько силъ, чтобы жизнь свою соображать съ внутренними духовно-христіанскими началами, а не заимствовать элементы извнѣ*? Знаетъ ли оно людей, *которые бы имѣли столько силъ, что не имѣли бы нужды заимствовать элементы извнѣ*?

Сочиненіе говоритъ, что изъ *девятивѣковаго движенія наконецъ составилась догма вселенская*. Богословы говорятъ, что *догма вселенская* существовала съ начала христіанства, а *не наконецъ* составилась.

Обрядамъ вообще приписываетъ сочиненіе измѣняемость. Нельзя допустить сего. Есть обряды въ каѳолической церкви неизмѣняемые до жизни будущаго вѣка.

Сочиненіе говоритъ: *естьли общія убѣжденія народа*

становятся неравны съ формою обряда; то нужна для нихъ новая форма. Сего подчиненія обрядовъ какому-то демократическому началу Каноническое право совсѣмъ не знаетъ.

Далѣе о семъ же предметѣ говорится: надо смотрѣть болѣе на низшіе слои народности, а не на высшіе. Здѣсь недосмотренъ и неустраненъ весьма темный оттѣнокъ мысли, аки бы обрядовыя учрежденія религіи годны и надобны только для низшаго класса людей, будто высшій выше ихъ.

«Существованіе его (обряда) не стѣсняетъ совѣсти». Здѣсь опять мелькаетъ неблагопріятное предположеніе, будто всякій обрядъ есть вещь едва терпимая, едва согласимая съ совѣстію.

Сочиненіе обѣщаетъ не произносить скораго сужденія о предметахъ Каноническаго права, остающихся неизмѣнными, хотя бы повидимому и надо ихъ измѣнить. Обѣщаніе доброе, но не успокоивающее, потому что оно тутъ же угрожаетъ надобностію реформы.

«Различіе Восточной церкви отъ Западной скрывается глубоко въ начальныхъ слояхъ новой цивилизаціи».—«Въ IX вѣкѣ оно только окончательно высказалось подъ формою раздвоенія церкви».—По этому Православіе Восточной церкви состоитъ не въ чистомъ ученіи, не въ вѣрномъ апостольскомъ преданіи, а въ особомъ слоѣ цивилизаціи? Сочинитель, безъ сомнѣнія, сего не думалъ; но слова его не доказываютъ ли, какъ опасно подчинить Каноническое право свѣтскимъ теоріямъ?

«Восточный міръ—безъ классическаго языка».—А развѣ Греческій языкъ не классическій?

«Эпоха соборная отъ III до VI вѣка».—Въ третьемъ вѣкѣ вселенскихъ соборовъ не было, а послѣдній вселенскій соборъ былъ въ VIII вѣкѣ.

«На Западѣ гораздо сильнѣе отразился классическій Латинскій элементъ, нежели на Востокѣ».—Жаль, что на сіе не представлено доказательства. Въ чемъ состоитъ Латинскій классическій элементъ западнаго Каноническаго права? Развѣ только въ Латинскомъ языкѣ, который однако въ Каноническомъ правѣ уже вовсе не классическій? И естьли, по несчастію, Латинскій классическій элементъ окажется преобладающимъ въ западномъ Каноническомъ правѣ: то юриспруденція обоихъ правъ не сдѣлаетъ ли опредѣленія, чтобы Латинскую церковь признать классическою церковью? Къ чему послужатъ и куда поведутъ такіе идеальные юридическіе взгляды, не приспособленные строго къ самому дѣлу?

Представленный проэктъ, въ которомъ Каноническое право подчинено идеальнымъ историко-философскимъ соображеніямъ, и такимъ образомъ право положительное не освобождено отъ произвольныхъ порывовъ юридико-философскаго разума, кажется, убѣждаетъ въ томъ, что неудобно Каноническое право отдать свѣтской каѳедрѣ. Естьли свѣтское право чувствуетъ нужду въ освященіи и одушевленіи высшимъ правомъ церковнымъ: пусть оно исходитъ изъ устъ преподавателя христіанина, не въ языческомъ, а христіанскомъ видѣ, что̀ можетъ быть сдѣлано безъ противорѣчія характеру преподаваемаго предмета: потому что христіанство есть высочайшая и чистѣйшая мудрость, и слѣдственно здравый разумъ христіанскія идеи гражданскаго права не можетъ почесть чуждыми себѣ, а скорѣе долженъ признать ихъ себѣ содружными, естьли онъ не ослѣпленъ предубѣжденіемъ и гордостію.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1878 года изъ двѣнадцати книжекъ какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: *Въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію **10** рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію **11** рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской—50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній—10 копѣекъ.

(О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива см. на внутренней сторонѣ обертки).

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.